СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XCV, № 1.

ДІАЛЕКТОЛОГИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ,

СОБРАННЫЕ

В. И. Тростянскимъ, И. С. Гришкинымъ и др.

Приготовилъ къ печати и снабдилъ примѣчаніями

А. А. Шахматовъ.

2-й экз.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1916.

— 2-й экз.

PG
2023
.93

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1916 года.

Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ*.

Библіотека
Академіи Наукъ
032
47

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Народныя пѣсни, собранныя въ сѣверо-западномъ углу Землянскаго и отчасти Задонскаго уѣздовъ Воронежской губерніи. *Записалъ* В И. Тростянскій. . . . . 1— 65

Образецъ говора Орловскаго и Котельническаго уѣздовъ Вятской губерніи. . . . . 67— 75

Образцы говора села Лѣки Егорьевскаго уѣзда Рязанской губерніи. *Записалъ* И С. Гришкинъ. . . . . 75—124

Этнографическіе матеріалы, собранные въ Задонскомъ уѣздѣ Воронежской губ, по порученію Императорской Академіи Наукъ [Старинныя пѣсни, духовные стихи и заговоры]. *Записалъ* В И Тростянскій. . . . . 125—158

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемый небольшой сборникъ включены діалектологическіе матеріалы, записанные въ разныхъ мѣстностяхъ великорусской языковой области—въ Воронежской, Рязанской и Вятской губерніяхъ. Ихъ объединяетъ наличность въ воспроизводимыхъ говорахъ одной общей черты, вообще рѣдкой въ великорусской области—появленія дифтонгическаго произношенія на мѣстѣ исконнаго о и на мѣстѣ исконнаго ѣ. Условія появленія этихъ дифтонговъ для всѣхъ трехъ говоровъ одинаковы; они совпадаютъ съ условіями дифтонгизаціи о и исконнаго ѣ, опредѣляемыми для одного изъ Тотемскихъ говоровъ Вологодской губерніи Ол. Брокомъ (Сборникъ отд. р. яз. и слов., т. 83). Для появленія дифтонга на мѣстѣ о условія слѣдующія: ударяемость исконнаго (слѣдовательно, не восходящаго къ ъ, ы, е) о; при этомъ въ неначальномъ слогѣ дифтонгизаціи подвергается всякое исконное о подъ удареніемъ; въ начальномъ же слогѣ оказывается колебаніе. Сопоставленіе съ другими славянскими языками (прежде всего съ сербско-хорватскимъ и словенскимъ) показываетъ, что о дифтонгизовалось только подъ восходящимъ (исконнымъ восходящимъ) удареніемъ, сохраняясь безъ измѣненія подъ нисходящимъ: кӯожа, хӯодим, двӯор (ср. словенск. kóža, hódimo, dvór), но год, поле, воду (ср. словенск. gôd, poļê, vodô, штокавск. гȏд, пȍље, вȍду, при чемъ на нисходящее удареніе указываютъ и русск. нá год, нá поле, нá воду, штокавск. ȕ гōд, нȁ поље, нȁ воду). Въ виду того, что въ общеславянскомъ праязыкѣ нисходящее удареніе сохранялось только на начальномъ слогѣ, видимъ, что вообще и въ

начальныхъ и въ другихъ слогахъ дифтонгизація въ великорусскихъ говорахъ наступала только подъ исконно восходящимъ ударѐнемъ. Дифтонгическое произношеніе исконнаго ѣ во всѣхъ трехъ говорахъ зависитъ отъ ударяемости ѣ.

Записи В. И. Тростянскаго, исполненныя совершенно независимо отъ какихъ-либо теоретическихъ предпосылокъ, въ отношеніи различенія о и ǔо, а также ĭе на мѣстѣ ударяемаго ѣ, представляются почти безупречными. То же должно сказать о записи, исполненной въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Вятской губерніи оставшимся неизвѣстнымъ лицомъ,—повидимому, замѣчательнымъ наблюдателемъ; но здѣсь не видимъ слѣдовъ дифтонга на мѣстѣ исконнаго ѣ.

Въ записяхъ И. С. Грѝшкина изъ Егорьевскаго уѣзда Рязанской губерніи видимъ довольно частое опущеніе діакритическаго знака, которымъ этотъ талантливый наблюдатель означалъ особое произношеніе о (какъ уо, по его собственному опредѣленію). Подобные случаи отмѣчены мною поставленнымъ въ скобкахъ sic. Что до дифтонга на мѣстѣ ѣ, то въ говорѣ И. С. Гришкина слышится звукъ близкій къ дифтонгу іе (это скорѣе монофтонгъ, занимающій середину между е и і): въ его записяхъ онъ обозначается буквой ѣ. (Подробнѣе о Лѣкшинскомъ говорѣ Егорьевскаго уѣзда см. Изв. Отд. р. яз. и сл. 1913 г., т. XVIII, кн. 4).

Записи В. И. Тростянскаго и И. С. Гришкина хранятся въ Рукописномъ отдѣленіи Библіотеки Императорской Академіи Наукъ.

А. Шахматовъ.

Декабрь 1915 г.

Народныя пѣсни, собранныя въ сѣверо-западн. углу Землянскаго и отчасти Задонскаго уѣздовъ Воронеж. губ.

Я долженъ предпослать своимъ замѣчаніямъ къ сборнику біографическія свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, отъ которыхъ я пользовался собраннымъ матеріаломъ. Такъ какъ жизненная обстановка этихъ лицъ, связанныхъ между собой общей родиной, нарѣчіемъ, происхожденіемъ и занятіями, въ своей сущности совершенно однообразна, то поэтому я представлю, такъ сказать, ихъ общую біографію, не вдаваясь въ какія-либо біографическія частности.

Всѣ старинныя, а также свадебныя пѣсни я заимствовалъ отъ мѣстныхъ жителей крестьянъ—коренныхъ осѣдлыхъ жителей нашего района (сѣверо-западнаго угла уѣздовъ Землянскаго и Задонскаго Ворон. губ.). Издавна они жили, такъ сказать, на насиженныхъ ими пригрѣтыхъ мѣстахъ, занимались и до сихъ поръ занимаются хлѣбопашествомъ, отчасти скотоводствомъ, и изрѣдка—извозомъ въ сосѣдніе города или на ближайшую станцію.

Тоже можно сказать и о сказчикахъ—и сказчицахъ новѣйшихъ пѣсенъ, за исключеніемъ такъ называемыхъ «линейскихъ» (пѣсенъ «линейцевъ»—крестьянъ, отправляющихся на промыслы въ придонскія губерніи, на «Линію»). Эти послѣдніе, т. е. «линейцы» ежегодно занимаются отхожими промыслами. Возвращаясь изъ придонскихъ южныхъ губерній—мѣстъ своихъ заработковъ

(съ «Линіи»—юга Россіи), они приносятъ съ собой для своего образа мыслей всякія новинки и, между прочимъ, особыя «линейскія» пѣсни, т. е. пѣсни, заимствованныя съ «Линіи»—въ придонскихъ губерніяхъ.

Въ своей транскрипціи пѣсенъ я въ однихъ случаяхъ ставилъ удареніе согласно требованіямъ стихотворнаго размѣра пѣсни, а въ другихъ—гдѣ не было стихотворнаго размѣра,—я руководствовался обычнымъ произношеніемъ словъ въ мѣстномъ говорѣ. Отступленія подобнаго рода особенно часто можно встрѣтить въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ передается діалогическая рѣчь фигурирующихъ лицъ.

Программа профессора А. Соболевскаго (краткое руководство при описаніи говора) какъ подспорье, конечно, весьма пригодна для изученія и уясненія разныхъ говоровъ; однако нужно сказать, что трудно предусмотрѣть всѣ встрѣчающіяся особенности въ разнообразныхъ мѣстныхъ говорахъ. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ и даже цѣлесообразнымъ представить списокъ собранныхъ мною пѣсенъ и нѣсколькихъ духовныхъ стиховъ для того, чтобы еще нагляднѣе и полнѣе изобразить всѣ оттѣнки и черты нашего мѣстнаго говора.

Пѣсни собраны мною и записаны двоякимъ путемъ[1]). Однѣ непосредственно съ голосу, и потому я въ этихъ пѣсняхъ не пропускалъ припѣвныхъ частицъ въ родѣ: ох, ах, ой, уж, ды и др.; другія — записаны просто со словъ, «со сказу». Пѣсни, записанныя съ голосу, я считаю болѣе цѣнными. «Игрицы» и «игруны», вдохновляясь во время пѣнія, передаютъ пѣсни несомнѣнно полнѣе и правильнѣе какъ въ отношеніи размѣра, такъ—и оригинальности самаго произношенія, чѣмъ просто «сказомъ». При передачѣ пѣсенъ словами, «сказчики» невольно допускаютъ пробѣлы и всякія ошибки, да притомъ нѣкоторые изъ нихъ стараются въ такихъ случаяхъ выразиться «почище, поблагороднѣе», — значитъ рѣчь тогда ломается, коверкается и трудно бываетъ при

1) Буквы «ѣ» и «ъ» въ своемъ сборникѣ я намѣренно не ставилъ нигдѣ, чтобы подвести транскрипцію подъ однообразный видъ.

этихъ условіяхъ уловить оригинальное произношеніе и выговоръ. Поэтому пѣсни, записанныя непосредственно съ голоса пѣвца, я считаю болѣе цѣлесообразными и цѣнными.

Наши пѣсни, какъ и населеніе, можно раздѣлить на два противоположныхъ разряда. Однѣ — выходящія и вышедшія изъ употребленія, почти забытыя и вовсе забытыя излюбленныя пѣсни людей, такъ сказать, стараго завѣта, старыхъ поколѣній. Новыя поколѣнія равнодушны къ нимъ; они охотно промѣниваютъ ихъ на свои пѣсни, болѣе отвѣчающія ихъ настроенію. Старыя пѣсни представляютъ изъ себя пережитки стараго прошлаго времени; онѣ цѣнны, какъ таковыя, только для ихъ творцовъ, для ихъ составителей, какъ отголоски пережитаго невозвратнаго прошлаго.

Тѣ же отхожіе промыслы, что перепутали коренные сельскіе говоры, они же, повторяемъ, главнымъ образомъ, повліяли на образованіе и появленіе новѣйшихъ пѣсенъ, служащихъ достояніемъ новыхъ поколѣній и оттѣснившихъ или вовсе вытѣснившихъ собою старинныя пѣсни.

Молодежь мѣстныхъ селъ и деревень, тяготившаяся бѣдностью и бѣдной обстановкой своей родины, толпами устремляется въ придонскія южныя губерніи или, какъ она выражается, «на низы, на Линію», на заработки.

Тамъ наши крестьяне свободно, безъ домашнихъ ограниченій, празднуютъ дни свои юности, вольничаютъ на всѣ лады среди вольной счастливой казачьей жизни. И неудивительно, если они уносятъ оттуда съ собой самыя лучшія впечатлѣнія и воспоминанія, а вмѣстѣ съ ними и особыя новыя «шахтерскія» (отъ слова «шахты» или «линейскія» (отъ слова «Линія»—югъ Россіи) пѣсни, какъ живые знаки веселыхъ пережитыхъ событій и заманчивой южной обстановки. Эти пѣсни «въ минуту жизни трудную» сглаживаютъ темныя краски ихъ неприглядной домашней жизни на родинѣ и заставляютъ ихъ юное воображеніе хоть на мгновеніе забыться въ мірѣ далекихъ воспоминаній о «линейскихъ» молодеческихъ годахъ.

Тоже можно сказать и про «дѣвичьи» пѣсни. Старинныя пѣсни, пѣсни своихъ матерей и бабушекъ постепенно забываются или намѣренно пренебрегаются; на смѣну ихъ появляются новыя пѣсни, сложившіяся на нашей памяти. Это весьма печальный фактъ.

Старинныя пѣсни несомнѣнно выше, цѣннѣе новѣйшихъ и по содержанію и по чувству. Содержаніе ихъ въ большинствѣ—картинное поэтическое воспроизведеніе дѣйствительной жизни; чувства отличаются, сравнительно съ новѣйшими пѣснями, гораздо большей задушевностью и простотою. Можно отмѣтить нѣсколько пѣсенъ, какъ *пѣсни — были*, какъ поэтическое воспроизведеніе дѣйствительныхъ пережитыхъ событій. (Это пѣсни подъ №№ 1, 7, 9, 16, 17, 21, 27, 29, 30, 31, 32 и 44). Самый мотивъ старыхъ пѣсенъ настраиваетъ душу на какой-то особенный тонъ, совершенно чуждый и непонятный современнымъ молодымъ поколѣніямъ.

Необходимо еще прибавить, что новыя пѣсни крестьянскихъ дѣвушекъ и парней не представляютъ изъ себя того поэтическаго творчества и оригинальности, которыми преимущественно характеризуются старинныя пѣсни. Это пѣсни большею частью—компиляціи, передѣлки романсовъ, заимствованныхъ, занесенныхъ съ чужой стороны или же—цѣликомъ безъ измѣненія заимствованныя на чужой почвѣ, преимущественно въ придонскихъ губерніяхъ. Отсюда, въ новѣйшихъ пѣсняхъ можно встрѣтить весьма мало оригинальныхъ пѣсенъ, носящихъ печать новѣйшаго творчества. Однако было-бы несправедливо думать, что молодежь окончательно будто-бы порвала связь со старыми пѣснями. Молодыя поколѣнія нерѣдко и съ большой охотой поютъ и старинныя пѣсни, находя ихъ болѣе выразительными по настроенію и—пріятными по мотиву. Это до нѣкоторой степени отрадное явленіе. Можно не безъ основанія, пожалуй, надѣяться, что народное творчество вновь обратится къ своему неистощимому источнику—своему быту, своей родной обстановкѣ, и воскреснетъ опять временно забытая самобытная народная пѣсня.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о духовныхъ стихахъ. Духовные стихи въ послѣднее время составляютъ любимое раз-

влеченіе и даже, можно сказать, духовное наслажденіе престарѣлыхъ крестьянъ. Содержаніе ихъ берется изъ области библейскихъ сказаній, или же черпается изъ религіозно-нравственныхъ размышленій о духовныхъ предметахъ. Изъ любви къ духовнымъ стихамъ нѣкоторые мѣстные сельчане нарочно ходили по селамъ и сельскимъ ярмаркамъ вмѣстѣ съ нищими, чтобы научиться у послѣднихъ «ихъ божественнаго пѣнія». Любители духовныхъ пѣсенъ нерѣдко пробираются въ ближайшіе монастыри (напр. въ Задонскій монастырь Св. Тихона); тамъ они собираются въ кружокъ и «распѣваютъ» вмѣстѣ съ монахами духовные стихи «по цѣлымъ ночамъ». Изъ этихъ двухъ упомянутыхъ источниковъ наши сельчане и черпаютъ, главнымъ образомъ, обильный запасъ духовнаго пѣнія, который и разносятъ между своими сокомпаніонами.

Влад. Тр—ій.

с. Елецко-Маланьино 1912 г. 30 августа.

Старинныя пѣсни.

№ 1.

Я вы са́дику была́,
Ва зелёнам ва саду́ гуля́ла.
Я ждала́, ждала́ к сабѣ́,
Ждала́ ми́лава друшка́.
Не даждамшись я милу́ова,
Во́н ис са́дику пашла́,
И́дя му́ой мило́й,
Ка мнѣ́ и́дя на глаза́.
«Здра́ствуй, ми́лая, мила́я
«Аѣчего ш ты худа́—блѣ́днаш стала?»
«Аѣчего ш мнѣ́ худо́ой блѣ́днай ня быть?
«Май гла́зушки ясны́п
«На бѣ́лай свѣ́г не гледя́,

«Маи́ нўо́жуньки рязвьіи
«Па сырўо́й зямли́ ня йду́ть».
«Эх! Падём с табўо́й, мила́я,
«Ды ва́ зеле́най лужо́к гуля́ти,
«Сарве́м мы́ с табўо́й, мила́я,
«Сы любўо́й тра́вки цветок,
«Сы лыбўо́й тра́вки цветок,
«Издіе́лаим на галўо́вушку вено́к
«Издіе́лаим мы́ с табўо́й
«Ды́ паслі́е́днію любўо́вь.
Дава́й с табўо́й распрашша́тца-расстава́тца
На зеле́нам ды́ на лушку́!
Мы́ с табўо́й прашша́лись-расстава́лись,—
Са слюо́с рі́е́чкя пратекла́
Мы с табўо́й аташли́ дру́х ат дру́шки,
Дру́х-дру́га ня ви́дим,
А галасо́чки слы́шим.

№ 2.

Зап.: Ле́н мўо́й при гарі́е́,
Бі́е́лай при крутўой
Прип.: У́ш я сі́е́ила, сі́е́ила лено́к,
Уш я сі́е́йла пригава́ривала,
Чибата́ми прикала́чивала.
Ты уда́йси, уда́йси, мўо́й ле́н,
Ты уда̀йси, лено́к бі́е́линькей
Ды у ни́тачкю то́нинькію
Шалкави́начкю зеле́нинькію!
Зап.: Ле́н мўо́й при гарі́е́
Бі́е́лай при крутўо́й.
Прип.: Я палўо́ла, палўо́ла лено́к,
Я палўо́ла,—пригава́ривала
Чибата́ми прикала́чивала,
Ты уда́йси, уда́йси мўо́й ле́н,

Ты уда́йси лено́к бѣ́линькей
Ды у ни́тачкю то́нинькію,
Шалкави́начкю зеле́нинькію
Зап.: Лён му́о́й при гарѣ́
Бѣ́лай при крутъ́о́й.
Прип.. Я дёргала, дёргала лено́к,
Я дёргала приговаривала,
Чибата́ми[1]) прикала́чивала.
Ты уда́йси, уда́йси, му́о́й лён и т. д.
Зап.: Лён му́о́й при гарѣ́,
Бѣ́лай при крутъ́о́й
Прип.: У́ш я пря́ла, я пря́ла лено́к,
У́ш я пря́ла-пригава́ривала,
Чибата́ми прикала́чивала
Ты уда́йси, уда́йси, му́о́й ле́н и т. д.
Зап.: Лён му́о́й при гарѣ́
Бѣ́лай при крутъ́о́й
Прип.: У́ш я тка́ла, я тка́ла лено́к,
Уш тка́ла—пригаваривала,—
Чибата́ми прикала́чивала
Ты уда́йси, уда́йси, му́о́й лён и т. д.

№ 3.

Ох! Да ой хто не́ был, не́ был за Дуна́ям
Ох! То́т горя́ не зна́я!...
Ох! Да Ва́нькя чо́рнай, Ва́ня чернабро́вай
Ох! Да маладѐц ды харъ́у́бшай.
Ох! Да скряпи́л се́рца, скряпи́л свай мы́сли
Ох! Да не зна́я ох-ды́, ка́к бы́ти,
Охъ! Да пра дружка пазабыти
Ох! Да пра такъ́у́ва, Ва́нькю дарагъ́у́ва.
Ох! Да ше́л я лужо́чкям, крутым бережо́чкям
Ох! Да не наше́л да следо́чкя.

1 *Чиботы-чоботы—это полсапожки женскія.*

№ 4. Здравица.

Атцу́ и духў о́внаму и с супру́жницай его
С благада́тным до́мам
Мнў о́гая лїе́та!...
Жи́ть ва ща́стьи, жи́ть ва здра́вьи
Да сія́я и́м плани́да!... [1]).
Мнў о́гая лїе́та!...
И ўсяму́ наслїе́дію и с усїе́ми дїе́тками
Мнў о́гая лїе́та!

№ 5.

Зап.: Ох! Утушка лугава́я,
Ох! Утушка лугава́я.
Прип.: Лю́ли, лю́ли лугава́я,
Лю́ли, лю́ли лугава́я!
Зап.: Игдїѐ ты спа́ла,—начева́ла
Игдїе́ ты́ спа́ла,—начева́ла?
Прип.: Лю́ли, лю́ли начева́ла,
Лю́ли, лю́ли начева́ла.
Зап.: Начева́ла я ў лужо́чкю
Начева́ла я ў лужо́чкю
Прип.: Лю́ли, лю́ли у лужо́чкю
Лю́ли, лю́ли у лужо́чкю,
Зап.: Пад раки́тавым густо́чкям
Пад раки́тавым густо́чкям
Прип.: Лю́ли, лю́ли пад густо́чкям,
Люли, лю́ли пад густо́чкям.

№ 6.

Зап.: До́ма-ль, кума́, варабе́й? До́ма.
А што́ о́н дїе́лая, кума? Бо́лян ляжи́ть.
А што́ у нево́ бали́ть? Пле́чики.

---

1) Планида—планета, въ переносн. смыслѣ: пусть сіяетъ имъ счастье...

Прип.: Баля́ть, баля́ть пле́чики
Схади́, кума́ на гарў́от,
Сарви́ тра́вки—ре́тички
Припа́рь ямў́ пле́чики!
Па́рила, ку́мушка,
Па́рила, голў́бушка!
Его́ па́р не бере́ть!
Пў́шша к се́рцу пристае́ть
Лихама́нка бере́ть

Зап.: До́ма-ль, кума́, варабе́й? До́ма.
А што́ он дїе́лая, кума́? Бо́лян ляжи́ть.
А што́ у него́ бали́ть? Пя́тачки.

Прип.: Баля́ть, баля́ть пя́тачки,
Схади́, кума́, на гарў́от,
Сарви́ тра́вки—мя́тачки
Припа́рь ямў́ пя́тачки!
Па́рила, ку́мушка,
Па́рила, галубушка!
Ево́ па́р не бере́ть,
Пў́шша к се́рцу пристае́ть
Лихама́нка бере́ть

Зап.: До́ма-ль, кума́, варабе́й? До́ма.
А што́ о́н дїе́лая, кума́? Бо́лян ляжи́ть
А што́ у нево́ бали́ть? Лы́тачки.

Прип.: Баля́ть, баля́ть лы́тачки [1]),
Схади́, кума́, на гарў́от
Сарви́ тра́вки—мы́тачки,
Припа́рь ямў́ лы́тачки!
Па́рила, ку́мушка,
Па́рила, галў́бушка!
Ево́ па́р не бере́ть,
Пў́шша к се́рцу пристае́ть
Лихама́нка бере́ть

1) *Верхняя часть ноги.*

Зап.: Дóма-ль, кумá, варабéй? Дóма
А штó óн дiéлая, кумà? Бóлян ляжúть
А штó у невó балúть? Пупóчик
Прим.: Балúть, балúть пупóчик,—
Схадú, кумá, на гарýт
Сарви трáвки снапóчик
Припáрь ямý пупóчик!
Пáрила, кýмушка,
Пáрила, галýбушка!
Евó пáр не берёть,
Пýшша к сéрцу пристаёть,
Лихамáнка берéть.
Зап.: Дóма-ль, кумá, варабéй? Дóма.
А штó онъ дiéлая, кумá? Бóлян ляжúть.
А штó у негó балúть? Палавúнки.
Прип.: Балять, балять палавúнки
Сходи, кумá, на гарýт
Сарвú трáвки—палынки
Припáрь палавúнки!
Пáрила, кýмушк,
Пáрила, галýбушка!
Евó пáр не берёть,
Пýшша к сéрцу пристаёгь
Лихамáнка[1]) берéть

№ 7.

Па серéбряным валнáм па зăлăтым пясóчкям
Игдié я с мúлай, с мúлай я гулял,
Тáм храни́л слядóчки.
Расприкрáсныя тiéх слядýóв нiéт,
Бýтта не бувáла.
Сiéл на вóрана каня́ сáм туда́ стрялýою

1) *лихорадка.*

Ви́жу храм я у далиня, ко́лкал раздае́тся
Я на па́перть ў схажу́; та́м нару́ўот талпу́ю.
Ви́жу пре́жнію маю́ ву́бдють кру́х налу́ою
Свіе́чи біе́лаи и рука́х,—вянцы́ над главу́ю...
Да́й Бо́х ща́стья, ща́стья и тала́н па́рню маладу́му,
Да́й Бо́х ща́стья и тала́н и любу́ўь святу́я.

№ 8.

Што́-ш ты, во́ран вье́сси
Над мае́ю бу́йнай галаву́ой?
Ты дабы́чи, во́ран, не дабье́сси.
Да ляти́ ты, ляти́, че́рнай во́ран,
Да сняси́ ты, сняси́, чо́рнай во́ран,
Атцу́ с ма́терью, съ ма́терью паклу́он.

№ 9.

Земляни́чкя—я́гатка ва бару́ ради́лася
Прип.: Эй, эй ихохо́, эй, эй уш ты мніе́!
Ва бару́ ради́лася, ва дере́вню за́-муш шла́
Прип.: Эй, эй ихахо́, эй, эй уш ты мніе́
Ва дере́вню за́-муш шла́ за ста́рава старика́,
За старава старика,—за сяду́я бо́раду
Прип.: Эй, эй ихахо́, эй, эй уш ты мніе́.
А сяда́я барада—гарямы́шная бяда́
Прип.: Эй, эй ихахо́, эй, эй уш ты мніе́.

№ 10.

Не буди́тя мене́ маладу́
Ра́ным-ра́на, па-утру́.
Вы́ тада́ мене́ буди́тя,
Ка́да со́лнушка зайдзе́ть;
Ка́да со́лнушка зайдзе́ть,
Раса́ на́ землю падзе́ть;
Раса́ на́ землю падзе́ть
Пасту́х вы́дя на лужо́к.

Пастýх вы́дя на лужо́к,
Заигра́я ва ражо́к.
Выганя́йтя вы скати́нку
На папў́о́ву лугави́нку
Гў́о́нють ба́бы, гў́о́нють дїе́вки,
Гў́о́нють ма́лаи ребя́та,
И ста́раи старики́
Барада́таи мужики́.

№ 11.

У на́с на гў́о́рки—на пригў́о́рки
Та́м стоя́ла дерева́нькя;
Дерева́нькя не мале́нькя.
Та́м гуса́рка маладе́нькя.
У гуса́рки да три́ до́чки:
Адна́ Ша́ша, друга́ Ма́ша,
Тре́тья Ка́тинка—душа́.
Х Ка́ти Ва́ня хў́о́дя,
Без ращёту де́ньги ну́бся:
Усё́о́ ру́блик ды́ палти́ну
Ишшо́ си́нію бума́шку,
Ишшо́ лїе́нту на пратя́шку.

№ 12.

Лятїе́л со́кал ис Кіе́ива ми́мо те́рима
Уда́рил крыло́м аб висў́о́каи терём
Ой люли́, люли́...
Аб висў́о́кай те́рям, ап святли́цу
Ой люли́, люли́...
У святли́цы три сястри́цы.
Сестра́ к састрїе́ пабува́ть пришла́.
Ой люли́, люли́...
Што́ ш ты, сестра́, не зна́исси,
Не зна́исси, не знакў́о́мисси?
Ой люли́, люли́...

Ни ты́ ка мнѣ́, ни я́ х табѣ́
Ой люли́, люли́...
Как, сестра́, хади́ть? На́да ста́рава люби́ть,
На́да ста́рава люби́ть сядуя́ бо́раду.

№ 13.

У на́с ны́ня де́нь нязгу́да [1])
Нельзя́ у́ по́ли рабата́ть,
Нельзя́ у́ по́люшки рабу́тать
Ни скару́дить, ни паха́ть.
Ни скару́дить, ни паха́ть
Ни́ з зазну́баю гуля́ть.
Зазну́ба, мая зазну́ба,
Зазну́бачкя—ба́бачкя!
Как пра́ на́с с табу́й, зазну́ба,
Лихи́ лю́ди гаваря́,
Лихи́ люди́ гаваря́
Тебе́—ба́бачкю руга́ють;
Тебе́—ба́бачкю руга́ють
Мене́ мо́ладу браня́.
Тебе́ ба́бачкю падѣ́лу
Мене́ мо́ладу за штӯ́
Мене́ мо́ладу за штӯ́
За какіи за дѣла́.

№ 14.

Ой у́ на́с по́д лйсам лисо́чкям,
Пад раки́тавым усто́чкям
Вы́шла дали́нка, вы́шла дали́нка.
Как па э́тай па дали́нки,
Ка́к па э́тай па ширу́окай
Пасту́х стереге́, пасту́х стереге́.

---

1) *непогода*

Стереге́ пасту́х скати́нку,
Стереге́ пасту́х мірску́я;
Неха́й стереге́, неха́й стереге́.
Та́м ишла́—прашла́ девчо́нка,
Та́м ишла́—прашла́ краса́вка,
Звала́ начева́ть, звала́ начевать.
«Пасту́х, пасту́х, пастушо́чик,
Ты му́ой ми́линькей дружо́чик
Пади́ заначу́й, пади́ заначу́й»!
«Пасту́о́й дзе́вка—раскраса́вка
Пасту́о́й дзе́вка—раскраса́вка
Скати́нку з·бяру́, скати́нку з·бяру́.
Я з·бяру́, з·бяру́ скати́нку,
Я з·бяру́, з·бяру́ мірску́я,
У́ сялу́о́ у́ганю́, у сялу́о́ у́ганю́.

№ 15.

Зеле́най дубо́чик на я́р пахили́лси.
Маладо́й чума́чик ап чу́о́м зажури́лси?
Ап чу́о́м зажури́лси? Без дуо́ли ради́лси:
Ба́тькя с ма́мкай по́мерли, а я не жани́лси,
А я не жани́лси,—халасто́й аста́лси.
Ой пайду́ я ва по́ля—иска́ть свою́ дуо́лю.
Не нашо́л я дуо́лю, наше́л рыбалу́о́влю.
Рыбалу́о́вцы—хло́пцы завдалы́ малу́о́тцы!
Вы заки́ньтя сце́ти ва сі́нію мо́ря;
Вы паима́йтя, хло́пцы, паима́йтя мне́ дуо́лю,
Паима́йтя мне́ дуо́лю па́рню маладу́о́му.
Не поима́ли дуо́лю, а поима́ли шшу́ку;
Ры́бы палави́ли, дуо́лю правади́ли.

№ 16.

Ой сиди́ть во́ран, во́ран на дубо́чкю
Ой кричи́ть во́ран, во́ран на бяду́.

Ой ты зачӗ́м, зачӗ́м да ты́, мальчёнка
Ой у чужу́ сто́рану да ты зашёл?
Ой ни скӗ́м ма́льчик ой да не́ спроси́лся [1]),
Акрамя́ се́рца, се́рца сваёво́.
Ой бро́сил ма́тушку—ды стару́шку
А ба́тюшку—старичкя́...
Ой жи́л я ма́льчик, жи́л я весяли́лси,
Ой имӗ́л сабӗ́, сабӗ́ капита́л.
Ой да капита́л ўвёсь праката́л я,
Ой да ва невўо́лю жи́ть папа́л.
Ой да ва таку́я, бра́тцы ва нявўо́лю,
Ой нихто́ не зна́я, бра́тцы, пра нее́...

№ 17.

Ой вы гора́дя, ой вы гора́дя
Вы гора́дя салучи́лася бе́да́.
Ой та́м уби́ли, ой та́м уби́ли
Там уби́ли маладўо́ва казака́
Ой схарани́ли, ой схарани́ли,
Схарани́ли при ширўо́кай дали́ни
Ой та́м лятӗ́ли, ой та́м лятӗ́ли,
Там лятӗ́ли сакўо́лики старанўо́й
Ой сӗ́ли-па́ли, ой сӗ́ли-па́ли
Сӗ́ли-па́ли ко удўо́вушки на двўо́р.
Ой крылушка́ми, ой крылушка́ми,
Крылушка́ми ширўо́кай двўо́р размяли́,
Ой галаса́ми, ой галаса́ми,
Галаса́ми удўо́вушку буди́ли.
Ой уста́нь, прасни́ся, ой уста́нь, прасни́ся
Уста́нь прасни́ся удўо́вушка малада́,
Ой пади́, вы́ди, ой пади́, вы́ди,
Пади́, вы́ди за новы́я ва̀ра̀та́

---

1) *не посовѣтывался.*

Ой ты паслу́шай, ой ты паслу́шай
Ты паслу́шай да што лю́ди га́варя́.
Ой люди ба́ють , ой люди ба́ють
Лю́ди ба́ють и гута́рють, гаваря́
Ой чужи́ му́жья, ой чужи́ му́жья,
Чужи́ му́жья сы рабу́о́тушки=иду́ть.
Ой сваи́м дзе́ткам, ой сваи́м дзеткам,
Сваи́м дзе́ткам па пада́рачкю нясу́ть.
Ой тваёво́ му́жа, ой тваёво́ му́жа
Тваёво́ му́жа варана́ каня́ вядуть[1])...

№ 18.

По́лна, по́лна ва́м, ребя́та,
Чужу́ пи́ва пи́ти!
Не пара́-ли ва́м, ребя́та
Сваёво́ наварити?
Мы бы ра́ды наварили
Ды со́лату нзе́ту.
У нас со́лат на' ви́ни[2]),
А хме́ль на тычи́ни[3]).
Тычи́нушка абламилась,
А хме́ль апусти́лси
Апусти́лси, абнизи́лси
На ма́ть—сыру́ зе́млю.
Ой, ма́тушка—сыра́ земля!
Галу́о́вушку бо́льна.
Бали́ть, бали́ть галу́о́вушка
Да са́мава мо́взгу.
Шшами́ть, шшами́ть серде́чушка
Да бзе́лай да гру́ди.

---

1) т. е. убить.
2) вм. *на овинъ.*
3) *на кому.*

Ой ва саду́-ли ва гарўо́ди
Расла́ трава́—мя́та.
За то́ мене́ ми́лай лю́бя,
Што́ я не бага́та.
Ой ва саду́-ли ва'гарўо́дя
Расла́ павили́чкя;
Зато мене́ ми́лай лю́бя
Што́ я не вяли́чкя.
Ой ва саду́-ли ва'гарўо́ди
Расла дре́вă лази́на
Зато́ мене́ ми́лай любя
Што́ я не рази́ня.

№ 19 (плясовая).

Малўо́тка, ды малўо́тка
Ды малўо́дынькія
Галўо́вка твая́ пабїе́дынькія.
Ой нїе́ с ким мнїе́ малўо́тки
Ды но́чкю начева́ть,
Но́чкю начева́ть
Дли́ннаю карата́ть.
Ля́жу спа́ть адна́
Ды бя́з· мила́ друшка́,
Бя́з· мпла́ друшка́
Бере́ гру́сть—таска́.
Гру́сть—таска́ бере́,
Далякўо́ ми́л живе́
Дале́ча, дале́ча на тўо́й стараніе́
На тўо́й стараніе́
Ды ня бли́ска ка мнїе́.
Хуо́дя мўо́ій мило́й
Тўо́ю стараўо́й.
Ма́ша мўо́ій мило́ій
Пра́ваю рукўо́й,

Рукўо́й пра́ваю
Шля́пой чо́рнаю.
«Перяйдѝ, суда́рушка.
На маю старўо́нушку»!
«Я бы ра́да—перешла́,
Перяхўо́ду не нашла́».
Перяхўо́т нашла́,
Жо́рдачкя танка́,
Жо́рдачкя танка́,
Рїе́чкя глубака́.
Ва э́той ва рїе́чкѝ
Ды купа́лси бабе́ръ;
Купа́лси, купа́лси,
Ды ня вы́купалси;
Ня вы́купаси
Тўо́лькя вы́маралси;
На гўо́рку узаше́л
Сё патре́хавалси.
Ахўо́тничик сви́шша,
Че́рнава бабра́ и́шша
Хўо́ча его́ уби́ть
Хўо́ча застряли́ть,
Хўо́ча застряли́ть
Жанїе́ шу́бу шши́ть
Жанїе́ шу́бу шши́ть,
Бабро́м апуши́ть.

№ 20.

Ску́шна на́шай Дўо́нюшки
Жить на свїе́тя аднэ́й.
Ой на гарїе́ висўо́кай
Два креста́ стая́ть.
Пад даскўо́й дубўо́вай
Два́ друшка́ лежа́ть

Патхади́ла к ни́м
Кра́сна дзе́вушка,
Сле́зна пла́кала ана́,
С ча́стами ваздў́хами
Друшка́ ўспра́шивала:
«Нзе́т-ли прамзе́ш ва́съ друшкў́в
«Друшка́ маёво́?»
Ани́ атвеча́ли ёй!
«Здзе́сь нзе́ту никаво́».
Запла́кала кра́сная дзе́вушка,
Запла́кала и пашла.
Пашла́ бы я ва зелёнаго рў́ошшицу,
Нашла́ бы сабзе́ салў́о́вушку,
Нашла́ бы сабзе́ салў́о́вушку
Ва клзе́тки сваёй.
Шла́-нашла́ сабзе́
Друшка́ пта́шку салў́о́вушку
«Ты што́ жа, салў́о́вушка,
«Не ве́сял сиди́шь,
«Галў́о́вку павзе́сил,
«Зерна́ не клюёшь,
«Зерна́ не клюёшь,
«Пзе́сни не паёшь?»
«Склева́л бы я зе́рнушка,
«Да мў́о́чушки маей нзе́т,
«Сыгра́л бы я пзе́сишку,
«Да вў́о́люшки маёй нзе́т»!

№ 21.

Пайду́ я мла́да ва зелёнай са́т гуля́ти,
Васпрашу́ я маладў́о́ва салавья́:
Кому́ вў́о́ля, каму́ нзе́т вў́о́ли гуля́ти?
Вў́о́ля, вў́о́ля кра́сным дзе́вушкам гуля́тп
А малў́о́душкамъ мужья́ не веля́

Сё зака́зывають и́м,
Падъ заты́лачки падвя́зывають [1]).
Не равён како́й навя́литца дура́к:
Лебо́ во́р, лебо́ пья́ница,
У кабак и́дя шата́итца,
Ис кабака́ и́дя валя́итца,
Нат жанўо́ю наруга́итца,
Заставля́я её абува́ть,—разува́ть,
А ишшо́ ды цалова́ть,—милава́ть
Цалава́ть,—милава́ть ня хўо́читца
Ат него́ се́рца варуо́титца.
Хто тебе́ дяти́нушку паради́л?
«Паради́ли мене́ ма́тушка ды ба́тюшка,
«Узляле́ила чужа́я старана́
Завила́ ку́дри суда́рушка мая́».

№ 22.

Пасыла́ла Ва́ню ма́ть
Яравў́я пашани́цу убира́ти.
Нажа́л Ва́ня снопо́чик
Апарі́езал [1]) ру́ку серпо́м.
Его́ ма́тушка увидала,
Платко́м ямў́ ру́ку завеза́ла.
«Ты ступа́й тепе́рь, Ва́ня, дамў́ой!
Прише́л Ва́ня дамў́ой,
Да сади́лси за стў́ол,
Нача́л ды перо́м писа́ти,
Сваю́ дере́вню праклина́ти:
«Пракля́тая дере́вня Чагада́ивская
«Прикра́сная селе́нья Ламаве́цкая.
«Та́м дзе́вки хараши́
«И малў́о́душки пригажи́»!

1) т. е. бьютъ.
1) *обрѣзалъ.*

№ 23.

Дўо́ня ты, Дўо́ня!
У на́шай ды у Дўо́ни
Ды блища́снаи бро́ви.
Закива́ли,—замарга́ли,
На двўо́р Дўо́ню узыва́ли:
Вы́ди, вы́ди, Дўо́ня,
Вы́ди на крыле́чкя
«Прамол[1]) на́м ты, Ду́ня
«Хўо́ть одну́ славе́чкя»
«Я бы сказа́ла ва́м другу́я,
«Ды мая́ се́рца рятива́я.
«За салда́та за зладі́я
«За́-муш захатїе́ла»
У салдата—у зладі́ея
Чужа́я хватїе́ра,
Чужая хватїера,
Хруская[2]) пастеля
Хруская пастеля,
Нпская вазгалўо́вья.

№ 24 (1-я варіація).

Зарады́лася си́льная я́гада ва бару́.
Заблуды́лася кра́сная дїе́вка ва тёмнам лясу́;
Заблужо́мшись[3]), даруо́жинькю не нашла́
Паслухала дїе́вушка у лясу́ листо́чки шумя́,
Дубўо́ваи шевеля́, ира берёзу гаваря́.
Берёзушка бїе́лая, бїе́лая кудря́вая.
На этаго берёзушку слета́лися пта́шачки;
Салаве́й с кукўшкаю сви́ли гнїе́здушка

1) вм. *промолвь.*
2) *Жесткая.*
3) *т. е. Заблудившись.*

Вы маю́ом зелёнамъ саду́,
Пасвишши́, салў́овушка, *вы сваю̆о́м тю̆опламгняздїё,*
А куку́шачкя пакуку́й вы сваюо́м тёмнам бару́ [1]).

№ 25.

Тв̇яли́ а́лаи т̇вето́чки [2])
Ста́ли апада́ти.
Люби́л мене́ серде́шнай дру́х,
Он ста́л спакина́ти,
Ину́ю ста́л вазлюбля́ти
Иная милая чїе́м жи ана́ лу́ччи?
Ана́ станам не стани́ста
А лицом не кары́сна;
А я тїе́м лу́ччи,
Што́ живу́ пабли́жа
Перела́зушки ни́ски;
И саба́ки ня ли́хи
И семья́ не бранли́ва
Семья́ не бранли́ва,
Уся́ гутарли́ва.
У на́с па ры́нкам, па рыно́чкям
Па всїе́м гарадо́чкям
У ва всїе́ званы́ звеня́
А ва всїе́ калакў́олють,
А пра на́с с табў́ой,
Серде́шнай дру́х,
Усїе́ лю́ди гавў́орють,

---

1) Еще по одной варіаціи вмѣсто послѣднихъ словъ поется: *«вы сваю̆о́м халў́однам гняздїе́.*

2) Во *Владимирской* губер. иная варіація той же пѣсни:

Цвѣли, цвѣли цвѣтики
Да поблекли,
Любилъ меня милый другъ,
да спокинулъ шельма не надолго и т. д.

Пу́сть ба́ють, пу́сть гута́рють,
Авўо́сь переста́нуть.
А мы съ табўо́й у любўо́ви
Удо́валь наживе́мси,
Удо́валь наживе́мси
Ды уро́сь [1]) разайде́мси.

№ 26.

Бяли́лицы, руме́ницы май,
Дарагіи ку́плинаи
Панапра́сну загу́блинаи
Сыскати́лися сы бїяла́ лица́ далўо́й.
Іе́дя мўо́й рявни́вай му́ш дамўо́й,
Везе́ пада́рак дараго́й:
Шӑлкаву́я пле́ть на мїе́дных кальца́я,
Хўо́ча мене́ маладу́ паби́ть.
Я не зна́ю за штўо́,
За каку́я за прави́нность за маю́.
Тўо́лькя и прави́ннасти мае́й—
У сусїе́да на бясїе́дя [2]) пабыла́,
За тебе́, мўо́й ми́лай,
Стака́н ме́ду вы́пила.
Спаси́ба табїе́, жана́,
Не́ забы́ла пра мене́;
Я не ча́ил аṫ тебе́.
Уш я бро́шу тепе́рь плётку,
Расцалу́ю жану́ сваю́.

№ 27 (солдатская).

Сё нями́лая, пасты́лая здїе́шняя = старана́.
Успўо́мню я до́м свўо́й радно́й

---

1) *порознь.*
2) *пирушкѣ.*

Са́м залью́ся слязўо́й
Жи́л я ў до́ми усїе́м давўо́лян,
Нужды́, го́рички не зна́л.
А тепе́ря я спазна́л,
У Туре́тчинай бува́л
У чи́стам у по́ли,
У стра́шнам у го́ри.
Си́ня мо́ря шуми́ть,
С карабле́й аго́нь вали́ть.
Стїе́ны ру́шуть, ту́рак ду́шуть;
Аго́нь пла́миннай гари́ть.
Хто́ ряши́лси[1]) руки́,
Хто ляжи́ть без наги́
Мы здарўо́вы, сла́ва Бо́гу
Чрес Дуна́й—рїе́чкю шли́
На хватїе́ру зашли́.
Вўо́тки пи́шшіи
Хлїе́ба и́шшуть.
У пракля́тава хахла́
Ни скаме́йки, ни стала́.
У пракля́тава хахли́шша
По́лну ха́ту ребяти́шшав
Лёх салда́т аддыха́ть
Ребяти́шши шумя́ть.

№ 28.

Ох ты́ ми́линькей, мило́й!
Куды́ їе́дишь ат̆ мене́?
На штўо́ бро́сил ты мене́,
Ка́к куку́шку у саду́,
Ка́к гару́шку у зелянўо́м.

---

1) *лишился.*

№ 29.

Я па гўбрушки паха́живала;
Чернабы́ль тра́вку зала́мливала,
Гусей на́ рйку зага́нивала.
«Тіе́га гу́си, тіе́га сіе́раи дамўо́й,
Ужо́й [1]) вы напла́вантися.
Как я мо́лада напла́калася.
Перепла́камши дамўбй пашла́.
И́дя нустрі́е́чь ахвице́р маладо́й.
«Не хвата́й мене́ за бі́е́лаго лицўо́
«Мая ли́чика разга́рчивая.
«Мая́ ма́тушка дага́дливая.
«Приду́ дамўбй дагада́итца ана́
«С чего́ ш у тебе́ лицўо́ разгара́итца?
«Лебо́ с пи́ва, али́ с зе́лина вина́,
«А ли́ с сла́ткай вўо́тачки?
«Рассыпа́лись мая́ кўо́стачки
Па ялўо́вай па до́стачки [2]).

№ 30.

На штўо́ мене́, ма́тушка, пародила
Нещасли́ваю дага́дливаю,
Чернабро́ваю тала́нливаю?
Нельзя́ мні́е́ маладўбй
Ды к абі́е́динки пати́ть
Ка́к папы́-та выгаля́ютца [3]) на мене́
А дьячки́-та вылупля́ютца [3])
Панама́рь пасліе́дней челавіе́к.
Он на нўо́жинькю ступи́л,
Читвяри́к прасвирўо́в пасули́л.

---

1) скоро-ли.
2) т е. *плясала.*
3) *т. е слишкомъ* вперили глаза, заинтересованы красотою.

Прасви́рачки хўо́читца,
А панамаря́ люби́ть ня хўо́читца:
Он па маги́лам валўо́читца,
Пираго́ми пабира́итца,
А блино́ми падавля́итца,
А вино́м-та залива́итца.

№ 31.

Ох пе́й ко́хвію [1]), пе́й и ча́й,
Забува́й го́ря—печа́ль.
Я ча́й ко́хвію не ха́чу
Печа́ль—го́ря не мячў [2]).
. . . . . .
. . . . . .
Вўо́т ва́м дзе́вушкам нау́ка,
Не хади́тя у ле́с гуля́ть,
Не лави́тя че́рнява́ жу́ка,
Не клади́тя с сабўо́й спа́ть.
Жучо́к с че́рнами брава́ми
С кучеря́вай галавўо́й,
С кучеря́вай галавўо́й
Настая́шшай ми́лай мўо́й
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Ой бли́с Варўо́пицкай [3]) заста́вя
У бага́та́ва́ купца́,
У бага́тава купца́,
У Ива́на Микала́ва
У Гребе́ншикава.

---

1) *т. е. Кофе.*
2) т. е. не бросаю.
3) извращ. *Воронежской.*

У Ива́на Микала́ва
У Гребе́ншикова
Была́ до́чкя хараша́;
Зва́ли ее́ Пія́ша
Ты Пія́ша, ты Пія́ша
Девчо́начкя хараша́,
Девчо́начкя хараша́
Чистякўо́ва люби́ла.
Чистякўо́в ма́льчик уда́л;
Он на трўо́ички ежжа́л;
Он на трўо́ички праї́ехал
За Пія́шай заежжа́л;
За Пія́шай заежжа́л,
Он Пія́шу с сабўо́й ўзя́л,
Он Пія́шу с сабўо́й ўзя́л
У таранта́с ее́ сажа́лъ,
Тро́гай, тро́гай, лиха́ трўо́йкя,
Во́н из го́рăдă паскарї́ей
Мы паї́едим на палянь[1])
Пер̇вен̇ча́ймсй, как дваря́нй
Мы ня тї́ехали пять ве́рст
Насмія́лси о́н, ка́к пёс.
Разгалу́пчик, душа мўо́й,
Атпусти́ мене́ дамўо́й;
Атпусти́ мене́ дамўо́й
К атцу́ к ма́тери радно́й!
Атцу́,—ма́тери свае́й
Усю́ пра́вду раскажу́
. . . . . .
. . . . . .
Вўо́т из̇дї́елалась прапа́жа
У бага́тава купца́.

---

1) *поляну.*

И не сто́ рубле́й прапа́ла,
И ня ты́щу у нево́:
Прапада́ла у нево́
До́чь люби́мая ево́.
Игдзе́ ш е́таю прапа́жу
Дарагу́я ды иска́ть
Усе́ иска́ли ту́ прапа́жу
У Махўо́ва на дварэ́;
Усе́ иска́ли ту прапа́жу
Па балўо́там, па куста́м.
Разыска́ли ту прапа́жу
У нўо́вай ба́ни на палку́.
Ее свіе́тлая ды пла́тья
Ды на гвўо́здику виси́ть.
Ее ру́сая каса́,
Ды расплете́ны валаса,
Ее бу́йная галўо́вка
Уся́ изби́тая ляжи́ть...

№ 32.

Ой ка́к ва нўо́вам, нўо́вам гарадо́чкю
Праяви́лась нўо́вая нави́нка.
Жана́ му́жа, му́жа прiутiе́шила,
Вўо́стрым нўо́жичкям его́ зарiе́зала.
Ана́ рiе́зать его́ не зарiе́зала,
А тўо́лькя его́ измў́чила;
Сама́ сiе́ла, сiе́ла призаду́малась
Што ш я ду́ра, ду́ра я надзе́лала.
На́т сваймя му́жам натсмія́лася!

№ 33.

Кали́нка с мали́нкаю ў саду́ раствела́
Таé по́ру вре́мичкя мене́ ма́ть радила́.
Не сабра́мшпсь с ра́зумам за́-муж аддала́

Не вялі́ел мні́е ба́тюшка и се́мь лі́ет не быва́ть
А ради́мая ма́тушка: хў о́ть ві́ек не бува́й.
Гадо́к не хади́ла, друго́й не пашла́,
На тре́тей гадо́чик слязьюо́ пралила́.
Ски́нуся я сбро́шуся гў о́рькею кукў ́шкай,
Палячў ́ я х ба́тюшки пря́мо ва садок,
Ся́ду я ды гў о́рькія на любо́й сучёк.
Сваи́ми причётами[1]) ў вёсь са́д засушў ́,
Сваи́м гро́мким го́ласам ба́тюшку збужў ́.
Радимай мў о́й ба́тюшка па сі́е́нюшкам хў о́дя
Няві́е́стушек-ла́стушак вазбў ́живая:
«Няві́е́стушки-ла́стушки ў става́йтя скарі́е́й,
Пасматри́тя, ла́стушки, што́ эта за пта́шичкя
Ва на́шам ва садо́чкю жа́лабна пее.
И гді́е ш ана́ гў о́рькія причёты бере́.
Не мая́-ли гў о́рькія с чужў о́й старані́е́»?
Бальшо́й бра́т гавари́ть: пати́ть пасматрі́е́ть;
Се́ре́дней: пати́ть ее́ пайма́ть;
Меньшо́й брат: пати́ть ее́ уби́ть..

№ 34.

Ивушка, и́вушка, ракитаваи́ кусто́к
Што́ жа ты, и́вушка, не ве́спла стаи́шь?
Ка́жа мні́е́, и́вушки весёлинькей быть?
По́т карень и́вушку вада́ падмыла,
Маку ́шачкю и́вушки бу́ря слами́ла
Іе́хали—праі́е́хали дваря́ня-гаспада́,
Сруби́ли да и́вушку чаты́ри тапара́
И з ді́е́лали из и́вушки два́ весла
Два весла́-весёлица, тре́тью лў о́тачкю.
Сі́е́ли—паі́е́хали на лў о́тачки гуля́ть,
Узя́ли пасади́ли кра́сну ді́е́вушку с сабў о́й

1) Причитаньями.

«Што́ жа ты дзе́вушка не ве́сила сиди́шь?»
«Ка́жа мне́ дзе́вушки весе́линькей бы́ть?
Ма́минька с ба́тинкай непра́вдаю живу́ гь:
Ме́ньшаю сястри́цу сперва́ за́ муж аддаю́ть
Ме́ньшая сястри́ца чем жа лу́ччи да́ мене́?
Ана́ ни тка́ть, ни пря́сть, ни пача́тки [1]) матать,
Ту́олькя дю́жа ана́ лю́бя ды па ры́ночкям гуля́ть.

№ 35.

Ой вы гу́сли, май гу́сли,
Гу́сли, гу́слицы май!
Паигра́йтя гу́сли—мы́сли,
Позаба́вьте го́стя,
Пазаба́вьтя го́стя дарагу́ова,
Ба́тюшку радну́ова.
Он не ча́ста у́ гости е́здя,
Не до́лга гастю́я.
Он не до́лга прагастю́я—
Адну́ по́чь начу́я;
Адна́е по́чушку пачу́я
Таé пратаску́я.
Он лажи́тца спа́ть на ла́вки
Пат кра́сным ако́шкам,
Ако́нушка аткрыва́я,
Свеéту дажида́я.
Ох што́ ж э́та ды́ за но́чи
Ох што́ ж э́та за далгія!
И што́ ж эта свеéту нéту,
Не ско́ра расс́вéня!
Запрега́й ми́лай карéту,
Ся́ду я паéду
Уш я еéду, еéду, еéду
Маéво слéду нéту,

[1]) Т. е. мотки изъ нитокъ.

Маёвó слiёду нiёту, нiёту,
Хачу́ варати́тца.
Хачу́, хачу́ варати́тца,
С ма́минкай прасти́тца.

№ 36.

Маладе́ц дiёвку ой угава́ривал,
Ды́ у́ш ка́к о́н ее́ ой убала́кавал:
«Не хади́, дiёвка, ой малада́ за́-муш;
Малада́ вы́дишь, ой мнӯ́га го́ря уви́дишь»...

№ 37.

Ой вы ку́стики, вы маи́ густо́чкп,
Кусты́ ча́стаи маи́!
Усiё маи́ густо́чки, усiё пару́блины.
Усiё дружья́-бра́тья, усiё загу́блины.
Ай не тра́вка, не кавы́лка
Се́ шата́итца.
Зашата́лси, замата́лси
Дӯ́брай мо́ладец,
Он прибы́лси, прикаснӯ́лсп
Х До́ну ти́хаму.
Он и кли́ча к сабiё ба́я
К сабiё перявӯ́шшичкя.
«Перявӯ́шшик, перявӯ́шшик,
Перявӯ́шшик, маладо́й!»
Первязи́ ты мене́, перявӯ́шшик
Па ту́ сто́рану дамӯ́й.
За рабӯ́ту я табiё
Што́ угӯ́дна запла́чу́:
С рукiё пе́рстень залато́й,
Сла́ткай вӯ́тачки палушто́х,
А ишшо́-ли на закӯ́ску
Бiёл крупiётчитай кала́ч.

№ 38 (другая варіація пѣсни подъ № 37).

Зарадилася сильная я́гăдă ва бару́
Распава́дились кра́снаи дїе́вушки у лїе́с,
Кра́снаи дїе́вушки у лїе́с ды па я́гаткам хади́ть.
Адна́ дїе́вушка заблуди́лась ва тўо́м ва лясу́.
Заблужо́мшись, дарўо́жинькю не нашла́;
Ана ўзашла́ на кру́тинькей бережо́чик,
Васкли́кнула гро́мким го́ласам:
«Перявўо́шшик, перявўо́шшик, перявўо́шшичик»... и т. д. далѣе, какъ въ предыдущей пѣснѣ.

№ 39.

Галава́-ль мая́, галўо́вушка,
Галава́ рăзвесѐлая!
Гуля́й, галава́,
Паку́дă малада́.
Я стара́ бу́ду,
Гуля́ть ня́ бу́ду.
У мене мăладой
Был рявни́вай муш.
Он рявнив, рявнив,
Рявнив курьын[1]).ин с
Он сы ве́чиру
Гуля́ть ха́живал,
Кы палу́начи
Ды приха́живал.
Он лажи́тца спа́ть
Не палю́тскаму,
Он лажи́тца спа́ть
Па дура́цкаму:
Кы стянїе́ лицом,
Ка мнїе́ спи́наю,

1) Ругательное выраженіе.

Ка мнѣ́ спи́наю
С хвараст́инаю.
Ой стена́, стена́
Первярни́сь ка мнѣ́!
Вы угло́шки
Вы прамо́лтя мнѣ́!
Вы прамо́лтя мнѣ́
Гўбрькей сиратѣ́!

№ 40.

Ой вы му́хи, му́хи-кама́ри́
Вы кама́рики, вы́ маи́.
Уш вы́ што́-ли вы пра што
Вы куса́итясь бальнўб.

Укуси́ли мене́ маладу́
За бѣ́лаю за лицўб.
Ат бела́ ды а́т лица́
Я ўся́ ста́ла бальна́.

Я уся́ ста́ла бальна́
Вы пасте́люшки слегла́.
Вы пасте́люшки млада́
Нядѣ́люшку пралежа́ла,
Се мила́ друшка́ ждала́.

Без мила́ друшка́
Тёмная но́чушка долга́.
Тёмная по́чушка долга́,
Пасте́люшка халадна́
Уся́ заи́внивала.
Сваёвбо́ мила́ друшка́,
Наси́лушку даждалась.
Ис густо́чкяв, из лесбчкя
Выежжа́я́ милый на канѣ́
Ис пад гўбрки ѣ́дя ми́лай на трўбйки:

Я на ше́юшку бро́силась,
Сама́ слязью́ой залила́сь.

№ 41.

Ой вы ку́з·ницы малады́и кузняцы.
Ани́ ку́ють и нава́ривають,
К сабї́е Дўо́ню падгава́ривають.
Паде́м, Дўо́ня, ва лесо́к, ва лесо́к,
Сарве́м, Дўо́ня, лапушо́к, лапушо́к,
Пат са́минькей карешо́к, карешо́к,
Сашье́м, Дўо́ня, сарахва́н, сарахва́н.
А пу́галки[1]) — арепе́й, арепе́й[2]).
А по́яс-та асака́, асака́.
Расти, Дўо́ня, висака́, висака́.
Пракля́тай мўо́й тарака́н, тарака́н.
Он из·ї́е́л мўо́й сарахва́н, сарахва́н.

№ 42.

Святи́л, святи́л мї́е́сяц
Недале́ка, бли́ска
У ва всю́ чи́сту по́ля,
Там дї́е́вушка пўо́ля.
Бялы́ ру́чки кўо́ля,
Жа́лка мнї́е дяви́цу;
Сня́л бы рукави́цу,
Сня́л бы рукави́цу,
Уда́рил дяви́цу.
Сабира́лись бра́тцы,
Бра́тцы сё духўо́внаи,
Дяли́ли дяви́цу,
Каму́ им даста́нитца.

---

1) Пуговицы.
2) Репейникъ.

Пўóп-та сё ня слу́жа,
Па дїе́вушки ту́жа,
Дья́кан не венча́я:
За сы́нушку ча́я [1]).
Дьечо́к-та не дья́ча,
Се́ па дїе́вки пла́ча,
Панама́рь не зво́ня —
Па дїе́вушки сто́ня.

№ 43.

Чере́ма, чере́мушка,
Чере́ма гу́стинькей т·вето́к!
На чере́мушки расте́,
Расте́ а́линькей т·вето́к,
А́линькей т·вето́к
У ва всю́ по́ля т·вете́,
У ва всю́ те́мнаю но́чь.
. . . . . .
Ой хто́ жа ды́ у на́с
Ча́ста у го́стюшки ежжа́л,
На во́ранам на каньё́,
На черка́скам на сядлїе́?
Ива́нушка ча́ста
У го́стюшки е́жживал
На во́ранам па каньё́,
На черка́скам на сядлїе́.
Пад·јежжа́я ка двару́;
Ана хўо́дя по́ двару
Алекса́ндрушка па сваю́о́м.
Аттваряй варў́о́ты,
Прима́й во́рана каня́,
Прима́й во́рана каня́
За шалкў́о́вы павада́.

1) Т. е. намѣревается повѣнчать ее съ своимъ сыномъ

Хачу — приму́, хачу — нӣе́т,
Хачу пру́бчь пайду
За нагру́бу за тваю́ [1]),
За вяли́каю бяду́.
И гдӣе́ до́лга прабува́л
И ка мнӣе́ ня прихади́л?

№ 44.

Закати́лася со́лнушка ды за тёмнаи леса́,
Ды за тёмнаи леса́ за зеле́наи луга́.
Усӣе́ пта́шки прiумо́лкли, усӣе́ сади́лись па места́м,
Усӣе́ пта́шки па па́рачкям, аднэ́й пта́шки дру́шки нӣет.

. . . . . .

У на́с по́д лёсам лесо́чкям ну́ова хи́жина стаи́ть;
Ва э́тай ва хи́жини ды раздумшица [2]) живе́;
Живе́ гу́брькія бещасная се салда́цкая жана́.
Не случа́ям падбежа́ли дво́я ру́бдных пад акну́бо.
Адин ру́бднай — мла́дых лӣе́т, другбй ру́бднай — бӣе́лай снӣе́х.
«Раз·любе́зная на́ша хазя́юшка, пусти́ на́с начева́ть!»
«Разлюбе́знаи, маи́ салда́тушки, ўсю́ пра́вду ва́м скажу́:
«Я три дня́ ха́ту не тапи́ла, не вари́ла ничево́».
«Мы с пахў́боду намари́лись, нам жела́лась аддахну́ть».
«Разлюбе́знаи маи́ салда́тушки о́чень ра́да бу́ду ва́м».
Ади́н ухў́бдя у ха́ту — зрӣе́лых лӣе́т, другбй — бӣе́лай снӣе́х.
Ади́н сӣе́л на ла́вачкю, другбй прати́в его́.
Разлюбе́зная наша хазя́юшка на загнӣе́тачки сиди́ть [3]).
«Разлюбезная наша хазя́юшка ап чў́ом пла́чишь,

---

1) *За грубость, дерзость* твою.
2) Т. е. *обездоленная, горькая, несчастная.*
3) Лавочка около печки.

«Ап чу́ом пла́чишь, ап чу́ом сле́зы рани́шь?»
«Ка́к мнѣ́ не пла́кать, как мнѣ́ сле́зы не рани́ть?!
«У мене́ му́жа до́ма нѣ́ету и я сы́нам решана́»[1]).
«Разлюбе́зная на́ша хазя́юшка! Падайди́ к нам пабли́жа,
«Падайди к нам пабли́жа, пакланись на́м пани́жа,
«Сними с мене́ кивере́чик, а у кивере́чкю — плато́чик»[2]).

Новѣ́йшія пѣсни.

№ 45.

Ты кали́нушка, ты мали́нушка,
Ой да ты ня стӯо́й, ня стӯо́й на гарѣ́ крутӯо́й.
Ой да ни спушша́й ли́стья да синя́ моря.
Ой да па синю́ морю́ карабе́ль плывёть;
Карабе́ль плывёть и вода ревёть.
Ка́к ва тӯо́м ды караблю́ три палка́ салда́т,
Три палка́ салда́т,— малады́х ребя́т.
Ой да капита́н-маие́р Бо́гу мӯо́литца,
А ридаво́й ды салда́т дамӯо́й прӯо́ситца:
«Ой капита́н-майе́р атпусти́ мене́ дамӯо́й,
«Атпусти́ мене́ дамӯо́й к атцу́-матери радно́ii,
«К атцу́, к ма́тери радно́й ды к жанѣ́ маладӯо́й,
«Ды к жанѣ́ маладӯо́й,—ма́лым дѣ́тушкам!»

№ 46.

Расказа́ть-ли Ва́м, падру́шки,
Пра нещастья пра сваё.

---

1) Т. е. лишилась сына.

2) Встарину при отправленіи на военную службу супруга дарила своему мужу что-либо на память: платокъ, перстень или полотенце, иногда — два полотенца; при чемъ одно изъ нихъ въ пользу будущаго полкового начальника, чтобы расположить послѣдняго въ пользу новобранца.

Вы не зна́ли майво́ дру́га,
Како́й бы́л он маладо́й.
Бӣе́лакры́лай хва́брый во́ян,
Ӯвязӣе́ сла́вилси бае́ц.
За Пятруо́вскаю заста́вай
Аткрыва́л ми́лай вайну́.
.. . .
. . . . . .
Што́-ш ты, дӣе́ва, пу́зна ху́дишь
Не бай́с·ся нікаво́?
Да чево́ жа мнӣе́ бай́тца:
Здӣе́сь муой мила́й схаране́н.
Ево́ кре́стик не вяли́чак,
Ӯве́сь усы́пан земчушко́м;
Ево́ па́митник чижо́лай,
Дивянӯо́ста се́мь пудӯо́в.

№ 47.

Размальчо́начкя ды бидня́жичкя
Он склани́л, ды склани́л галӯо́вушку.
Он́ склани́л, ды склани́л галӯо́вушку
Ды на пра́ваю на старӯо́нушку.
На груди́ он лежа́л, чижалӯо́ ӯздыха́л,
У наслӣе́дней ра́с «прашша́й» сказа́л.
«Ты прасти́-прашша́й, краса́вица!
«Красата́ мнӣе́ твай́ не ндра́витца!»

№ 48. («Линейская»).

Када́ я бы́л слабӯо́днай ма́льчик,
Нй зна́л я го́ря, ни́ нужды́.
Радны́я усӣе́ мене́ люби́ли,
И балава́ли, ка́к дитю́о.
Но баластвӯо́ мене́ згуби́ла,
Я сби́лси с пра́виднай пути́.

Ў в адну́ дивчо́нку улюби́лси,
Я пазабы́ть её ня мў́ох.
Ана́ бажи́лась вĭе́рна лю́бить
Сваей измĭе́нчивай душў́ой.
А я мальчо́нка ей павĭе́рил
Сваéй распу́тнай галавў́ой.
С Маско́вским за́мкам я спазна́лси,
У катў́рам сро́ду ни бува́л.
Сижу вичёрнію парў́бою.
Лампа́да ту́с·мина гари́ть,
А за рашо́ткаю залĭе́знай
У чисавў́ова шты́к блясти́ть.
Усĭе́м святы́м мали́лси Богу,
И я́ ис за́мка́ ушёл.

№ 49.

Жара́ми, жара́ми дубрў́ова гарĭе́ла.
Прип. Ой люли́, люли дубрў́ова гарĭе́ла.
Сталба́ми, сталба́ми дымо́к пашиба́я.
Прип. Ой люли...
Ды мнĭе́ х ба́тюшки ĭе́хать пи́р пирава́ть
Прип. Ой люли...
Ски́ну ракаво́чик, размахну дымо́чик.
Прип. Ой люли...
Паĭе́ду я х ба́тюшки пи́р пировать,
сястру́ аддава́ть.
Прип. Ой люли...
Сястру́ не прапи́ли [1]), бра́та не жани́ли.

№ 50.

Ой, ма́тушка то́шна мнĭе́,
Суда́рыня гру́сна мнĭе́:

1) Т. е. *не просватали.*

Разгуля́тца нїе́гди мнїе́:
Ни у Пи́тери, ни у Тамбўо́ви,—
Гасуда́ривай канто́ри.
За дубўо́вым за стало́м
Сиди́ть пи́сарь маладо́й;
Он и пи́ша ў два́ пера́
Суда́рушкины да дела́.
Канто́рушка не мила́:
Суда́рушка не была́
Канто́рушка раствари́лась:
Суда́рушка праяви́лась.
Пришла́, Бо́гу памали́лась,
Ни́ска кла́нйлӑся̆.
Пи́сарю бли́жа усїе́х,
Паклани́лась ни́жа усїе́х;
Че́рны бро́ви навела́,
И с канто́ры во́н пашла́.
Сы гары́ на гўо́рку шла́,
Чижалўо́ у рука́х несла:
Два куши́на, два ведра́
Карамы́слу и велё́к,
Ишшо́ ми́лава плато́к.

№ 51.

Палюби́ла, н' [1])югади́ла, батюшки сказала:
«Бали́ть, бали́ть галўо́вушка са бу́йнава вїе́тру».
Вїе́тяр павева́я, ро́су абива́я.
Из за лїе́су из за рўо́шши со́кал вылета́я.
Со́кал, мўо́й сакўо́лик, ат·лё́тная пта́шка!
Паляти́м, мўо́й сакўо́лик, на маю́ старўо́нку.
Ва мае́й старўо́нки да чи́стая по́ля.
Ва чи́стам по́ли при дали́нки рїе́чкя
пратека́ла.

1) Вмѣсто *не угадалъ (сокращеніе).*

Бес пары́, без вре́мя рі́ечкя замерза́ла,
Бес пары́, без вре́мя ледо́к абламы́лси,
Ва́нюшка дружо́чик с ку́бника уби́лси,
Уби́лси, не разби́лси, ту́лькя испужа́лси.
Ты, ду́шичкя, ты, Катю́шачкя, дяржи́ маёвб
ку́бня.

№ 52. («Линейская»).

Круго́м девчо́нка асиратіе́ла,
Круго́м я гу́рькія адна́.
Мая́ с ни́м ща́стья улятіе́ла
И не вару́титца наза́т.
Вярни́сь, вя́рнись, му́ой не нагля́днай,
Ка бі́е́днай ді́е́вицы ка мні́е́
У ва сні́е му́бй ми́лай заяви́лси,
На се́рца и́скру зарани́л,
Свяркну́л, как маланья́, сакры́лси,
На ві́е́к спаку́бйствія лиши́л
Сказа́л: «гуля́й, мая́ мила́я,
Не улюба́йси н'юкавб́,
У твои́х лета́х люби́ть апа́сна,
И ты́ засо́хнишь, как трава́,
И ты́ засо́хнишь, ты завя́нишь,
Рас·тве́сть ня му́жишь никада́.
Када́ усі́е́ ро́зы рас·тветаю́ть,
Уся́к стара́итца сарва́ть,
Када́ девчо́нка маладая́,
Уся́к стара́итца люби́ть,
Када́ девчо́нка пристарі́е́я
Уся́к стара́итца забы́ть.
. . . . . .
. . . . . .
А вы, падру́шки, не серча́йтя,
Што́ я не ве́сйла́ сижу́.

К чаму́ да мнѣ́ да весяли́тца,
Када́ я с ми́лым расста́юсь.

№ 53. («Линейская»).

До́чкя мама́ши гавари́ла,
Што́ я ваѐннава люблю́.
Люби́ла, люби́ть я бу́ду,
Катў́о́раи не́ был у старанѣ́.
Кў́о́лькя я Бо́га не мали́ла,
А ва святы́и не папа́ла.
Шанпа́нскаго пила, кури́ла,
Са вся́кай сво́лачью жила́.
Васьмна́тцать лѣ́т мнѣ́ паравня́лась,
Из запярти́ я во́н пашла́.
И я́-ли, я́-ли вы́шла за́-муш,
И я́-ль кружи́лася с дятьми́.
Ади́н кричи́ть: мама́ша ча́ю!
Другой кричи́ть: я пи́ть хачу́,
А пьяна́й му́ш ляжи́ть на кў́о́йки,
Кричи́ть: «пада́йтя тру́пку съ табако́м».
Ах, Божи мў́о́и, какая скука!
Куды́ дева́тца мнѣ́ с таски́?
Пайду́ я у мо́ря утапи́тца,
Пуска́й мене́ вална́ снесѐть.

№ 54. («Линейская»).

Ап чў́о́м ты, дѣ́вачкя, пла́чишь,
Ап чў́о́м, кра́сная, слёзы рани́шь?
Аб во́ранам канѣ́, аб сбру́и залатў́о́й.
Систри́цы-падру́шки,
Как кали́навай твѣ́т.
Каво́, знать, не палю́бишь,
У таку́о́м жа пра́вды нѣ́т.
Стая́ла я на ба́хти[1]).

1) У *бухты.*

Хатїе́л мене, дїе́вку — абману́ть.
Ми́линькей, харў́бшинькей,
Ты ня смїе́йси нада́ мнў́й!
Гаспў́ть тебе́ нака́жа
Нища́снаю судьбў́й,
Нища́снаю судьбў́й,
Рявни́ваю жанў́й.

№ 55.

Вы́раю я черёмушку ва тёмнам лясу́,
Пасажу́ я куд·ря́ваю ва зелёнам саду́.
Расти́, т·вяти́, чере́мушка, танка́ и висака́,
Не та́к танка́ и висака́, а ли́стам ширака́.
Нельзя́, нельзя́ черёмушку нязрїе́лаю ды рва́ть;
Нельзя, нельзя́, не сва́тамши, кра́сну дїе́вку за́-муш бра́ть.
На тў́м баку́ за рїе́чкію стая́л бальшо́й до́м.
Ва тў́м даму́ стая́ла крыльцў́ вазру́блиная.
С таво́ крыльца́ вяду́ть малатца́ съ кра́снай дїе́вицай.
Ади́н гавари́ть: серца бали́ть, другой гавари́ть:
Карми́л—пая́л девчо́начкю, ня пру́чил я сабїе́,
Не доста́лася девчо́начкя ни бра́ту, ни мнїе́.

№ 56.

Ой мо́жна, мо́жна у ру́бшшу разгуля́тца,
Ой с ми́лым павида́тца,
Ой да таску́-ску́ку ды печа́ль разагна́ть.
Ой пайду я з го́ря з го́рюшка на рїе́чкю,
Сама́ ся́ду на кру́т бережо́к.
Я сидїе́ла дїе́вушка, глядїе́ла,
Ой увида́ла стїе́нь [1]) сваю́ на вадїе́.
Ой стїе́нь пуста́я, стїе́нь мая́ праста́я,
Ой стїе́нь — халў́дна ва рїе́чки вада́.

1) *Тынъ.*

Ой спрашу́ я рїе́чкю, спрашу́ я быстру́я,
Ой не́ был, не́ был-ли здїе́ся[1]) му́ой мило́й.
Рїе́чкя ей ат·вечала́: здїе́сь нїе́ту никаво́.

№ 57. («Линейская»).

Вїе́тяр вїе́я, со́нца грїе́я;
Ой сат зеле́нинькей шуми́ть.
Я люблю́ тавó мальчо́нка,
Катўбрава здїе́ся нїе́т.
Ой вы го́радя вы Аде́стя[2]),
Ой на ву́лицы на равно́й.
Там стаяли да три́ ба́шни,
Ой пасере́тки бальшо́й до́м.
Ой здїе́сь ни до́м да ни бальни́ца,
Ой да настаящія тюрьма́.
Ой ничево́ в тюрьмїе́ ня слы́шна,
Ой тўблькя слы́шна зво́н ключе́й.
Ой у тюрьмїе́ две́ри призапе́рты
Ой да на висячих тре́х замка́х.
Клю́чник две́ри аттваря́я.
«Ой выходи́-ка, бра́т, сюда́!»
Ой выхажу́ я на свїе́т бїе́лай.
Пер·крести́л я са́м себя́.

№ 58. («Линейская»).

Нища́сная роди́лась, нища́сная памру́,
На штўо́ мене́ ма́ть роди́ла,
На штўо́ мене́ Бо́х сазда́л?
Шахте́ра палюби́ла, за ни́м я прападу́
Усїе́ пта́шки-канаре́йки,
Усїе́ жа́лабна паю́ть.

---

1) *Здѣсь.*
2) *Одессѣ.*

А на́м с табу́ю ми́лай
Разлу́ку придаю́ть.
Разлу́ка, ты разлу́ка —
Чужа́я старана́.
Нихто́ на́с не разлу́ча
Ни со́нца, ни луна́;
А ту́блькя на́с разлу́ча,
Сыра́я ма́ть — земля́.
На шту́ о́ на́м разлуча́тца,
На шту́ о́ ў разлу́ки жи́ть?
Ня лу́ччи пирвича́тца,
Любу́о́вью даражи́ть.

№ 59.

Патиря́ла я кале́чкя,
Патиря́ла я любу́о́вь.
Я па э́таму кале́чкю
Ста́ну пла́кать и рыда́ть.
Не пла́чь, дїе́вица, слязу́ою,
Бу́дишь вїе́чная мая́.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Ой ни на шту́ о́ так н'юзира́ла,
Как на э́тат бальшо́й до́м,
Ой ни па ку́о́м так ни тужи́ла,
Как па ми́лам па сваю́о́м.
Гдїе́ ш дива́лси а́л тветочик,
Што́ дали́нку украша́л?
Гдїе́ ш дива́лси ми́л дружо́чик,
Што́ слова́ми улешша́л? [1]).
Улешша́л ми́лай слава́ми,
Сам жани́лси на другу́о́й.

1) Льстилъ, говорилъ ласковыя рѣчи.

Ми́л жани́лси, пер'мяни́лси
Не п'абы́чью жану́ ўзя́л.
Не п'абы́чью, не па ндра́ву,
Ўся́ семе́йства не мила́.
Люби́л Са́шу, люби́л Ма́шу,
А Дуня́шу лу́ччи усіе́х.
Ми́л уіе́хал, мене́ бро́сил,
И — малю́тку на рука́х.
Я адда́м сястрі́е малю́тку,
Сама́ вы́ду на крыльцу́́.
Выхажу́ я на крыле́чкя,
А му́́й ми́линькей нустрі́е́чь [1]).
Я кина́лась, я брася́лась,
Я па ше́юшку к няму́.
Залива́лася слязу́́ю,
Называ́ла «ми́лай му́́й».
«Ой н'юзыва́й мене́, мила́я!
«Я тепе́рича ня тву́́й».

№ 60. («Линейская»).

Да хади́л чума́к, да хади́л бурла́к
Се́мь лі́е́т па Крыму́.
Не случи́лася чумаку́ причи́на ат ро́ду его́.
Ой да случи́лась чумаку́ причи́на,
Да ис Кры́ма и́дучи —
Ва чи́стам по́ли, ва ширу́́кам разду́́льи,
Игді́е́ чума́к валу́́в па́с.
Валы́ сі́е́ры пахрамі́е́ли,
И чума́к бо́льна забалі́е́л.
Да бали́ть чума́к, да бали́ть бурла́к.
Баля́ть у него ну́́шки, баля́ть ру́чки,
Да балить бо́льна галава́!

1) На встрѣчу.

Вы, таваришши, вы радны́и бра́тья,
Не спаки́ньтя Вы меня́!
Вы паня́йтя па ту́бо́й па дару́бшки,
Игдзе́ чума́к праежжа́л.

Паежжа́йтя у гарад о́чик,
Да уда́рьтя вы зво́н.
Да у Крымо́чкю—у сла́внам гарад о́чкю
Да уда́рили ва зво́н.

№ 61.

Мама́ша до́чь брани́ла,
Чёво́ до́чкя грусна́.
Сама́ пра то́ ни́ знала́,
В каво́ я влюблина́.

Люблю́ друшка́ серде́шна,
Люблю́ я у́сей душу́бо́й.
А о́н тако́й кава́рнай
Смі́ётца нада мно́й.

Ни смі́е́йси, зло́й мучи́тель,
Ни смі́е́йси нада мну́бо́й!
Гаспу́бо́дь тибе́ нака́жа
Нища́снаю судьбу́бо́й.

Нища́снаю судьбу́бо́ю,
Рявни́ваю жану́бо́й.

Ва по́ли ві́е́тяр ві́е́я,
Ваённай гро́м грями́ть.
Нихто́ та́к ни страда́я,
Ка́к ми́лай на вайні́е́.

Он пу́шки зарежа́я,
Се́ ду́мал аба мні́е́.
Пришла́ письму́бо печа́льна,
Што́ ми́лай му́бо́й уби́т.

Уби́т, уби́т! На кла́дбишши ляжи́ть.

№ 62.

Ка́к прiiе́хал ми́лай с по́ля,
С по́ля, с но́ля рассу́кин сы́н ско́ра.
Привезе́л он каня́ дли́ пару́ога,
А са́м пашо́л к ми́лай у ха́ту.
Здра́ствуй, ми́лая, здару́ова чернабро́вая!
Чего́ жа ты́, мила́я, ды ва ли́чику бли́е́дна?
Дай я тебе ды па ли́чику уда́рю,
Дай я табíе́ ды здару́овица зба́влю!
Зба́вил, зба́вил ды рассу́кин сы́н зба́вил!
Памру́, памру́, жива́ я ня бу́ду!
Строй мнíе́, ми́лай, ды арíе́хаваю гро́бья!
Нíе́гди табíе́, ми́лая, арíе́хаваю узя́ти;
Та́гжа бу́дишь ва сасну́вай лежа́ти!
Схарани́ ты мене́ ва зелёнам садо́чкю!
Бу́дишь, ми́лай па садо́чкю гуля́ти,
Буди́шь да я́блачки рва́ти,
Ды за упаку́ой мене́ памина́ти.

№ 63.

Севодня де́нь да ску́ка,
Ни зна́ю, што́ нача́ть.
Пришо́л ка мнíе́ любе́знай
Зача́л мене́ ласка́ть.
«Краса́вица-дíе́вица!
«Паслу́шай, што́ скажу́».
. . . . . .
Дарю́ табíе́ кале́чкя,
Дарю́ и гаварю́:
«Наси́ маю́ кале́чкя,
«Наси́ и не теря́й!»
«Ня льсти́ся, дру́х любе́знай,
«Ня льсти́ся прида мну́ой!
«У Масквíе́ такiи красо́тки,
Што́ лу́ччи мене́ е́сть».

№ 64.

с. *Верхній Ломовецъ* (Параша Жданова).

Запѣвъ. Ой на гўо́рки дубочик развива́итца.
Припѣвъ. Ой люли́, люли́ развива́итца.
Зап.: А мўо́й ми́линькей сакруша́итца. *Прип.*
Зап.: А я к ми́ламу ды чесо́чик шла́. *Прип.*
Зап.: Я чесо́чик шла́, другой ме́шкала *Прип.*
Зап.: Ва тре́тьям часу́ на гўо́рку ўзашла́. *Прип.*
Зап.: На гўорку ўзашла́ ды письмўо́ нашла. *Прип.*
Зап.: Бу́тта мўо́й мило́й ва пасте́лю сле́х *Прип.*
Зап.: Пасте́лй, пасте́лй — сыра́ ма́ть-земля́. *Прип.*
Зап.: Вазгалўо́вьица — грабава́ даска́. *Прип.*
Зап.: Адія́ньица — шалкава́ трава́. *Прип.*

№ 65 («Линейская»).

с. *Верхній Ломовецъ.*

Зап.: Ой ты́ Ната́ша, ты́ Ната́ша, ты саратовская до́чь
Прип.: Ой люли́, ой люли́ ты сара́товская дочь!
Зап.: Нюзумйе́ла ты, Бубри́ха, па Сара́тавай гуля́ть.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Па Сара́тавай гуля́ла, извўо́шшичкя наняла́.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Питьдися́т рублей дала́, парахўо́дяц наняла́.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Парахўо́дяц мўо́й, парахўо́д не боя́лси ра́зных вўо́д.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Парахўо́д и́дя с накла́дам, двйе́ Ната́ши сидя́ ря́дам.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Папирўо́сачки куря́ть, пра Сара́тай гаваря́ть.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Ой харўо́ш го́рад Сара́тай при рякйе́ Во́лги живёть.
Прип.: Ой люли́ и т. д.
Зап.: Там уся́к живёть при мйе́сти, игдйе́ па'бйе́дать, игдйе́ папи́ть.
Прип.: Ой люли́ и т. д.

Зап.: Игдѣ́ па'бѣ́дать, игдіе папи́ть, игдѣ́ у карма́н х каму́ залѣ́сть.

Прип.: Ой люли́ и т. д.

№ 66.

с. *Верхній Ломовецъ* (Параша Жданова).

Тавó нѣ́ту, тавó жа́ль,
Ат·ежжа́я ми́лай ў да́ль.
Жа́ль — мене́ спакина́я.
С рукѣ́ пе́рстень залатóй
Де́нь на ру́чушки наси́ла,
Нóчь пад гóлаву клала́,
Па утру́ ра́на ше́льма ўстава́ла
Залива́лася гўóрькіей слязўóй.
Двѣ́ пу́хўóваи маи́ падýшки
Патану́ли ва слеза́х.
Трехшалкўóвая мая́ адія́ла
Не сагрѣ́ла се́рцу маю.
Не сагрѣ́ла — не пригрѣ́ла
Ды́ бяз· ми́лава без друшка́.
Кабы бы́л ў мене́ камóк вóску
Я бы кры́лушки сабѣ́ свила́.

№ 67.

с. *Верхній Ломовецъ*.

Ой да ў тёмнаю нóчушку ня спи́тца,
Са́м ня зна́ю пачаму́.
Ой са́ма дѣ́вица сказа́ла:
«За мнўóй, ма́льчик, не гани́сь.
«Если пагўóнисси за мнўóй,
«То патеря́ишь свўóй спакўóй
«И свўой развесёлай разгавўóр».
Пўóмнишь день ма́ицкай, прикра́снай;
Шли́ купа́тца мы с табўóй;

Шли́ купа́тца — разгуля́тца
Ды́ па зелёниньким лужку́.
    Па зелёниньким лужо́чкю
    Ды па жо́лтаму пяску́.
    На жалтю́м пяску́ сади́лась
    Аблива́лася вадю́й.
Тёмная ту́ча нахади́ла,
Си́льнай до́жжичик прали́л.
Расступи́сь ты, ма́ть-сыра́ земля́,
Подними́сь ты, ма́тушка радна́я,
Скажи́ славе́чкя мнїе́ адну́.

№ 68 («Линейская»).

с. *Верхній Ломовецъ* (Филиппъ Ждановъ).

Сы ве́чера была́ пагю́да,
Паутру́ си́льнай марю́с.
Та́м ише́л-праше́л брадя́га,
    Без·билїе́тнай челавїе́к.
    Ше́л о́н лїе́сам,
    Ше́л лесо́чкям,
    Юзду́мал ма́льчик аддахну́ть.
Ево со́лнушка пригрїе́ла,
Приспакю́била малатца́.
Удру́х пасти́х случа́й нещча́стнай,
И забра́ли ево́ малатца́.
    Ручки с нюшками скава́ли,
    Пасади́ли ув'астрю́х.
Ю́в'астрю́гя двю́р ширю́кай,
Тю́лькя у́ски варата́.
    Юдру́х тава́ришш к нему́ заяви́лси,
Пра нища́стья расказа́л:
«Тваи́ ма́тушка радна́я
«Ва сыру́ зе́млю слегла́;

«А нявѣ́ска маладáя
«Ва пасте́люшку слегла,
«А жана́ твая́ радна́я
«Пад венцо́м с друшко́м стаи́ть»...

№ 69 («Линейскаа»).

с. Ѳоминка. Павелъ.

Сижу́ у тямни́цы,—тямни́цы тямнўо́й,
Сижу́ у нявўо́ли,— нявўо́ли бальшўо́й.
Ничево́ ня ви́жу, то́лькя аднўо́ акнўо́.
Бяру́ я чарни́лу, бяру́ я пярўо́,
Пишу́ я запи́ску пря́ма ка двару́,
Пишу́ я другу́я, брасáю з'акнўо́.
Гля́нул я в ако́шка — тава́ришш идѐть.
«Тава́ришш, тава́ришш — бра́тяц му́о́й радно́й!
«Дава́й му́о́й тава́ришш, дава́й улятѝм,
«Улятѝм дале́ка за си́ни маря́,
«Игдѣ́ со́нца ня свѣ́гя, мѣ́сяц никагда́»...
. . . . . .
. . . . . .
Ва зеле́нам лужо́чкю салавьѝ паю́ть,
А на́м с табу́о́й, ми́лай, разлу́ку даю́ть.
Разлучнл он се́рцу тваю́ и маю́,
Тваю́ и маю́, э́х — за яди́наю...

№ 70.

с. Верхній Ломовецъ.

Па дали́нки я иду́,
Сама́ пла́чу и тужу́.
Залила́сь я пла́кать
Сы дали́нки, сы лушка́
С крута́ сла́вна берешка́.
З· беряшку́ па ка́мушкам
Теке́ рѣ́чушка шуми́ть.

У мáево́ ды у ба́тюшки
Салаве́й у саду́ пе́е́.
Ты ня пу́о́й, салу́о́вушка,
Ши́пка — гро́мка вы саду́;
Не дава́й даса́душку
Серде́чушку маяму́,
Маяму́ серде́чушку,
Надарва́мшись—плакамши,
Надарва́мшись — пла́камши
Ва чужи́х ва лю́дюшках.
Та́м и су́дють и браня́ть,
Панапра́сну би́ть хатя́ть;
Пасыла́ють маладу́
У калу́о́дезь за ваду́о́й,
У калу́о́дезь за ваду́о́й
За халу́о́днай ключаву́о́й.

№ 71.

с. *Верх. Ломовецъ.* Яклиха.

Ой, ма́тушка, то́шна мнѣ́е,
Суда́рыня не магу́.
Ступи́л кама́рь на ногу́—
На ну́о́жинькю бо́льную.
Неха́й ну́о́жунькя бали́ть
Рятива́ се́рца шшами́ть
Сё па ми́лам па друшку́;
Сё па ми́лам па друшку́
Па Ваню́ши — живату́.
Уж ты, Ва́нюшка — дружо́к,
Распасты́лай — дарого́й;
Суши́л — круши́л три го́да,
А я его́ чаты́ри.
С е́тай го́ря — кручи́ны,
Я сы го́ря, сы таски́

Вазьму́ у ру́ки гребяшки́
Ращчашу́ ку́дри — виски́;
Разбума́жу валаса́,
Пайду́ ва тямны́ леса́,
Ды ва тёмнаи леса́
Ва привў о́льны ва места́.
Ва привў о́льных ва места́х
Сидя́ть дїе́вушки вакру́х,
Паю́ть пїе́синку васлу́х,
Што́п услы́хал ми́лай дру́х.

№ 72.

с. *Верх. Ломовец.*

То́ та то́шна, то́-та гру́сна,
Ой, умере́ть с го́ря хачу́.
Ты пастўойкась, н'юмира́йкясь,
Я папа́ х табїе́ привяду́.
Ты пади́-кась, привяди́-кась,
Каво́ я вїе́рна люблю́.
Люблю́ дїе́вку раскраса́вку,
Завдалў о́ва маладца́,
Я — такў о́ва завдалў о́ва,—
Па плеча́м ку́дри лежа́ть.
Чеса́л ку́дрицы, чеса́л ру́саи
Ча́стым мїе́лким гребешко́м.
Рас'чеса́мши,— разглажо́мши,
Че́рну шля́пу надева́л,
Че́рну шля́пу пухаву́я
Сы павли́ным сы перо́м,
Сы павли́ным, с·лебяди́ным
Ў до́ль па у́лицы прашёл,
Ў до́ль па улицы прашёл,
Па ширў о́кай сталбавў о́й,
Ши́пка — гро́мка прасвиста́л.

№ 73.

с. *Верх. Ломовецъ.*

Эй, по́лна пта́шичкям лета́ти,
Эй по́лна кры́лушкам маха́ти.
Эй по́лна дїе́вкам, по́лна кра́сным,
Ой па милу́́му э-ой таскава́ть.
Звала дїе́вка, звала́ кра́сна,
Звала́ па́рня начева́ть:
«Эй начу́́й па́рень, начу́́й бра́вай,
Ой начу́́й но́чкю, э-ой у мене́»!
«Рад бы, ра́д бы начева́л бы,
«Баю́сь до́ свита праспю́
«Э-ой уж я до́ свита, да свїе́та
«Ой я да бїе́лай, ой даж, да зари́».
«Я сама́ дїе́вка уста́ну,
«Тебе́ па́рня вазбужу́,
«Вазбужу́ тебе́ пара́ня
«И пада́ля праважу́»...
Я да тїе́х пу́́р праважа́ла
Да зеле́ниньких лужку́́в,
Да зеле́ниньких лужку́́в,
Игдїе́ сканча́лася любу́́вь,
Игдїе́ сканча́лась, распрашша́лась,
Игдїе́ мы пла́кали — рыдали,
Са слюу́́с рїе́чкя пратекла́,
Са слюу́́с рїе́чкя невяли́чкя,
Невяли́чкя глубака́.

№ 74.

с. *Долгуша.*

Люби́л па́рень дїе́вушку
Да спаки́нул;
Спаки́нул душа́ ми́л-дру́х
Ше́льма не надо́лга,
Вре́мичкя на ма́лаю,
Всево́ на часо́чик.

Уѣ́хал мўо́й ми́линькей
Зна́чить ў гарадо́к,
А я́ млада́ младе́нькя
За ни́м не ганю́ся.
Гў́онитца мўо́й ми́линькей
Ми́лай дру́х за мнўо́й,
За мае́й за дѣ́вичьей,
Зна́чить красатўо́й,
За мае́й за ру́саю
Зна́чить за касўо́ю.

№ 75 («Линейская»).

с. Ст. Дубовое.

Ва по́ли, по́ли серябри́стам
Стая́ла дѣ́ва прида́ мнўо́й,
И уверя́ла не́бам чи́стым
Храни́ть да гро́ба свў́о́й спакўо́й.
Тваё́й-ли, Са́ша, красатўо́ю
Измѣ́ну тя́шкаю тярплю́.
За лѣ́сам со́нца асвяти́ла
И чо́рнай во́ран пракрича́л.
Мая́ слеза́ на гру́дь скати́лась.
И я ў паслёдній ра́з сказа́л:
«Када́ умру́, Са́ша, узна́ишь,
Ищи́ мине́ среди́ маги́л.
На ка́мйню на́дпись прачита́ишь,
Што́ я ′па гро́б тебе́ люби́л.
Люби́л, люби́ть я бу́ду вѣ́чна
Ў какўо́й бы не́ был старанѣ́,
Тебе́ ва вѣ́ки не забу́ду
Ты вѣ́чно бу́дишь жи́ть ва мнѣ́.

№ 76.

с. Ст. Дубовое. Пелагія.

Со́хня, вя́ня ў по́ли тра́вка
Со́хня, вя́ня без даждя́,

Без даждя́, без тебя́
Прападала́ кра́сная дїе́вка,
Без· милу́ова без друшка́.
Без· тебя́ я улюбилась — зарази́лась,
Се́рца гру́сти придала́сь.
Пайду́ схажу́ на то́т бе́рях
Пасматрю свово́ друшка.
Скуо́лькя пи́сем не писала́,
Мнїе́ сказа́ли: ми́л не чита́л,
Скуо́лькя слю́ос не праliва́ла,
Мнїе́ сказа́ли: ми́л не слыха́л.

№ 77.

с. В. Ломовецъ.

Сряди́ лясу́ов дрему́чих
Разбу́ойнички иду́ть,
У́ ваи́х рука́х магу́чих
Тава́ришша нясу́ть.
Наси́лки не прасты́и,
Из ру́жьяв слажаны́,
А по́пёряк стальны́и,
Мячи́ палажаны́.
На ни́х лежа́л уби́тай
Сам Чу́ркин маладо́й;
Он у́вёсь акрававлёнай
С разби́тай галаву́о́й
Из ран ево краснїе́лась
Кро́вь по́ бра́вям, виска́м.
. . . . . .
. . . . . .
Мы́ шли́ — дашли́ да мїе́ста,
Сказа́ли: бра́тцы, сто́й!
Мы вы́рыли — спусти́ли
Тава́ришша сваёвво́.

№ 78.

Ст. Дубовое

Уж ты́ по́ля моя́,
По́ля чи́стая!
Ничево́, по́люшка,
Не поро́дила.
Паради́ла по́люшка
Што раки́тавай ку́стъ.
Как пад ку́стикам
Пад раки́тавым —
Там уби́т ляжи́ть
Дў́брай мо́ладец.
Уби́л его, уби́л ку́нь варано́й.
Ты ступа́й, мў́о́й ку́нь,
Ступа́й на рў́дину,
Ты не ска́зывай, мў́о́й ку́нь
Маéй ма́тушки раднў́о́й.

№ 79 (*Тягучая*).

с. Карачунъ.

При дали́нки, ой да стая́л ку́ст кали́нки,
А на кали́нки салў́о́вушка
Пта́шка сидїе́ла,
Гў́брькію я́гатку кали́нку клева́ла,
А мали́нкай заку́сывала.
Прилета́ли к салў́о́вушки ды два́ со́кала,
Зва́ли—бра́ли салў́о́вушку с сабў́о́й,
Пасади́ли салў́о́вушку ва ну́о́ваю кл'е́тку,
Заставля́ли салў́о́вушку пїе́синку пїе́ть.
Васпў́о́й, васпў́о́й, салў́о́вушка, васпў́о́й маладо́й,
Как за рїе́чкей за бы́страй слабў́о́тка ста́ить,
Ва э́тай ва слабў́о́тки удў́о́вушка живе́ть,
У э́тай у ўдо́вушки ды до́чкя хараша́;
За э́ту за до́чкю сва́тался купе́ц.

№ 80. *Стар. Дубовое.*

За рі́ечкею аго́нь гари́ть,
За быстру́бою жа́р, жа́р,
Маево́ дру́жка́ жа́ль, жа́ль.
Сказа́ли пра милу́ова
Нещ́астья бальшу́бя.
У зали́еза закава́ли,
У салда́ты адда́ли,
Х палку́ придяли́ли
Ружьём падари́ли.

Свадебныя пѣсни.

№ 81. *с. Верх. Ломовецъ.*

Я́бланка садў о́вая, гру́ша зелена́я,
Пад э́тай пад гру́шей Лизавіе́га стаяла
С э́тай я́бланки кару́ залату́я снима́ла,
Кару́ залату́я снима́ла, платки́ вышива́ла,
Э́тими платка́ми сваёво́ дружка́ дари́ла.
Ой, Ива́нушка—ла́душка, прими́ мои́ да́ры;
Маи́ да́ры дарагіи — платки́ вышивны́и.

№ 82. *с В Ломовецъ.*

Па сіе́ничкям Лизавіе́тушка хади́ла,
Па ну́бвиньким Васильевна гуля́ла,
Ис карма́ника арі́е́шики шшалка́ла,
У ако́нушка шалу́шики брася́ла,
У Васи́льевы ку́дри папада́ла.
Васи́льюшка аглянулси,
На Лизавіе́тушку пабрани́лси.
Атшучу́ я табі́е́ шу́тки,
Атс·мяю́ насмі́е́шки
За кале́наи тваи́ арі́е́шки.

Пазабу́дишь, Васи́льюшка, н'ювaспу́бмнишь
За сваи́м ча́стым цалава́ньям,
За сваи́м ча́стым милава́ньям.
Ху́бшь цалу́ю, ху́бшь милу́ю не забу́ду,
Пригату́бвлю плётачкю шалкаву́я,
Ап сями́ нахву́бстничкяв лентаву́я.
Уж я бу́ду би́ть жану́ маладу́я,
Не чужу́я, а сваю́ векаву́я.
Пазабу́ть, пазабу́ть, Лизавїе́тушка,
Пра сваю́ стару́бнушку,
Пра сваю́ стару́бнушку
Пра дїе́вичью ву́блюшку.

№ 83. *с. Верх. Ломовецъ.*

Лизавїе́тушка была́ у ба́тюшки
Дарага́я была́ гу́бстьюшка—
Залата́я метёлачкя.
Вы́мела вису́бк те́рям
Ис кута́[1]) да пе́рида.
Вы́метши вису́бк те́рям,
Сама́ за сту́бл сїе́ла,
За стало́м ваздахну́ла;
Ваздахну́ла, — васплакну́ла:
«Уж вы, дїе́вушки — падру́жки!
«Ка́жа мнїе младо́й бы́ть,
«Ка́к мнїе́ ва чужы́и лю́ди ити́ть?
«Как мнїе́ свёкара зва́ть,
«Ка́к свекро́вью велича́ть!»
При лю́дях «ба́тюшка» и «ма́тушка»,
А без людей «свёкар» ды «свекро́вья».

№ 84. *Б. Поляна.*

У́мная до́чкя была́ Лизавїе́та
Испрашла́ го́рад зарю́бю,

1) Т. е. изъ задняго угла до передняго.

Залила́сь сама́ слязу́бю.
«Уж вы́, дїе́вушки-падру́жки,
«Ва́м ничево́ не на́да,
«На дїе́вичьям ве́чиру,
«Ничево́ не на́да, ни до́нца, ни гре́беня [1]),
«Ту́бълькя на́да дїе́вушкам
«Мы́лица — бяли́лица
«Ды свїе́тлага зе́ркальца».

№ 85. с. *Ст. Дубовое.*

Ива́нушка жану́ привади́л,
Он ни пи́вам, ни вино́м,
Сваи́м се́рцам-живато́м.
Мая́ жана́ ба́рыня,
Настая́шшая суда́рыня,
Чернабро́ва хараша́,
Ради́, жана́, три сы́на:
Пе́рвава сы́на — па́харя,
А втару́бва — сталаря́,
А тре́тьива — пи́саря,
А до́чкю — ше́лкам шить.

№ 86. с. *Меланьино.*

Сва́шунькя, сва́шунькя,
Бїе́лая, румёная!
Йгдїе́, сва́ха, бяли́лася,
Игдїе́ руме́нилася?
Їе́хала я на чи́сту по́ля,
Срыва́ла тветбчкяв мнубга,
Э́тими ды тветбчкями
Я бяли́лась и руме́нилася.

---

1) Принадлежности пряхи.

Духовные стихи.

№ 87. *с. В. Ломовецъ.*

Савѣ́ет жиды́ савѣета́ли
Паймáть Христá хитрастя́ми.
О́н нáм закýо́н приставля́я,
Царе́м себе величáя.
Мы́ ни'мѣ́ели царя,
Крамя́ Кéсаря.
Пашéл Юда х жидáм на со́ймишшу *(сонмище)*.
Сабира́лись жиды́ би́ти,
Сýса Христá умяртви́ти.
Ани ямý ат'вечáли
Три́тцать сре́брин'кав давáли.
У Юды глазá разгарѣ́е́лись,
У Юды се́рца распали́лась.
Не знáл Юда, што дѣ́елати.
Дѣ́елай, Юда, што дѣ́елаишь.
За три́тцать сре́брин'кав
Придáл и́м Христá.
Избѣ́ех Юда Цáрствію Бо́жью.

№ 88. (Тимоха).

Васпýо́мни, васпýо́мни с'ме́ртнай час,
Васпýо́мни, трýбнай глáс,
Васпýо́мни, не забýть и ямскýю мýку [1]).
Сы Го́спадам Бо́гам вѣ́ечнаю разлýку.
Буть гатýо́вьси знáть,
Што́ астáвим свѣ́ет,
По́зван бýдишь на ат'вѣ́ет.
Тѣ́ела мая́ т'ле́нная,
А душá мая́ бис'сме́ртная!
Пакажи́сь: спакáюся,

1) Т. е. яму могильную.

Пла́чь: смиря́юся,
Ат гряхў6в вїе́чных удаля́юся.
Вре́мя жи́сти напра́сна не теря́й.
Кў6лькя жи́ть ня бу́дишь,
С·ме́ртнай касы́ ни исбу́дишь,
И стра́шнава суда́ ни мину́ишь.
Без· ева́нгальских заслу́х ня бу́дишь Бо́гу дру́х.
Имїе́ю я свў6́й гро́п ва глаза́х,
Ста́ну я гў6́ркя пла́кати и рыда́ти.
Тваре́ц ты мў6́й Пакрави́тель!
Ты на штў6́ мене́ на свїе́т сазда́л?
Я ва пярвы́х страка́х Бо́га ваз·люби́л,
Патў6́м у ва мнїе́ стра́х Бо́жай бы́л.
Ста́л на мене́ вра́х напада́ть,
Са всїе́х старў6́н нача́л сїе́ти накина́ть.
Придста́л мене́ из ра́ю выганя́ть.
У раю́ твяты́ твяту́ть,
А у саду́ пта́шки пяю́ть;
Пяю́ть ани́ стихи́ харуи́мскаи,
А ишшо́-ли серахви́мскаи:
Алилу́и, алилу́и, сла́ва тебе́ Бо́жи на́ш!

№ 89. (Захаръ).

Перяйди́, перяйди́ о́гнинну рїе́ку,
Через о́гнинну рїе́ку да прикра́сну ра́ю.
У на́с бы́ли су́дьи сё непра́виднаи.
Ани́ мнў6́га, ани́ мнў6́га пра́вага
Сё станави́ли винава́тым,
А винава́тава станави́ли пра́вым.
Ани́ бра́ли де́ньги бещётнаи,
Ани́ кла́ли и́х у сыру́ зе́млю
У ни́х бу́дя кишїе́ть черва́ нитле́нная.
За и́х вяли́кая пригише́нія,

За и́х вяли́кая беззакўо́нія.
Ва сла́ву табїе́ Христе́ Бо́жи на́ш!

№ 90. (Тимоха)

Пашо́л на́ш Ла́зарь ўдо́ль па сялу́,
Пришо́л на́ш Ла́зарь к бра́ту сваяму́.
«Бра́т ты, мўо́й бра́тяц, бра́т ты мўо́й радно́й,
«Бра́тяц мўо́й радно́й и миласливо́й»!
И сказа́л яму́ бра́тяц:
«Таки́х у мене́ бра́тьяв у раду́ не былўо́.
«Е́сть у мене́ бра́тья купцы́ да баяря,
«Честно́й и хвально́й имяни́тай,
«А таки́х у мене́ бра́тьяв у раду́ не былўо́.
«Ты ступа́й, убўо́гай, далўо́й сы двара́,
«А то я тебе́, убўо́гай, пса́ми затравлю́,
«Пса́ми затравлю́, пса́ми лю́тыми!»
И пашо́л убўо́гай далўо́й сы двара́.
«Го́спади Бо́же Бо́х миласливо́й!
«Вы́слухай, Го́спади, мали́тву маю́,
«Сашли́ мнїе́, Го́спади, лихи́х агале́й [1]),
«Лихи́х и нясми́рных и нями́ласливых,
«Растерза́йтя маю́ ду́шу скро́зь ре́бра маи́,
«Скро́зь ре́бра маи́ залїе́зным крюко́м»!
Услыха́л Гаспўо́ть мали́тву его́.
И сасла́л яму́ Гаспўо́ть ти́хих ангале́й
И тихи́х и сми́рных и ми́ласливых.
«Вы́ньтя его́ ду́шу и часнўо́ и харашўо́,
«Пасади́тя его́ ду́шачкю на пелёнушку,
«Адда́йтя его́ ду́шичкю к Авраа́мію у ра́й,
«Ка святўо́му Авраа́мію, к'атцу́ пра́виднаму»!
Па застўо́лью псы́ ха́живали,
Мїе́лки кўо́шички саби́рывали,

1) У насъ въ простонародьи слово *а́нал* — означаетъ злой духъ, а *а́нгаль* — добрый духъ, ангелъ.

Убўо́гава Ла́заря пи́тывали,
Бальны́и ра́ны яму́ зали́зывали.
Паїе́хал бага́тай тарги́ таргава́ть,
Тарги́ таргава́ть, бальшїи де́ньги нажива́ть
Нашла́ ту́ча, ту́ча гро́зная
Са сильны́м дажжо́м, са буйны́м вятро́м,
Падняла́ бага́тава вяльмўо́ висакўо́,
Пріуда́рила бага́тава ап сыру́ зе́млю.
«Го́спади Бо́же, Бо́х миласливо́й!
«Сашли́ мнїе́, Го́спади с небе́с тихи́х ангале́й
«И тихи́х и сми́рных и ми́ласливых;
«Вы́ньтя маю́ ду́шичкю и часнўо́ и харащўо́,
«Пасади́тя маю́ ду́шичкю на пеле́начкю,
«Адда́йтя маю́ ду́шичкю ка святўо́му Авраа́мію,
«Ка святўо́му Авраа́мію, к атцу́ пра́виднаму»!
Услыха́л Гаспўо́ть мали́тву его́ несправядли́ваю,
И сасла́л яму́ Гаспўо́ть лихи́х агале́й
И лихи́х и нясми́рных и нями́ласливых.
«Хўо́шь ду́шу его́ вына́йтя, но к дья́валу ста́ршаму ее́
аддава́йтя».
И васкли́кнул бага́тай гро́мким го́ласам:
«Брат ты мўо́й бра́тяц, бра́т ты мўо́й радно́й,
«Бра́тяц мўо́й радно́й и миласливо́й,
«Абмачи́ ва си́нюю мо́рю два́ перста́
«И прапита́й маи́ уста́.
«Маи́ уста́ спякли́ся, кро́вью налили́ся»!
Атвіе́тил яму́ бра́т, бра́т яму́ убўо́гай:
«Бра́т ты мўо́й бра́тяц, бра́т ты мўо́й радно́й!
«Вўо́ля не мая́, вўо́ля Бо́гова».

Конецъ.

Записалъ: *Владимиръ Тростянскій.*

Краткое послѣсловіе.

Здѣсь записаны пѣсни и духовные стихи, по возможности, съ тщательной точностью оттѣнковъ и пріемовъ мѣстнаго говора. Поэтому, если гдѣ наблюдается нѣкоторая грамматическая или смысловая несообразность, — то это обстоятельство надо всецѣло отнести на долю особенностей мѣстнаго нарѣчія и мѣстныхъ пѣвческихъ пріемовъ.

В. Т.

Образецъ говора Орловскаго и Котельническаго уѣздовъ Вятской губерніи.

Приводимый ниже текстъ воспроизводитъ рукопись Имп. Русскаго Геогр. Общества (X, 51), относящуюся къ пятидесятымъ годамъ XIX столѣтія. Кто авторъ великолѣпной по своей точности записи, неизвѣстно. Обращаю особенное вниманіе на различеніе *о* и *ô* въ слогахъ ударяемыхъ: *ô* является при тѣхъ самыхъ условіяхъ, что въ вышеприведенныхъ записяхъ В. И. Тростянскаго, а также въ сообщеніяхъ О. Брока изъ Тотемскаго уѣзда, В. Мансикки изъ Грязовецкаго и др.

А. Ш.

Зимнее утро въ крестьянской избѣ.

Во время святокъ, рано утромъ топилась печь въ крестьянской избѣ. Старуха тщательно поправляла кочергой горящія дрова. Впередѝ, подлѣ стола стоялъ большой деревянный свѣтецъ съ зажженною лучиной. Крестьянка, лѣтъ по́дъ сорокъ, сидя подлѣ свѣтца̀, за прясницей, прилежно работала веретномъ, и частовременно мѣняла въ свѣтцѣ лучину. Въ заднемъ углу, возлѣ дверей, стояла, у лахани съ соломою, корова, подлѣ которой лежалъ, только что родившійся, телёнокъ.

Старуха, поправляя дрова въ печкѣ, ворчала непрестанно. «У мене инò, нивѣсъ, и серчё надчѣлось! Штё это дѣётчя? Ли́ко,

---

Замѣч. Большая часть крестьянъ Орловскаго и Котельническаго уѣздовъ, Вят. Губ., букву *о* выговариваютъ не иначе, какъ сливая оную съ буквою *у*.

чечвёры су́точки прошли, а наши ошшо̀ не бывали! За ку̂ой грѣхъ лю́чки лѣ въ дору̂огѣ-то?... Ну, Богъ съ тобой, уголёкъ, премёхонько въ ру̂ожу!... Видно се́дни ужъ приѣдутъ: угольё-то не лгутъ веть не коля̀! Да и сору̂ока-та вечо́ръ ма́лошно лѣ шшокота́ла у окошка: такъ гостей и насказывала!... Прине́сь ихъ Осподи!... Нивѣ́съ! алѝ супостата-то не видишъ?

А взапра́вду, Матушъ, я и не видала, колды̀ онъ окаянной отъ лучины отскочилъ, да и воткнулса притѝ мене премёхонько! Это безпримѣнно хомечиха будѝ: у ее̇ веть въ шара́хъ-ту я стою̀!... Ну, слава Богу! есь ворогъ, да не мнѣ! Ли́ко, матушъ, уголёкъ-отъ кле́пился ко мнѣ, а зо́лу отнеслу̂о пру̂очь!

Ну, слава Ти Осподи! нашо мѣсто свято! И старушка пошла на печь. Замѣтивъ же на полатяхъ лежащею меньшую сноху, старуха къ ней обратила рѣчь свою. Нивѣ́съ! пора ужо ставать! Ли́ко большуха-та давнымъ давну̂о состала, да и за пресничёй! Ой, нивѣ́съ, нивѣ́съ! колды ты и съ умомъ ту соберёшша? Наштё и послѣ́днё-і͡отъ ду́басъ съ те свалитчя! Ну, пу́тно лѣ до экой поры дры́хнуть?

Ой, ма́тушъ! вскричала молодая крестьянка, вскочивъ съ постели, я веть давну̂о ужъ пробудилась, да такъ ву̂отъ всё вале́юсь: деньши́на-та седдни не моя, дакъ ці͡ову̂о жо дѣлать-ту?

Да хоть бы пряла!

Предѝ пожалуй: нѣтъ ума-ту! Куля́шъ придётъ, умчи́тъ жо. Ну, садится лѣ хто светьёмъ за пре́сничу?

Эхъ, нивѣсъ, нивѣсъ! Ладно ба́чятъ: молодо́-іо̂тъ умъ не крѣпокъ! Ну, гдѣ жо видано, штё бы ходи́ли кулешѝ по утрами? Не предѝ ту̂олько све́чора! тожноля̀, не дивѝ, попредёшъ и на кулеша̀. А коля пѣтухъ пропѣлъ: какіё жо дурныё кулешѝ: всѣ зги́бли, да пропали; нашо ми́сто свято!

А я ли́кося наця́ла, не колды̀ светьемъ-ту не преду́тъ! Ну дакъ состать жо будици, да попре́сти.

То-то глупенькая!... Ну ву̂отъ видно и приѣхали! Чушъ ли ты, нивѣ́съ! не ка́къ вору̂отамъ хто то хло́пнулъ?... Ой, серде́шныё заколѣли на́штё?... Засвитѝ, нивѣ́съ, пона́рь, да уне́сь къ имя̀.

Старшая сноха, зажегши фонарь, пошла съ нимъ на крыльцо встрѣчать пріѣзжихъ.

Ну слава Богу! пріѣхали. Штё это Ондрѣй! Шибко долго и́здили?

Недосугъ топе́речи каля́кать. Въ избѣ ужо языкъ-отъ пріоттаётъ: шля́е будётъ балентре́сить-ту.

Крестьянка, оставивъ на крыльцѣ фонарь, ушла въ избу.

Ну, Богъ съ намъ! говорила она, войдя въ избу. Экъ но́нче куржевины-то! Нельзя веть не заштё задѣть: такъ те и засы́плётъ! Отку́оля и берётчя веть она?

Эхъ, нивѣсь, нивѣсь! отвѣчала ей свекровка, чѣмъ дивоватьчя на куржевину ту: ты бы лучше крестилась, да молилась, штё далъ её Оспу́одь светьемъ-ту. Не хто, какъ Богъ, на пру́окъ инда́ и не поѣдутъ робята-та за хлѣбчёмъ-то въ Кукарку. Э́вто веть первая примѣта, ежеле, особлево светьёмъ, стоитъ вёдро, и сѣнокуосъ будётъ ведро (а рожъ та зрѣётъ сѣнокуосомъ); а е́желе светьемъ кма живётъ куржевины: хлѣбечъ будётъ ба́сокъ, умолу́отёнъ. Не хто, какъ Богъ, инда́ и насъ блаславитъ Оспу́одь!

Между тѣмъ пріѣхавшіе, разнуздавъ лошадей, пришли въ избу и, помолясь на иконъ, поднялись на печку. Раздѣвшись, они расположились было соснуть, какъ вдругъ вошелъ въ избу старичёкъ-сосѣдъ.

Здору́ово, Ондрѣй! каковуо Богъ сносилъ? все лѣ по добру, по здору́ову?

Чёвуо, Дедя милой, не бай ужъ лучше! И́здили, да чуть голову не прои́здили.

А штё таку́оё съ вамъ доспѣлось?

Да чуть волки не пошуха́ли. Набѣжала чѣла арда́; да ку́о́нямъ-ту подъ губу. Мы съ братико́мъ, да Кирюха съ казако́мъ хватили по стегу́, да и давай катать по имя́: да не тутъ-то было. Онѣ остервились пушше прежнова, да и на насъ. Дѣлать нечёво: мы стали по свину́ому: спи́на-то, знашъ, вмѣсто, а па́лкамъ вру́озъ, да такъ и отбивались отъ ихъ чуть не съ полу́повода. Ушли жо окаянные: провалъ бы ихъ взелъ.

Эка при́тка, подумашъ: оказія веть! Ну, да Богъ спасъ хотя: животину-ту не пошуха́ли! А ку̂бвадни у Самы въ очю̀ веть жеребчя то розде́рнули: лишшо̀ клочьё полетѣло! Да кма ихъ и было тожноля̀: баютъ волку̂овъ за десеть.

Эка, парень! сказалъ, всплеснувъ руками братъ Андреевъ. Да отку̂оль и взелись онѣ нонче? Досель слыхомъ было не слыхать, штё бы такимъ арда̀мъ шатались!

Зна́мо дѣло отку̂оль! отвѣчалъ старикъ. Нечиста сила погнала ихъ къ сибѣ на́ гости!

А про какой случа̀й онѣ пона́добились нечистой силѣ? Ра́зно въ аду-ту безъ ихъ тошно?

Тошно, не тошно, да оголодаютъ окаянныё, дакъ и примутчя не то̀ за волку̂овъ, не то за пу̂отокъ, да и погу̂онятъ ихъ къ сибѣ матёрымъ табуна̀мъ. А волки, вѣстимо дѣло, попадутчя алѐ въ тенёта, але въ капка̀нъ: ку̂ожу съ-име́тъ чаловѣкъ, а мясо-то, и не видашъ коля, умчи́тъ не чиста сила: на па́даль-ту она и па́дка!...

Ну, ву̂отъ и забале́сились! А я веть ву̂отъ за чѣмъ къ вамъ бу̂ольше: дай-ко-тё намъ взаймы съ чару́шку соли; у́трѣ жо, Богъ велитъ, куплю, дакъ и отдамъ. Мы веть не такіё люди: о̆тъ долгу не бѣ̆жны!

Ой, Ї̈вичь Осипа́нъ! мы бы съ удову̂ольствомъ обдолжи́ли те, отвѣчала старуха: да какъ быть сову̂одни далъ Оспу̂одь телёноцька мату́хонькѣ; дакъ самъ ты, умна голова, разсуди,— мо́шно лѣ намъ се́дни давать чёву̂о-не-на-есь изъ дому-ту? Хммъ!... отвѣчалъ старикъ. Ну, дакъ прошшенья пру̂осимъ; итти жо будучи дому̂ой; робята и́хати хотятъ по сѣ̆но, дакъ сурежа́ть ихъ. Прошшайко-тё!

И старикъ ушелъ; Андрей же съ братомъ улеглись на печкѣ.

Между тѣмъ, какъ они тамъ спали, жена Андрѣева начала кормить курицъ. Услыша куриный говоръ, старушка сошла съ печи посмотрѣть куръ.

Ой, нивѣ̆съ, нивѣ̆съ! обратясь она къ большой снохѣ, сказала: ма́лошно лѣ я брежжѣ̆ла тебѣ нонче;—не пушша̀й въ зиму

куретёну; ну вывела на своёмъ вѣку троихъ силкѝшокъ: и слава Богу! не ужáле тибѣ надо отъ её ошшо чипушокъ? Надъ пўоткой грáеть грѣхъ веть!

Въ осеняхъ-ту всё я помѣкáла жо замолѝть её, отвѣчала сноха: да ты штё-то захуртáла; а я ошшо не знаю обряду, какъ поступать съ куретёнамъ.

Мудрёной ужъ обрядъ! Ну, возми, замолѝ куретёну съ пѣтухомъ отъ её, отнеси къ церквѣ: тамъ пўопъ молитву сотворитъ надъ пўоткамъ, справитъ тѣ молéбство Мѵронўосичамъ; а ты пѣтушка оставь свешеникамъ, куретёну-ту сибѣ; домўой приди, собери старушокъ со всёвўо селенья, да запрись съ имя̀ въ избѣ и съѣшъ куретёну, во славу Божею, а мужикамъ-ту не давай; свари пивчя гла ихъ про тўотъ случай, дакъ онѣ и дўльтё! Колды̀ жо куретёну съ-ѣшъ: кўосточёкъ, мотрѝ, не бросай, а отнѣсь ихъ во поскўотину, да и спрѣчь чеснéнько въ мать-сырў землю̀. Такъ станёшъ соблюдать, дакъ и Оспўодь давать тѣ станѣтъ кáжно лѣто чипўшокъ. Я изжила̀ вўотъ, бладаря Оспода, вѣкъ свўой, а не колды̀ не живала по лѣтами безъ силюшокъ; за то и куретёнъ завсёлды̀ прятала чеснёхонько!

Ильинъ день въ 1847-мъ году.

Православные мужички, благоговѣя къ Пророку Божію Иліѣ, непремѣннымъ долгомъ для себя поставляютъ быть у обѣдни въ день памяти сего славнаго Пророка и помолиться ему. Въ эту пору, по окончаніи Божественной Литургіи, старичёкъ-крестьянинъ, выйдя изъ Церкви, спокойно расположился съ простымъ, деревенскимъ обѣдомъ, на мягкой травѣ, въ оградѣ Сельской Церкви. Съ тѣ[м] же намѣреніемъ помѣстились возлѣ него трое молодыхъ землепашцевъ. Кончивъ на скоро обѣдъ, крестьяне завели разговоръ между собою. «А штё, Потàнь, взелъ лы ты гла сѝменъ бласлáвленной ржи? спросилъ одинъ молодой другаго.

Вѣсти́мо взелъ. Ба́чко приказалъ принесть её безприме́нно. А взапра́ву, дѣ́душко Тереньтьевичь, ты колды́ зачнёшъ си́еть зимову́ю? продолжалъ отвѣчавшій, обратясь къ старику.

Коля́ Богъ велитъ.

А до Спаса дни зачнёшъ?

Кака́я жо пришла́ зачинать до Спаса дни? Старики досе́ль бачили: дока́ле не схо́дитъ на воду Спасъ со крестомъ да съ Богору́одичёй, не прима́йтесь си́еть: и сивъ будетъ не въ сивъ. Зна́мо дѣ́ло, примолвилъ онъ, и си́мена сгорятъ въ землѣ́, коля́ не спрыснутъ её матушку свято́й водичой, а въ водѣ́ не покупаютъ креста Оспо́одня.

Штё и ба́чить! сказалъ третій молодой крестьянинъ. А штё Дидушко, я спроша́ю те (ты знашъ веть подногу́одну всю) коковъ-то будётъ нонче сви́жой ржичёй си́еть? Знашъ ты старыхъ си́менъ нѣ́ту-та у насъ: дакъ свижими-то нонче слѣ́тьё лѣ́ си́еть?

Оспо́дь про то вѣ́даётъ, голубчикъ! Одна́къ старики узнавали эвто прежъ по Ильину дню. Ильинъ день коля́ случе́лся на молоду́, си́ели они молоду́ой рожью; а коля́ на умётѣ, старой засива́ли. Старики досе́ль такъ всё поступали, да Бога напоминали: дакъ и были отъ Оспода довольны: лишшо́ сусѣ́ки стонали! А нонче, вишъ, пришлу́о каку́ое: молодёжъ Бога не напо́мнитъ, старику́овъ не слушатъ, дакъ и сидитъ вчастову́ю безъ краю́хи: да по дѣло́мъ вору и му́ка!

А но́нче како́й бешти́ ми́сечъ-отъ: старой, але́ молодой?

Старой но́нче, старой.

По знака́мъ сви́жа-та рожъ но́нче не ши́бко баска́ будётъ гла́ си́менъ?

Ну, да Богъ вѣсь про эвто!

Да штё ужъ будётъ! старой ржи́чи нѣ́ту, по не-вуолѣ́ свижой станёшъ си́еть.

Штё Богъ дасъ, то и мя́коньки!

Вѣсти́мо! сказалъ Патапъ. А вѣ́домо, къ слову да къ ре́чѣ топе́ре, Дидушко, продолжалъ онъ, — скажъ-ко намъ почёмъ ты эвто узнаёшъ—колды́ каку́оё будётъ лѣ́то? Лико ты веснусь ба-

чилъ намъ: не красно̀ будётъ нонче ли́то. Ну такъ и есь! Ли́ко, по самъ Ильинъ день вёдреча не бывало! Эко диво! А коля̀ какая жара̀ стоитъ объ эвту пору: такъ варо̀мъ те и вари́тъ! А колды̀ опеть баёшъ по веснàмъ: кра́сно будётъ нонче лѣто. Такъ и бываётъ завсёлда̀. Скажъ-ко намъ,—по чему ты эвто примѣчеёшъ, дакъ и мы знать станёмъ.

Покма̀ станёшъ знать, скоро состаришша, отвѣчалъ смѣясь старикъ. Однакъ послушайтё пожалуй: скажу я вамъ и про эвту примѣту. На штё веть старики, штёбы калякать. Я слыхалъ отъ старыхъ людей, штё весной ежеле изъ муравишшовъ пере́жъ красные муровьи выхо̂дятъ,—будётъ лѣто красноё, а коля чорныё пере́жъ,—лѣто будётъ чорноё, замо̂чливо. Я весной эвто замечею,—перѐжъ и узнаю̀ коля̀ како̂ё будётъ лѣто.

Во̂отъ штё! сказалъ, кивнувъ головой Патапъ. Эка, парень! подумашъ, какіё досель были мудрёныё старики-ти: всё веть замѣчели! А тибѣ, Дидушко, матёроё спасибо, штё ты насъ умуразуму научаёшъ!

Ну, закалякалса сово̂дни старикъ гла празника Оспо̂дня, сказалъ крестясь Терентьичь. Пора жо робята и домо̂й, примолвилъ онъ, поднимаясь на ноги. А, да и ты нонче къ церквѣ пришолъ?! продолжалъ онъ, обратясь къ подошедшему молодому крестьянину: розуда́ла голова!... А досе́ль слыхо́мъ было не слыхать, штё бы Ванька въ церкву загленулъ!

Да какъ, Дидушко, я веть праслáвной жо хресьéнинъ, и пить, ись пожалáю. А коля̀ не помо̂олишша Ильѣ Проро̂оку, дакъ онъ пожалуй и дожжика не дасъ на мо̂ой пай въ полѣ.

Такъ, такъ Ванюха! надо, надо молитьча Проро̂оку! Онъ веть по лѣтамъ на огненной колесничѣ по небу издитъ! При сихъ словахъ старикъ и молодые крестьяне, снявъ шляпы перекрестились. За тѣмъ всѣ пятеро вышли изъ церковной ограды и, помолясь на храмъ Божій, отправились во своя-си.

Для лучшаго пониманія напечатаннаго текста, прилагаю объясненіе нѣкоторыхъ словъ. Руководствовался я словарями Васнецова, Верещагина, а главнымъ образомъ устными разъясненіями и письменнымъ сообщеніемъ Д. К. Зеленина, которому приношу искреннюю свою благодарность.

А. Ш.

балентресить — болтать.
басокъ — хорошъ.
бачить — сказывать, разсказывать.
бешти — ты говоришь, ты думаешь (ср. бишь вм. баишь).
брежжэть — ворчать.
будици, будичи — буде, въ такомъ случаѣ (въ текстѣ и: будучи).
гла — для.
граéть (граять) — играть, издѣваться.
дрыхнуть — спать.
дубасъ — сарафанъ изъ грубаго сипяго холста.
дулить — пить.
забалеситься — заговориться.
заколя́ть — промерзнуть, озябнуть.
замолить — зарѣзать.
захуртать — захворать, заболѣть.
казакъ — работникъ.
клéпился — клонился.
кма — много (т. е. тьма, ср. покма).
куляшъ — чертенокъ.
куретёна — курица, высидѣвшая три семьи цыплятъ.
куржевина — иней на деревьяхъ, стѣнахъ, окнахъ и т. п.
лико — смотри-ка.
лишшо́ — даже.
лю́чки — ладно, хорошо.
малошно лъ (?) — мало что ли?
матуха — корова.
мяконькой — коровай хлѣба.
на пру́окъ — въ будущемъ году.
нацяла — думала, полагала.
не диви — не удивляйся.
покма — много (ср. кма).
помъкать — намѣреваться, собираться.
поскотина — скотскій выгонъ.
пошухать — повредить.
преснича — прялка (прясница).
прити́ мене — противъ меня.
пу́отка — птица.
путно — хорошо, полезно.
разно (?) — развѣ, неужели?
светьё — святки.
силю́шки — цыплята.
слы́тьё — счастливый годъ, удача, къ урожаю.

спречь въ землю—захорони, заложи.
стягъ—колъ.
тожноля́—тогда, въ такомъ случаѣ.
умѣтъ мѣсяца—ущербъ.
Хомечиха—жена Хомяка (т. е. мужика съ кличкою «Хомякъ»= = домосѣдъ).
чарушка—деревянная чашка.
чипушки—цыплята.
шары—глаза.
шляе—удобнѣе, лучше (ср. дошлый, по-шлый).

Образцы говора села Лѣки Егорьевскаго уѣзда Рязанской губерніи.

Помѣщенные ниже образцы по возможности точно передаютъ записи, сдѣланныя по моей просьбѣ мѣстнымъ крестьяниномъ Иваномъ Степановичемъ Гришкинымъ.

И. С. Гришкинъ старался передать различные оттѣнки своей рѣчи, не находящіе себѣ соотвѣтствія въ обычномъ письмѣ. Для этого онъ употреблялъ разные сложные знаки. Звукъ *о*, произносящійся особенно лабіализованно, онъ передавалъ послѣдовательно буквой *о* съ надписаннымъ надъ ней *у*—въ печати это передано мною буквой *о̊*. Этотъ звукъ извѣстенъ почти исключительно въ положеніи подъ удареніемъ; въ неначальныхъ слогахъ онъ замѣняетъ всюду исконное *о;* въ начальныхъ слогахъ на мѣстѣ исконнаго *о* подъ старымъ нисходящимъ удареніемъ (опредѣляемымъ изъ сербско-хорватскаго и словенскаго языковъ) является *о;* а на мѣстѣ исконнаго *о* подъ старымъ восходящимъ удареніемъ *о̊*. Звуки неполнаго образованія въ слогахъ неударяемыхъ И. С. Гришкинъ передавалъ обычно буквой *а* съ надписанною надъ нею буквой *ы* или *э:* я передаю это въ слогахъ неударяемыхъ курсивными *ы* и *э*. Надъ *г* у И. С. Гришкина стоитъ обычно *х* со знакомъ минуса передъ нимъ: это обозначаетъ взрывное, не фрикативное произношеніе *г;* я опускаю надстрочное *х*. Замѣчу еще, что *ѣ* въ записяхъ Гришкина обозначаетъ

другой звукъ, чѣмъ *е* — это звукъ средній между *е* и *и* (почти только подъ удареніемъ). См. мое описаніе Лѣкинскаго говора въ Изв. Отд. р. яз. и слов. за 1913 годъ, кн. 4-я.

Свадьба въ Ялмо̂ти.

Задумали нашива Андрюху женить. Невѣста на примѣти есть, и денякъ падыскали. «Што жа», гваритъ дядя Павилъ женѣ, «ступай сватать, у Рамана Михайлыва дѣфка харо̂шыя, Санькя-та». «Такъ-та нелофка, пряма само̂й-та, нада бы каво̂ паслать». «Ну, во̂т ти нелофка, пайдёмъ оба». Адѣлись и маршъ, а наперётъ а сѣбѣ дали знать, «що дискать мы придёмъ, гато̂фтись». Итить была ни далёка, толькя пэрись 3 двара. Дѣла была вецырамъ, но варо̂ты были ища не за́пирты. А пасему аны зашли слабо̂дна. Пэмалились Богу, пэкланились хазяивамъ и сѣли пэдъ балку. (Сидѣть сватамъ или свахамъ обязательно почему-то нужно подъ балкой). Сидятъ всѣ, малцатъ, Бо-знать, с цаво̂ нацинать. «Вы що, Раманъ Михалыцъ», гываритъ жена дяди Павла, «будити Санькю атдавать ноня, али нѣтъ, мы к вамъ сватыцыть пришли за Андрюху, пака сами ти па здаро̂ву, думымъ женить». «Харо̂шыя дѣла, женить ушъ нада, ему като̂рай годъ-та». «Дыть атъ призыва аташолъ ноня». «Вы бы ещо гдѣ пасватыли, у насъ дѣфка-та малада, хатѣли гадокъ пагадить и денжонакъ ноня малавата», гваритъ дядя Раманъ. «Э, Раманъ Михалыцъ, беда деньгю радитъ, Богъ дастъ, и до̂бры люди ни аставютъ». «Ну какъ, мать,— гледи, Андрѣй паринь харо̂шай. Какъ ты, Санькя,—пайдёшъ за Андрюху»? гваритъ дядя Раманъ. «Какъ хатити, батюшка», а сама краснѣя, апущаитъ глаза въ земь. Паслали за жинихомъ. Невѣсти и жиниху разрешаицыть вытить въ сѣни пэгэварить. Вышли, пэмалцали, патаму що нехто не знялъ цаво̂ баить, и маршъ в ызбу. Радитили ихъ спрасили, какъ аны пэлюбились, или нѣтъ друкъ другу. Женихъ и невѣста сказали: «ницаво̂». «Ну што жа, Раманъ Михалыцъ, давай ладицы, адёжу шей самъ, какую зна-

ишъ, а с насъ бери денякъ, скôлкя тамъ ушъ знаишъ», гъварить дядя Павилъ. «Ды скôлькя, 70 руб. дашъ, и ладна». «Нѣтъ, ты не 70; я тэргаватцыть ни люблю, ни нъı базари, а если хôшъ быть сватамъ, бери 50 и давай икону, и мались Богу», сказалъ дядя Павилъ. Раманъ падумалъ немнôга и гварить женѣ: «гледи, мать». «Ну що шъ, такъ и такъ», сказала мать. Всѣ нъıцынаютъ крестицыть. И скôлькя есть нарôду в ызбѣ, цалуютъ друкъ друга. Женихъ и невѣста цалуютъ икону, и нацинаицыть пригатавленья къ запôю. Принôсютъ вôтки, сзываютъ радню, жинихôву и невѣстину, апеть всѣ ушъ тута, мôлицутъ и садяцутъ за стôлъ. Въ другôй пэлавини или у сасѣда ставютъ стôлъ дѣфкамъ, падрушкамъ невѣсты, и такжа даютъ немнôга вôтки. Наливаютъ стаканы вôткой и даютъ сперва жиниху и невѣсти и прôсютъ ихъ пъıказать дарôгу гастямъ, и аны далжны выпить па всёй, какая бы ни была пасуда, атгъварицыть нельзя, аны кланицутъ и пьютъ. Посли ихъ нъıливаютъ абôимъ сватамъ и свахамъ; аны кланицутъ жиниху и невѣсти и друкъ другу и гварятъ: «ну, здрастывай, сватъ, дай Бохъ намъ, що задумали свершить», и пьютъ такъ жа па всёй. Када абнесутъ вôткай всѣхъ гастей, па разу, мать жиниха крестицыть и заигрывытъ пѣсню.

«Благаслави-ка Ты насъ, Госпади, пра Андрѣя сакалокъ играть».

Сыкалокъ у насъ Андрѣюшка (—подхватываютъ всѣ),
Онъ белôй лебить Павлавицъ.
Палетѣлъ сакôлъ въ цыстôя поля
Онъ ва цыстая, ширôкая.
Рызагналъ онъ либедей стаду,
Либедей стада ширôкая.
Онъ паймалъ сѣбѣ галубушку,
Сѣбѣ бѣлаю лебёдюшку, Лексанлру Раманывну.
Онъ взялъ йё за праваю руцу́
Онъ павёлъ йё ка суду Божью,
Атъ суда Божья къ сваму ко двару.

В эта время гости угащаицутъ, какъ имъ нужна, а нужна досыти. Посли этыва прихôдитъ сваха, мать невѣсти, з дарами, съ платенцами и нацынаитъ всёй раднѣ жинихôвой класть ихъ на плецы, па аднаму. Если хто жалая взять даръ, тôтъ кладётъ на тарѣлку, пакрытую платкомъ, скôлькя нибуть денякъ; а если ни желая, то гваритъ: «благадарстваю». Ва время раздаванья дарôвъ дѣвушки прôсютъ лошать у жинихôва ацца пакатацца, онъ разрешаитъ. Но! и заигрывыцыть пѣсня.

Не во пали, у насъ ва цыстôмъ поли,
Да ва цыстаимъ у насъ, ва ширôкаимъ.
Тутъ стаяли были, стаяли 3 вôлюшки (олхи),
Стаятъ 3 зелёныя.
Какъ на тѣхъ вальхяхъ у насъ сидятъ галыньки,
У насъ сидятъ цорныя.
Гдѣ не взвилси у насъ млатъ есёнъ сакôлъ,
Онъ атбилъ, атшипъ цорнаю галынькю,
Цорнаю сизаю.
А па ней галки всѣ аны вазгаркались,
Аны васкрицалися.
Па цыстôму полю аны вазлеталися,
Цорну галынькю аны вазыскалися.
Ушъ ты свѣтъ наша цорна галынькя,
Каму у насъ будя пиредомъ летать,
Пиредомъ летать, будя пути правити
Дôбраму молаццу, Андрѣю-та Павлыцу?

И другую:

У варôтъ, варôтъ, варôтъ у Раманавыхъ,
Тутъ стоялъ былъ нôфъ высôкъ терёмъ,
Нôфъ высôкъ терёмъ, са краснымъ акошицкамъ,
Са краснымъ хрустальнаимъ,
А ва терими стоятъ 3 скамеицки,
Стаятъ 3 дубôвыя.

А на тѣхъ скамьяхъ сидятъ дѣвушки,
Сидятъ красныя.
Аны шъютъ-берутъ всѣ аны разнымъ шолкамъ.
Александра шъётъ бѣлаю бумагаю.
Ана шить мала шъётъ, лишъ тôлькя указывытъ.
Аткуль не взился дôбрый мôладицъ (sic),
Добрый (sic) моладицъ, Андрѣй Павлавицъ.
Онъ ваздалъ дѣфкамъ ниской паклôнъ,
Александри душѣ цесть асôбиннаю.
—Бохъ помачъ вамъ, красныя дѣвушки.
—Спасиба тебѣ Адрѣй Павлавицъ.

Посли этай пѣсни дѣвушки ѣдутъ дамôй. Радня жениха хто мôжитъ пращаицыть, а иныхъ тащутъ и кладутъ въ сани, такъ и несутъ на сѣбѣ тѣ, катôрыя патрезвея.

Дядя Павилъ приглашаитъ дядю Рамана на утра къ сѣбѣ, са всёй раднёй, домъ гледѣть.

Гледѣть домъ, эта не есть гледѣть имѣнья, а проста идутъ папицыть виньца.

Пьютъ здорыва. И не цесть таму, хто уйдётъ з гледѣнья дома на сваихъ нагахъ. Угащаютъ вôткай, мёдамъ, салёными судаками, агурцами и капустай кацаннай, а если мисаѣтъ, то свининай.

Женихъ въ эта время стаитъ у стала и потцывытъ. Па этыму замѣцаютъ (sic) жениха, какôфъ ево умъ, то исть, если онъ мала потцывытъ, то з дурью, и наабарôтъ.

Вôтъ дядя Раманъ фстаётъ исъ стала и гваритъ: «ну, гости любищи, парá хазяину пакôй дать, будя, пагуляли, парá и на спакôй». И кôй какъ всѣ ухôдютъ пэ дамамъ.

Посли этыва нацынаютъ гатôвицыть оби стараны къ свадьби; варютъ пива съ хмелямъ, а невѣсти шъютъ адёжу. За нидѣлю да свадьбы нацынаютъ пецъ пираги, варютъ гавядину, студинь, щей наваривутъ бальшую кадушку. (Сватанья у насъ бываютъ—филиповки, а свадбы мясоѣдомъ).

Дня за три да свадьбы дядя Павилъ гваритъ женѣ: «ни пара́ ли намъ ѣхать съ кубышкай?» Съ кубышкай ѣхать, эта платить выватъ и гаварить а днѣ свадбы и весть съ сабою палъ штофъ вотки (sic), дискать нужна выпить са сватамъ.

Въ кануни свадьбы для жениха таварищи тôпютъ баню, а когда ана истопицыть (sic), идутъ за нимъ. Женихъ берётъ въ баню вôтки. Стаканъ вôтки выливаютъ на каминку для тавô, щобы ему была жить тепло (sis) и вéсела. Женихъ берётъ горьсть листефъ атъ виника, катôрымъ ево парютъ. Эти листя онъ зашъетъ себѣ въ падушку, для тавô щобы жена любила. Када выхôдютъ исъ бани, хто нибудь исъ сасѣдавъ садицыть на дарôгу и ни пущаитъ; ему за эта паднôсютъ вôтки, и онъ ухôдитъ. Въ эта время привôзютъ паповъ (sic); аны служутъ малебинъ и тут жа блаславляютъ жениха. Посли блаславленья паповъ (sic) угащаютъ, и аны уѣжжяютъ. Тутъ ушъ посли ихъ угащаицутъ ребяты на скору руку, патаму ща нада сабираццыть на вичеринку, блага радня пыдъѣжжаитъ (sic). Каждай пріѣхавшій здарôвыцытъ (sic) зъ жинихомъ и даритъ ему хлѣпъ и кусокъ бальшой мяса.

У невѣсты въ этатъ день тожа падрушки тôпютъ баню, такжа ведутъ невѣсту и льютъ на каминку вотку (sic), и беретъ ана листяфъ. Жаланья адны и тѣ жа, какъ у жениха. Када дѣвушки прихôдютъ изъ бани, аны садяцутъ на лафку и заигрывутъ пѣсню. (Невѣсту покрываютъ платенцамъ, и ана далжна плакать).

Пѣсня.

На гарѣ стаитъ ёлыцка,
Пыдъ гарой (sic) стаитъ светёлыцка.
Ва светёлыцки бесѣда сабрана,
Ва бесѣдушки Лександра сидѣла.
Прихадилъ за ней старшій братъ Егôръ.
«Ты уймись, душа Лександрушка, рыдать,
Нареченный твôй сиреди пути,
Должинъ я ему тебя пиредать».

За этай играютъ другую:

Шлô-прашлô соньца, да пазать лесôвъ,
Шла-прашла Лександра, да пазать сталôвъ.
Бросила клюцы на дубôвый сгôлъ.
«Я вамъ, батюшка, не клюшница,
А вамъ, матушка, ни ларешница,
А вамъ, браццы, я ни слуга вѣрна;
Буду клюшница чужу батюшки,
А ларешница чужôй матушки,
Слуга вѣрная я Андрѣѣва,
Слуга вѣрная бизатвѣтная».

На вичерину женихъ не пріѣжжаитъ. Пріѣжжаитъ атецъ, мать и фсѣ званыя. Када аны вхотютъ (sic) в ызбу, то дѣфки ушъ сидятъ съ ёлкай за тѣмъ сталомъ, за какой должны сѣсть атецъ и мать жениха, и играютъ пѣсню. Невѣсты нѣтъ съ ними.

На кôмъ кудри, на кôмъ русыя, расхарôшія?
На Андрѣюшки па плецамъ лежа,
Па плецамъ лежа, ровна жаръ гаря.
Нехто къ кудрямъ ни патступицы,
Нехто къ русыимъ ни падверницыть.
Патступалася красна дѣвица,
Красна дѣвица, душа Лександрушка.
Брала кудри на белы́ руки,
Начала кудри цасать гладити,
Цасать гладити, масламъ мазати.
Са Масквы купцы саежжалися,
На тѣ кудри дивавалися.
А хто жъ кудри васъ пародили?
Насъ пародила рôдна матушка,
Вспаилъ, скармилъ рôднай батюшка.
Завила кудри красна дѣвушка,
Красна дѣвушка, душа Лександрушка.

Посли этай пѣсни дядя Павилъ вынимаетъ мошну и даётъ имъ кôлькя та денякъ, и аны, шипка гремя, вылазютъ исъ стала и бегутъ въ гôрьницу, гдѣ ихъ, накрытая, дажидая невѣста. Мать жиниха даетъ имъ пирôкъ, всегда на палавину сырой, для таво щобы маладая была пасырей, то исть, патолши.

Невѣста сидитъ атдѣльна накрытыя и плацитъ, причитая:

Дарагой ты мôй батюшка,
И радная мая матушка,
Цѣмъ я у васъ, матушка, правинилася?
Аддаёти меня ва цужи люди ніизвѣсныя.
У васъ сабралси нарôтъ са цужихъ диревень
Мёжъ ними пѣтъ мнѣ знакôмыва.

Падрушки ее унимаютъ, и ана брасаитъ; безъ горя плакать-та скушна. Между тѣмъ пріѣжжіе рассаживыцутъ за сталы, и апять пашла выпифка. Дѣфки аставляютъ невѣсту и идутъ пра гастей пѣсни играть. Хатя жениха нѣту, но сперва играютъ пра нево:

Сакалокъ у насъ Андрѣюшка... и такъ далѣя.

Пратифъ дяди Павла ставютъ стаканъ съ пивамъ, и онъ должынъ туда палажить какую нибудь манѣту, сперва за жениха, а када будутъ играть пра нево, тада за себя. Посли пѣсни «Сакалокъ» нацынаютъ играть пра дядю Павла.

У насъ сватушка харôшая,
У насъ сватушка пригôжая,
Павла та Сергѣявицъ,
Ево умная галôвушка, шилкава ево барôдушка.
Брови цорны, развесёлыя глаза,
А гдѣ эта радилась красата?

Дядя Павилъ кладетъ фъ стаканъ петакъ и пыдаетъ дефкамъ (sic). А аны зыпѣваютъ (sic):

Спасиба тебѣ, сватушка,
Ны тваемъ цэснôмъ падарацки.

Стаканъ ставютъ притъ женой дяди Павла и играютъ:

У насъ свашинькя харо̂шая,
У насъ свашинькя пригожая, Пылагѣя Федрывна,
На марѣ сваха воду цэрпыла,
Бѣло сваха умывалася,
Пылатеницамъ утиралася,
Харашо̂ сваха сарежалася:
Платокъ на ней шолкывай,
Срафанъ на ней шолкывай.

Ана кладётъ манѣту и пыдаетъ, а дѣфки паютъ:

Спасиба тебѣ, Федрывна, ны тваемъ падарацки.

Затѣмъ играютъ, хто пытъ цыредомъ, такую жа пѣсню, какъ пра дядю Павла. Но если каму ана не любицыть, таму паютъ другую.

Сидитъ зъ дядя Павламъ свякъ ево, звать Иванъ, онъ и крёснай жинихи. Пра нево играютъ такую:

Па брашки стакашка набраживая,
Иванъ-атъ па беришку пахаживая,
Сваею женою нахваляицыть, ныхваляицыть:
Ай душка, женушка, Марьюшка,
Душа, маё серца, Акимывна,
При до̂брыхъ-ти людяфъ цэсть ды хвала,
При тёмнай-ти ноцы утѣха мая;
На руцку паложа, къ серцу жмѐ,
А другой абнимя, душицкай завё.

Иванъ кладётъ и падаётъ, а аны паютъ «Спасиба»...

И такъ пра всѣхъ. Если ф цыслѣ званыхъ есть ниженатай, пра нево играютъ слѣдующую, съ притопамъ и съ прихлопываньемъ въ ладоши.

А хто у насъ холастъ, а хто у насъ ни женатай?
Василя у насъ холастъ, Иванавицъ ни женатай.

Па гôринки Василь хôдя, въ зеркыла гледицы,
А онъ въ зеркыла гледицы, красатѣ сваей дивицы.
Какой я мальчикъ харôшай, какой я мальчикъ пригôжай.
За щô меня дѣфки любютъ, за щô красны пацытаютъ?
За нискія за паклôны, за пріятны разгавôры.

И онъ расплацывыцыть, ему паютъ спасиба. Када всѣхъ абыграютъ, пацынаютъ дарить, какъ и на запôи, а посли дарôфъ, хто ни видалъ невѣсту, идетъ пасматрѣть, за дарамъ ее ни паказывутъ, нада платить, и ее открываютъ. Патôмъ гастей угащаютъ ужинамъ исъ щей жаринай свинины, квасъ са студнямъ, каши грешнывай и наканецъ кладутъ бальшой хлѣпъ, ставютъ на нево стаканъ, а каждай изъ гастей ставитъ к нему сваю лошку. И фстаютъ благдарятъ хазяина и ѣдутъ или идутъ къ жиниху.

Здѣсь атецъ и мать, крёснай и крёсна жиниха блаславляютъ.

Затѣмъ кресна ведётъ жиниха за стôлъ и сама садицыть, па лѣваю ево руку, а па правыю садицыть креснай, патомъ (sic) 2 дяди, а па лѣваю 3 тётки. На протифъ жиниха на скамейки садяцутъ тутъ жа выбраныя друшки; старшаму и самаму лофкаму изъ нихъ вруцаицыть всё хазяйства, за сталомъ онъ должинъ паднасить вôтку и рѣзать мяса и следить за всѣми парятками. Эта дѣлыцыть для таво, щобы на зафтря каждай зналъ свае мѣста.

Ужинаютъ, и здѣсь велятъ ѣсть и жиниху, «ѣшъ Андрюха, а то зафтря ни дадутъ». (Въ день свадбы жиниху и невѣсти, а такжа абоимъ (sic) радителямъ и крёсни ѣсть и пить не палагаицыть, за то крёснаму жиниха палагаицыть пить 2 стакана какъ свой (sic), такъ и жиниховъ, и пацти пастаянна бываитъ, що краснава, всѣхъ перётъ, унесутъ спать). Посли ужна хазяинъ прôситъ гастей лажицыть спать, «а то зафтря есть дѣла».

Встаютъ рана, ахмеляицутъ и ѣдутъ катацыть (къ дугамъ привязывутъ калакольчики (sic) и паграмки) для таво, щобы павѣстить (sic) нарôтъ. Кресна въ эта время сарежаитъ жиниха. Фъ супаги ему сыпитъ изъ пот полу сваей (жиниховай, sic) избы песку, для таво щобы онъ, када женицыть, ни ушолъ атъ апца и

не бросилъ сваво дома. Папаясывутъ ево па гôламу тѣлу сѣтью, а фъ груть рубашки фтыкаитъ иголки для таво, щобы цары калдунôфъ ни падѣйствали. И дѣлытъ ему наставленья: «ва всѣхъ дверяфъ и праходафъ (sic) крестись, а такжа на паварôтафъ и перекрёсткафъ, невѣсту держи за руку крѣпка и гледи, шобы мёшъ васъ нихто ни прашолъ, а то плоха будити жить. Фъ церкву, када будити фхадить, старайси папасть перетъ ее, такжа станавпсь первымъ на пэдастлатаю халстину у налоя, щобы ни умереть перетъ её. А када пріѣдити атъ венцаня и ляжити спать. первымъ ни загаваривай, а то будишъ у жены весь вѣкъ фъ потцыненьи». Патôмъ надеваитъ на нево тулупъ, на лѣвая плецо кладетъ платенца, а канцы ево завязывытъ у правыва бока и гваритъ: «ну, княсь вынабрацнай, садись за стôлъ», а сама садицыть с нимъ рядамъ.

Пріѣхали и катôры катались, и всѣ садяцутъ за стôлъ, въ тôмъ парятки, ф какомъ (sic) сидѣли вецырамъ. Изба напалнивыцытъ бабами пастарôнними и падрôстками. Нацынаютъ абыгрывать сидящихъ за сталомъ, пѣсни паютъ тѣ жа, какія на вппсрини. А двôръ поланъ мужиками; аны пришли праздравить съ радастью дядю Павла, имъ нада гудуху (четверть) атъ нево, аны пайдутъ къ дяди Раману и палуцутъ стôлькя жа. Абѣтъ кôнцылси, дружокъ крицытъ: «притварити дверь», мôлицутъ Богу, адеваицутъ и выхôдютъ. Дружокъ идетъ пиредомъ, ва фсѣхъ дверяфъ онъ бьётъ нагайкай, вверхъ, въ нисъ и фъ бака двери, разганяя нецыстаю силу. За нимъ идетъ кресна и за ней княсь вынабрацнай, у нево кроми иголакъ на груди, есть еще 90-й псаломъ (sic) на бумашки; дьячокъ ему написалъ за касушку, а патаму онъ нецыстыва ни баицыть. Выхôдютъ на дворъ (sic), друшки апхôдютъ с ыконай вакрукъ лышадей и мôлицутъ Богу, надеваютъ шапки, и дружокъ 1-й гваритъ громка: «Гыспада пыѣжжани, бутти фсѣ ф сабрани, садитись па местамъ, какъ ясны сокалы пы гнездамъ». И абратифшись къ народу (sic), гваритъ: «а вы прываславныя блаславити нашива князя вынабрацныва (новобрачнаго) па невѣсту ѣхать, а хто ни блаславитъ, таму сына ни женить,

доцъ ни атдать и въ доми зятя ни видать». Нарôтъ гваритъ: «цасъ добрай (sic)». На перваю лошать садяццутъ друшки на другую женихъ, кресная и кресна, жениху даютъ в руки икону. Невѣсту сарежаитъ тожа кресна и такъ жа апутывутъ сѣтью, толькя песокъ не сыпютъ ѳъ супаги, пэтаму, що ей нада забывать ацюфъ (sic) домъ, савѣтывутъ такъ жа папасть перетъ ѳъ церкву, и стать на халстину, и падольши малцать на пастели. Наканецъ, невѣста гатôва, ее сажаютъ за стôлъ, с ней садиццыть па лѣвую руку кресна, а кругомъ рассаживыццтъ дѣфки. На столъ (sic) ставютъ 2 пустыя бутылки, ѳставляютъ в нихъ па свѣцки и нарежаютъ ихъ куклами, напаминающими мущину и женжину (sic), связывутъ въмѣсти и свѣцки зажигаютъ, атцавô в ызбѣ дѣлыцыть душно, но избежать нельзя, въ этамъ састаитъ будущая сцастья маладыхъ. Поистъ з жинихомъ, ни даѣхафъ дома за 4, астанавливыцыть, ва двôръ ѣдутъ адны друшки (падружать); ихъ ѳ сеняфъ ни пущаютъ бабы, прôсютъ расплатицыть и паютъ пѣсню:

На кôмъ кудри...

Дружокъ аддаетъ имъ скôлкя нябудь, и аны даютъ дарогу (sic), онъ кресты-абразна бьетъ пы двери и идетъ в ызбу, клаиицыть, стуцытъ па сталу нагайкай и грозна гонитъ (sic) дѣвакъ исъ стала. А аны требуютъ выкупа, паютъ пѣсню:

У варôтъ, варôтъ, разливалось синё моря,
Вэплывали 3 караблика.
А какъ первойетъ карапь уплылъ
Съ сындуками, сы уклатками,
А ѳтарой карапь уплылъ сы пухôваю пастеляю,
А третяй ытъ карапь уплылъ са душôю краснай дѣвицай,
Съ краснай дѣвицай, с Александрушкай.
Выходила её матушка
На навô крыльцо (sic) паратная,
Закрицала громкимъ голысамъ:
Вэратися, маё дѣтища,
Ты забыла зылаты клюцы,

Зылаты клюцы, залôтъ перьстинь.
Ни забыла я у тя, матушка,
Ни забыла я, радимая,
Залаты клюцы на поиси,
Залôтъ перстинь на правой (sic) руцѣ,
Лишъ забыла я у тя, матушка, вôлю дѣвицью,
Нѣгу матушкину.

Дружокъ калотитъ па сталу и гôнитъ, но дѣфки фсё сидятъ, патомъ (sic) дружокъ плотитъ (sic) скôлькя нужна, и аны вылазютъ. За сталомъ астаюцца невѣста и кресна. А друшки ѣдутъ за поиздамъ и абъѣхафъ евô кругомъ, фсѣ ушъ вмѣсти въѣжжаютъ, ва дворъ (sic). Тамъ ихъ у сеней фстрѣцаитъ (sic) фся радня невѣсты сы стаканами в рукафъ. Пріѣжжія выпиваютъ и идутъ в ызбу. Здѣсь апеть абѣдутъ, и такжа ихъ абыгрывутъ. Тôлькя здѣсь дружокъ пыдавая стаканъ певицамъ, прицытаитъ: «певицы, игрицы, блинныя притвôрницы, гаршопныя разбойницы (sic), вôтыцку примити, а стакашку назатъ абратити». Абѣтъ кôнцылси, пріѣжжія прôсютъ дядя Рамана блаславить невѣсту, що онъ и дѣлытъ.

Затѣмъ фсѣ мôлицутъ и выходютъ (sic) на дворъ (sic).

Здѣсь друшки апеть апхôдютъ с ыконай вакрукъ лышедей. Женихъ сажаитъ невѣсту ф сани, рассаживыпутъ и фсѣ асталныя. Дружокъ гваритъ громка, абращаясь къ старикамъ: «старыя мираѣды стырики, вамъ бы ни па свадбамъ хадить, а у старысти бы думать ды гадать, нельзя ли каво на ведерку аштрафавать, но вы меня извинити, а нашихъ вынабрацныхъ ка венцу ѣхать блаславити». Рибетишки пыдвигаицутъ к нему ближи, и онъ, абращаясь к нимъ, гваритъ: «малыя рибетишки, рваныя ваши лаптишки, гôлыя ваши пузы, ды и сами вы кырапузы, вамъ бы ни па свадбамъ хадить, а у дечка азбуку цытать ды пы субôтамъ розги палуцать». «Ну, прываславныя, блаславити фсѣ». Ударяитъ па лошади и ѣдутъ къ венцанью.

Посли ихъ дядя Раманъ гваритъ: «ну, гости, сыбирайтись скарей, нада сундукъ весть, а ато атъ венцу пріѣдутъ, ни пыгуляшъ».

Кладутъ всё имѣнья невѣсты на сани и везутъ къ дяди Павлу. Дядя Павилъ ихъ стрецаитъ на дварѣ съ графѣнамъ и бальшимъ стаканамъ. Вышиваютъ, а вѣщи ни даютъ, прася расплаты, и онъ (дядя Павилъ) кладетъ на фсѣ углы сындука пы манѣти, и сундукъ несутъ в ызбу. Сундушникафъ поятъ до сыти, а сами аны (сундушники) пьютъ чуть не до смерти. Есть пэгавôрка: «пьетъ, какъ сундушникъ».

Но вôтъ на ульци зыкрицали: «ѣдутъ».

И сундушникафъ выправаживутъ. Дядя Павилъ з женôй, с ыконай и хлѣбамъ солью, выхôдютъ стрецать мэладыхъ. Мыладыя кланицутъ, цалуютъ хлѣпъ соль, ацца и мать; а дядя Павилъ гваритъ: «ну, дѣтки, идити съ Богамъ въ радитильскяй домъ, и дай Бохъ вамъ жить въ мири и сагласьи». Фсѣ гости талпôй вваливыцутъ в ызбу бис парятку, пытамуща фсѣ пьяны. И паютъ пѣсню, катôраю разабрать трудна, пэтаму-ща крицатъ фсѣ, какъ папала.

Исъ пэтъ дуба, дуба сырыва,
Исъ пэтъ сырыва зелёныва
Вылетала либедей стада.
Какъ адна бѣла лебедушка
Прôцъ атъ стадушки атлётывала,
Ка серымъ гусямъ прилётывала.
Ее стали гуси рвать щипать.
«Ни щиплити-ка вы, серы гуси,
Ни сама я къ вамъ залётывала,
Занесло (sic) меня невôляю, неволяю (sic), ниахôтаю,
Частымъ дожжикамъ асенняимъ.

Мэладыхъ атправляютъ въ горницу (sic) и даютъ имъ пабѣдать и к нимъ никавô ни пущаютъ, кроми абôихъ крёсныхъ. Посли абѣда оби кресны ихъ аставляютъ, пэжалафъ имъ цасу добрыва (sic) и спакôйнай ноцы. А мыладыя рызбираицутъ спать. Гости такъжа мала па малу пристраивыцутъ спать, хто пытъ пецку, хто пыдъ лафку, хто патъ стôлъ.

Храпѣнья страшная, мнôгія икаютъ. На утра фстаютъ, ахмелящутъ, и друшки идутъ будить мыладыхъ, в дверь не фхôдютъ, а тôлькя стуцатъ, называя па имю и па оцыству, що дискать пара фставать, и спрашивутъ, «харашô ли пэцывали». Мыладыя выхôдютъ, ихъ сажаютъ ф передняй угалъ, и фсѣ зафтрыкутъ. Посли зафтрыка гости вылазютъ исъ стала, а мыладыя астаюцутъ за сталомъ. На стôлъ ставютъ пустую тарѣлку, накрытаю платкомъ. Дружокъ ставитъ графѣнъ съ вôткай, хлѣпъ и тварôкъ, а крёсна мыладой (sic) кладётъ пацку платкôфъ, и дружокъ крицытъ: «Павилъ Сергѣвицъ съ супругай и з дѣтками, выпабрацныя завутъ васъ къ сыру и караваю».

Дядя Павилъ с семействамъ патхôдитъ, фсёмъ имъ онъ (дружокъ) ставитъ пы стакану вôтки, аны крестяцутъ, но тôлькя аны хатятъ выпить, онъ ставитъ нагайкю къ губамъ пьющива и гваритъ: «нада заплатить за вôтку, наша мыладая садицытъ нанива, ей фсёво (sic) мнôга надыбна». Дядя Павилъ брасаитъ фъ тарѣлку рупь, а дружокъ гваритъ: «ну, теперь можна». Дядя Павилъ выпиваитъ, а дружокъ ему пыдаётъ платокъ и гваритъ: «на-ка, утрись». Жена дяди Павла не пьётъ, гваритъ: «горькя», а дружокъ гваритъ: «скôлькя». А ана гваритъ: «12». Мыладыя цалуцутъ 12 расъ, а патомъ цалуютъ дядю Павла и ево семейства. За ними пэ крику друшка пэтхôдютъ астальныя. Посли этыва мыладымъ даютъ ушатъ и пысылаютъ ихъ на калôдись зы вадôй. Аны идутъ. Идётъ и фся радня с шумамъ и свистамъ на ульцу, за ними. Мыладыя патходютъ (sic) къ калôтцу и наливаютъ вады. А дружокъ въ эта время карôницыть, но евô нахôдютъ, тащутъ къ калôтцу и абливаютъ вадôй, дыстаецыть мнôгимъ. Наканецъ, фсѣ сыбираицутъ в ызбу, абѣдутъ и ѣдутъ за пиравыми. Привôзютъ. Пирушка бываитъ ни на живôтъ, а на смирть. Бываитъ, и апиваицутъ.

С нидѣлю ища пьянстуитъ дядя Павилъ съ дядяй Раманамъ, а патомъ (sic) гадофъ (sic) пять будутъ платить долги.

Описаніе Ялматской волости.

Ялматью называицыть мѣснасть рыспаложиная па праваму беригу реки Пры—эта граница её вастôцная, а севирная (sic) атъ Свята Озира идётъ къ западу па край Ялмытскыва казённыва лѣсу и имѣитъ на границы деревни блисъ Свята Озира: Быцки (Шестемірово) и Шишкина. Ещё западнее деревни: Тѣльму, Муравлёскю, Филинскю, селô Пятницу и д. Савинскую (гр. севирная).

Нидалека атъ Савинскай текётъ река Ворныва, текётъ ана на юхъ и сваимъ теценьямъ атделяитъ Ялмать атъ Дмитифщины.

Блисъ Ворныва диревень нѣтъ на нашай стыранѣ, пытамуща мѣснасть балôтистая, а есть аны верстахъ фъ трёхъ атъ реки: Сыцы, Прôнина, Югина, Маврина; эта есть граница запыдная.

На углу запыднай и южнай границы стаитъ селô Хрôлъ (Дерскôе), а ат невô идётъ граница южная къ вастôку па край дарôги Касимафки и имѣитъ деревни: Дубасыва, Семёныскю, Ѣвлива, Нôвай Дѣвицяй Мынастырь, Иваныскю, Ханина, Тюрвишъ и наканецъ самыю Ялмать.

Фся эта мѣстнасть имѣитъ въ дылину (съ юга на севиръ) 20 верстъ, а въ ширину окыла 12.

Па беригу реки Пры стаятъ слѣдующія деревни, нацыная атъ Ялмати вверхъ: Ефремыфская (Ахрѣмыва), Филелѣива, Драфѣива, Пагôща (Пагôстищи), селô Шеина (Казаныска) и Стара-Церкасыва, а еще дальши, пацти къ Святу-Озиру: Нôва-Церкасыва и Каренецъ.

Фсѣ эти деревни стаятъ на границафъ Ялмати, а самая река Пра атделяитъ Егôрискяй уѣстъ атъ Касимыскива, а Свята Озира, блисъ Быцкôфъ и Шышкина, атъ Судаготскыва уѣзда Владимірьскяй губерни. Ялмытскяй казённай лѣсъ хатя принадлежитъ къ Егôрискяму уѣзду, но Ялмытью ни сцытаицыть.

Кроми крайнихъ диревень Ялмать имѣитъ внутринныя деревни: версты пылтары атъ Ахрѣмыва фъ права на заливи реки

Пры: Казыкина, ат Казыкина пылтары да Филисыва, и тамъ ды Ѣвлива адна верста. Па линіи Филелѣива нахо́дицутъ деревни: Цысыма (ана напротифъ Казыкина), Хлимакина, Пышлица, село́ Архангилъ, Варо́пина, Выскарёва, Высо́кыва, Гарѣла, Демина.

На линіи Казанскай (я считаю линіей ширину) окыла версты: деревня Лѣка, Вало́ва, Ганина (Симонцева).

На линіи Стара-Церкасыва: Зимёнки, Кушо́вица (Якушевичи), Шеина и пазади фсѣхъ Перхурыва.

Фсѣ деревни дѣлицутъ на дви волыети: Арханнискю и Лѣкинскю и цатыря прихо́да: Никола-Ялмыскяй, Михала-Арханнискяй, Казаныскяй и Пятниекяй.

На до́лю Арханнискяй волыети прихо́дицутъ деревни: Тюрвишъ, Ханина, Дроша, Ѣвлива, Иваныскя, Семёныскя, Филисыва, Казыкина, Ахрѣмыва, Филелѣива, Цысыма, Хлимакина, Пышлица, Драфѣива, Выскарёва, Высо́кыва, Варо́пина, Гарѣла, Демина, Маврина, Про́нина, Сыцы и Югина.

На до́лю Лѣкниськяй (sic): Пагощ, Лѣка, Вало́ва, Ганина, село́ Шейно, Кушо́вица, Шейно, Стара-Церкасыва, Но́ва-Церкасыва, Каренецъ, Перхурыва, Быцки (Шестемірово), Тѣльма, Фильниска, Муравлёскя и Савниска.

Изъ упыменутыхъ диревень Лѣкниекяй волыети первыя да Перхурыва принадлежатъ къ Казанскыму прихо́ду и празныватъ празники: лѣтню Казанску 8-го іюля, асенню 22-го октября, Скарбящу (Всѣхъ Скорбящихъ Радостѣ) 24-го октября, 3 светитиля 30 января и Тро́ицу.

Кроми этихъ празникафъ есть у насъ престо́лъ въ церкви Микалая угодника, но ево́ не празныватъ, пытамуща въ Ялмыти празникъ тожа Микола, и если празныват ево́ въ двухъ прихо́дафъ, то гастей сафсѣмъ не будитъ, а бизъ гастей не празникъ.

Лѣтню Казанску у насъ фъ селѣ Шеини сбирайцыть ярмынка, таргофцы приежжяютъ ат Спаса, ата Дмитря, ат Храла, и приежжаютъ дажи изъ Его́риска, выво́зютъ сваи тавары и мѣ-

стныя диревенскія лавышники и изъ села Архангила. Казанская ярмынка у насъ ѳъ слави, таргуютъ шипка, таварафъ навезутъ ѳсякихъ. И цавô тôлькя тутъ нѣту, какъ гаварятъ: «на Казанску лишъ атца съ матирью не купишъ». А я думаю: що изъ стôлькя народу можна падабрать и атца съ матирью. Народу пряма сила. Пакрай реки устраиваютъ временныя чайны, аптягывутъ ихъ па вбитымъ въ землю кôльямъ парусинай, на въбитыя же кôлья кладутъ доски для сталôфъ. Хатя ихъ завутъ чайныя, но чай въ нихъ ни падаютъ, а падаютъ халôдная пифцо да винцо. Нидалёка атъ чайныхъ варютъ баранину и рыбу пріежія (sic) из за озира рыбаки, у нихъ можна капеякъ на 20 пакушать досыта, у нихъ есть и касушки. Здѣсь же нидалёка устраивутъ и карусѣль, но окла её стаять толькя ребяты и дѣфки. Ярмынка эта устроина какъ расъ ва время, патамуща нацынаицыть пакôсъ, каждаму нужна, каму вилы, каму косу, грабли, каму верефку, каму сапаги, да и хлѣпъ весь дашолъ. Къ таму жа времю и нарôтъ вернулси из зарабытку, а патаму и пакупка идётъ бисъ стесненья.

Трôицу и асенню Казанску и Три Светитиля, хатя и збираицутъ таргаши, но тôлькя бôльши съ закусками: съ селётками, калбасôй, канфѣтами, баранками и ситнымъ. Ва всѣ эти празники, посли абѣдни, радныя и знакомыя (sic) изъ другихъ прихôдафъ заходютъ (sic) въ деревни, въ катôрыхъ празникъ, и астаюцутъ да вецыра, а то и да утра.

Селô Шеина асновына, какъ гаварятъ, баяринамъ Шеиномъ. Ано имѣитъ въ себѣ 2 церкви, каменнаю ва имя трехъ святителей Вселенскихъ и иконы Всѣхъ Скорбящихъ Радостѣ, пастрôина ана 1878 года, на мѣста диревяннай, катôрая сгарѣла,—и диревяннаю ва имя: Казанскай Б. Матери, Микалая угôдника и Св. Тройцы. Пастрôина ана 1703 гаду. Церкафь эта бальшая, адинъ канастасъ 36 ар. вышинôй; на ней жа диревянная калакôльна, бальшой колкалъ вѣситъ 280 пуд. Населеніе села Шейна састаитъ изъ аднавô причта. Причтъ землю не пашитъ, а здаётъ диревенскимъ крестьянамъ.

Астальныя деревни Лѣкнискяй волысти: Перхурава, Тельма (sic), Филинскея, Муравлёскя и Савниска, прихо́тъ къ Пятницы. У нихъ праздникъ временная 28 октября, Успенья 15 августа и 10-тая пятница петрофками (sic). Ярманакъ нѣтъ. Нѣтъ такжа и никако́й таргóвли, и имъ приходицыть (sic) закупать фсё въ деревни Перхурова. Перхурова деревня 120 дамофъ (sic). Харошая (sic) лафка, казёнка, 3 чайныхъ, фсѣ съ виномъ. У Пятницы кладутъ теперь бальшую каминнаю церкафь. У нихъ мно́га церковнава лѣсу, лѣсъ сасновай (sic) викавой.

Валастно́я правленья нахо́дицыть въ деревни Лѣки, при Правленьи Кредитная Таварищиства. Памещенья, каторая занимантъ правленья, былъ раньши барскай домъ, и ва время во́ли былъ падарёнъ г. Огарёвымъ для валастно́ва правленья. Лѣка, Ново-Церкасыва и Казыкина бывшіе кр. г. Огарева.

Шейно, Цысома, Ефремовская, Гарѣла графа Орлова-Давыдова. Филимакина Лобанъ-Ростовскаго. Перхурово, Тельма княгини Юсуповой. Волова, Кушовица, Драфеива, Филелѣива Нарышкина. Старо-Церкасова Герцыштейна.

Село (sic) Архангелъ в трёхъ верстахъ отъ Лѣки имѣитъ 2 диревянныхъ небольшихъ церкви, одну во имя Стрѣтенья 2-го февраля и Михаила Архангила, другую Екатерины мученицы, иконы Боголюбской и Іоанна Богослова. Въ день Михайла Архангила 8-го ноября сабираицыть ярмынка, таргуютъ афцынами, рукавицами, теплыми супагами, верёфками и краснымъ таварамъ, а такъжа пшеномъ, крупой (sic) и мясамъ. Но Стрѣтинья празныватъ сильней, пытамуща Михалово день наротъ псъ плот-(н)икафъ ища ни пришолъ, а бабы, извѣсна, вотки ни вазмутъ, а безъ вотки какой ушъ праздникъ. Строицыть въ Архангели и новая каминная церкафь, но настро́йкя идётъ мѣдлина (sic) за неимѣньямъ денякъ. Въ Архангили есть по́чта, казёнка, валастно́я правленья и кредитная таварищиства, 2 трактира, 2 чайныхъ, съ десятыкъ каминыхъ лавакъ. Гаварятъ, здѣсь скора будя базаръ. Лафки таргуютъ бойкя, на деньги и без денякъ. Таргаши сваё дѣла знаютъ туга; стрѣцаютъ (sic) съ паклонамъ,

называютъ па имю и па оцыству, прôсютъ ни тыргавацыть, «у насъ дискать бисъ запрôса», и пишутъ сцотъ (Господину такому та). Нарôтъ хатя завётъ ихъ ахмурялы, а всётки у нихъ пакупаитъ.

Къ Арханнискяму прихôду принадлежатъ слѣдуюшія деревни: Пышлица, Филимакина, Цысыма, Варôпина, Выскарёва, Высокыва, Гарѣла, Маврина. Деревни: Прôнина, Угина, Семёныскя састаятъ прихажанами ка Хралу.

Селô Ялмать в трёхъ верстахъ отъ Архангила, гварятъ, самая старая селô иза всѣхъ нашихъ сёлъ. Здѣсь, гварятъ, была 4 папа (а теперь 2), Арханнискява прихода (sic) не была ища. Въ Ялмати теперь 2 церкви, нôвая каминная и старая диревянная; оби аны ва имя адныхъ и тѣхжа светыхъ: Микалая угôдника, Илья прарôкъ, Ражествô Багарôдицы. Празныватъ бôли фсевô Миколу зимню, патаму денякъ тада бôли и время слабôдни, а съ Миколы нацынаютъ и засватывать. Расположина Ялмать на бальшôмъ острави, тамъ гдѣ река Пра разделяицыть на два рукава, адинъ текётъ въ права, мима диревень Ахрѣмыва, Казыкина, Филисыва и Ѣвлива, гдѣ ззади манастыря и сливаицыть съ рукавомъ Лѣвымъ, каторай ата Ахрѣмыва идётъ мима Касенина и агибаитъ Дрошина и Ханина и Тюрвишъ и такъжа падхôдитъ къ манастырю. Въ далину острафъ имѣитъ 6 версъ, а въ ширину окла 3 верстъ. Населенье Миколы Ялмати ни вликô: 2 свещенника, дь(я)канъ, 2 дечка и патômки быфшихъ рôтствинникафъ духавенства. Есть такъжа 2 лафки милацныя. Прихажаны въ Ялмать: деревни Ахрѣмыва, Казыкина, Филисыва, Ѣвлива, Тюрвишъ, Иваныскя, Ханина, Дрошина, Фплелѣива, Драфѣива. Общяя занятья житиляй Ялмати—эта ухадить на зарабатки въ плотники. Ухôдютъ въ Маскву и фъ степныя места. Уходютъ (sic) всѣ атъ 14-ти гадофъ да 60. Выежжаютъ изъ дама съ маслинай, къ Паски, хто рабôтытъ въ Масквѣ, то прихôтютъ (sic) дамôй, а посли Паски ухôдютъ апять и да Петрôва дня рабôтатъ. Петрôфъ день бальшая палавина прихôдютъ дамôй на пакôсъ и, пражифши да Успенья, ухôдютъ апять на зарабатки, тада ушъ живутъ да

загвинья и дажи да Ражества. А зиму живутъ дома, занимаицутъ привôскай сѣна съ лугôфъ, ѣздютъ за дравами, худютъ (sic) за скатинай и справляютъ сваи пастрôйки.

А деревни, распаложиныя пакрай Пры, занимаицутъ кроми тавô рыбнай лôвляй. Занимаицутъ этимъ деревни: Каренецъ. Нôва-Церкасыва, Стара-Церкасыва, Пагôща, Драфѣива, Филелѣива, Ахрѣмыва немнôга, Казыкина не занимаицытъ (sic), такжа и Филисыва. Занимаицутъ еще: Евлива, Ханина, Дрошина.

Раньши па лôвли первая мѣста занималъ Каренецъ, Нôва- и Стара-Церкасыва, но теперь имъ запрещаютъ пергараживать реку, и атъ этыва рыбы у нихъ стала меньши. Лôвютъ въ этихъ диревняфъ такъ: капаютъ канаву изъ балôта или исъ тôй жа реки, беригамъ капаютъ такъ, щобы ана давала хатя нибальшую течь, и вôтъ када атъ сильныхъ марôзафъ здѣлыцыть лётъ толстай и вада прагоркнитъ, рыба станитъ сбиратцыть фъ канаву, гдѣ паймать её можна бисъ труда. Рыба вôдицыть въ нашай рекѣ: щука, язь, карась, окунь, платва, ершъ.

Деревня Драфѣива лôвютъ такъ: къ вастôку, въ полверстѣ отъ реки Пры, ужъ фъ Касимыфскамъ уѣзди (но владѣнья Драфѣива) есть нибальшôя озира. И вôтъ када въ рекѣ вада зимôй испортицыть и лётъ здѣлыцыть тылщинôй окла аршина, аны вырубаютъ ва льду ямы вершкôфъ 12 глубинôй, 3 аршина дылинôй и 2 аршина ширинôй (дѣлытцыть эта окла берига реки); атъ ямы на такôй-жа глубинѣ, какъ и ана сáмая, правôдитцыть уская канафка, дылинôй аршинъ 10 ва льду, а патôмъ ушъ да земли и вады такôй жа ширины аршинъ 30, а инагда и больши, сматря патаму, какôфъ патхôтъ изъ реки; главная нужна, щобъ бы́ла, какъ канцаицыть канафка, между земли и льду цетвирть. Такъ, теперь атъ ямы къ озиру правôдицыть канафка фъ снегу глубинôй вершкôфъ 5, харашо утаптывыцыть и паливаицыть вадôй, въ озири дѣлутъ пролуби, надъ ними ставютъ 3 кала, въ верху ихъ связывутъ, къ узкаму мѣсту привязывутъ кôфшъ на верёфки (карыта пиперѣзыная папаламъ), размѣры всѣхъ кафшей далжны быть адинакывы. И вотъ, када эта найдутъ нужнымъ,

па знаку, фсѣ нацынаютъ лить воду на канафки, изъ озира въ реку и стараицутъ каждай влить бо̂льши, но за этимъ следитъ старыста, какъ выдитъ время па угавору (sic), фсѣ далжны брасать. Рыба, пацуявъ прибыль вады, патхо̂дитъ къ канафкамъ и па нимъ захо̂дитъ въ ямы, аткуда её берутъ цырпаками, здѣлынными исъ сѣти. Бывали и теперь бываютъ зимы, када адинъ крестьянинъ лавливалъ на сотню руб. фъ зиму. Ва фсёй Ялмати женщины и дѣвушки па зимамъ, када нецыва дѣлать, вяжутъ сѣти. Матерьялъ (нитки) имъ даставляютъ мѣсныя таргофцы и атъ Спасъ-Клепикофъ. Но цѣны на рабо̂ту такъ ниски, що если сидѣть ноцью, то ни абрабо̂тышъ свѣтъ, и если рабо̂тать фъ сутки 15 часофъ, то зарабо̂тышъ 7 капеякъ.

Плотнишнай зарабытыкъ фъ среднямъ бываитъ, если хадить на пако̂съ, руб. 100, а не хадить, то окла 140 руб.

Хлебапашствамъ въ Ялмати хатя зынимаицутъ, но пасѣвафъ дѣлутъ мала, патамуща эта дѣла вазложина па женщинъ, а у женщины и окла дому дѣло̂фъ не мала, и если не зарабо̂тышъ фъ плотникафъ, то жить будя нѣцымъ, на земельныя даxо̂ды надѣицыть нельзя.

Па лѣваю сторыну реки Пры житили принадлежатъ ушъ къ Касимыскяму уѣзду. Но какъ видна, аны сво̂й уѣстъ ни далюбляютъ и при слуцаи на стыранѣ не про̂цъ саврать, «що я дискать ни Талмыщкяй, а Ялмыщкяй», но езыкъ ево аблицаитъ и ему, хто знаитъ, гваритъ: «нѣтъ, ты не Ялмыскяй, а заваёвынай Мамай». Правды, аны эта не любютъ и теперь ва фсёмъ стараицутъ падражать и брать примѣры съ Ялмати.

Адинъ исъ сасѣднихъ с нами прихо̂дафъ (Палищинскяй) атлицаицыть балыше̂й цыстато̂й абрядафъ, такъ що Ялмати да нихъ далёка. Наро̂тъ тамъ хатя ухо̂дитъ на зарабытки, но не фъ плотники, а фъ красильщики, красить разныя старыя платья, и зарабатывутъ аны мно̂га, руб. па 400 въ лѣта. Въ Ражество̂ фъ Палищафъ есть абыцай выхадить маладежи посли абѣдни къ церкви; сбираицутъ са фсево̂ прихо̂да, и здѣсь паринь, како̂му притстаитъ женицыть, выбираитъ себѣ невѣсту, узнаётъ, аткуда

ана и хто такая, а патôмъ, придя дамôй, пасылаитъ сватать. Свадьбы тожа бôльши бываютъ зимôй. И такъжа прибрежныя деревни па зимамъ лôвютъ рыбу. В разговôри упатребляютъ у͡о, какъ у насъ, вмѣста о. А гдѣ у насъ е, у нихъ бôльши и. Въ славахъ, гдѣ есть с въ средини, слышицыть щ вмѣста с. Я выгаварившцыть мякчи, какъ йя, а не какъ йа.

Къ уго-запанай (sic) границы Ялмати примыкаитъ Стружанскай прихôтъ. Нацынаицыть онъ атъ манастыря и Храла. Центрамъ сваимъ сцытаютъ селô Стружаны, уѣзда Егôрискива. Занятья тожа плотники. Прôзвища Клевитки.

Ещё левея жиутъ такъ называимыя Баляки. Житильства ихъ вакрукъ Спасъ Клипикôфъ. Среди Балякъ мнôга харôшихъ мастерофъ (sic): плотникафъ, сталерофъ (sic), кузнецôфъ. Но бальшая цасть тарханы, то исть таргôфцы, кулаки. Таргôвля у Спаса въ ихихъ рукафъ. Но самая крупная у Спаса нахôдицыть въ ру[к]афъ старабрятцафъ. Эсть милiанѣры, катôрыя фсѣ тавары выписывутъ паездами, а Баляки ушъ берутъ у нихъ и прадаютъ на базари крестьянамъ. Таргôвля у Спаса грамадная, а асôбина зимôй. Базаръ бываитъ фъ панидѣльникъ (sic). Каждай панидѣльникъ бываитъ и кôнная. Ѣздютъ на базаръ атъ насъ и ка Дмитрiю, но мала; тамъ базаръ васкресенья.

У Дмитрiя живётъ земскай нацальникъ, и бываитъ прiёмъ навабранцафъ. Раньши хадили фъ плотники на Дмитрiй, но какъ правелась нôвая зелѣзная дарôга, ахотникафъ хадить на Дмитрiй и на горатъ пешкомъ стала мала, и Дмитрiй, какъ гварятъ, апустѣлъ.

Упаменутай дѣвицяй мынаст[ы]рь асноианъ лѣтъ 25 назатъ адной (sic) багатай вдавôй. Какъ гварятъ, ана была жена какôв та енарала. Звать ее была Марья Иванывна; жила ана первая время у Спаса, занималась леценьямъ разныхъ недугафъ, а патомъ ей былъ сонъ, що есть такая мѣснасть, катôра называицыть Микулина Острафъ, окла деревни Евлива. Ана нашла хазяина Острава, выпрасила ево и пастрôила нибальшую диревяннаю церкву, стали сбиратцыть сёстры, и теперь ихъ 120. Теперь каминная бальшая церква и калакôльна.

Илья Мурымицъ и Сылавей разбôйникъ.

Фъ горыди Мурыми, фъ селѣ Кырацарыви, у дôбрыхъ и блыгацестивыхъ радитиляфъ радился сынъ. Сынка пôпъ акрестилъ и назвáлъ Ильёй. Спорна растё нашъ Илюша: прашолъ готъ, а а ему подумышъ три, а хадить, не хôдя; прашлô ушъ три, а онъ фсё не думытъ; а ростамъ—скажишъ десить гадôфъ. Стали атецъ съ матирью фъ забôту вдаващыть.

«Дитя растё рôслая: пьётъ ѣстъ хырашô; ны рызгавôри умница, а ходить не хôдя». Ушъ цавô аны не дѣлыли: и Богу-ты малились, и къ кылдунамъ и знáхырямъ хадили, а онъ фсё не хôдя. Пашолъ Илюши тритцатай готъ; а нôжиньки фсё па старыму.

Дѣла была лѣтамъ. Радитили Илюши ушли ны пакôсъ, а евô аставили дома аднавô. Вдрукъ видитъ Илья: идутъ къ ихъ дому странники. Адинъ изъ нихъ гваритъ ему: «здарôва дôбрай мыладéцъ, нѣтъ-ли у тебя, мыладéцъ, вадицы напить».

«Вада-та и есть», гваритъ Илья, «толькя паить-та васъ мнѣ нельзя, ноги-та у меня не хôдютъ».

«А ты напробвай, мôжа пайдёшъ», гваритъ странникъ.

«Ушъ тритцать лѣтъ пробвыю, ды ницавô ни выхôдя; идити в ызбу и пейти, вада есть, ды и мнѣ кстати дадити». Странники зашли и первымъ долгамъ дали крушку Ильѣ. Илья попилъ и пацуилъ, що у невô ноги стали крѣпнуть, онъ ихъ прытенулъ, а патôмъ и фсталъ, взялъ ведрô и пашолъ за свѣжэй вадôй. Када онъ принёсъ, странникъ ему гваритъ: «ну, пей, Илья, ны другую ногу». Илья выпилъ и пацуилъ фъ себѣ нипамѣрную силу. «Теперь, Илья», гваритъ странникъ, «зафтря фставай ны зарѣ и иди къ лѣсу, тамъ увидишъ дупъ, а у таво (sic) дуба каня и всѣ быгатырски[1]) даспѣхи, эта фсё тваё. Када ты фсё эта палуцышъ, то пыежжяй фъ Кѣяфъ, къ князю Владиміру». И странники скрылись. Радитили Ильи глазамъ сваимъ ни павѣрили, увидя, що ихъ сынъ сталъ хадить. Илья рысказалъ имъ, какъ были у невô странники

1) Отмѣчено, что г произносится близко къ х въ этомъ словѣ.

и що аны велѣли ему ѣхать фъ горатъ Кѣяфъ, къ князю Владиміру.

Какъ не жаль была имъ Илюшу, ды дѣлать нѣцыва, пришлôсь атпустить. Утрамъ на другой день Илья фсталъ, умылси, Богу[1]) пымалилси и пашолъ на то мѣста, куда велѣлъ странникъ. Пришолъ Илья къ дубу, видитъ: стаитъ кôнь такой, какихъ онъ сроду ни видалъ: изъ гласъ искры сыпицутъ, а изъ роту пламя пышитъ. Илья сѣлъ ны невô и паѣхалъ, заѣхалъ онъ прастицыть съ атцомъ съ матирью и атправилси въ дальнюю путь дарôжинькю. Ѣдитъ Илья путёмъ дарôгыю и видитъ: лежитъ каминь, а атъ камня пашли двѣ дорôги, и на камни была натпись: «па лѣвай паѣдишь, фъ Кѣяфъ приѣдишъ, а па правай, жифъ не будишъ, правыя ближи, а лѣвая дальши».

И думытъ Илья: «цаму быть, таму ни минавать, а фсётки паѣду па правай». И паѣхалъ онъ пряма па правай. И слышитъ Илья, кôнь евô зыхрапѣлъ; а патôмъ пасыпылись листья съ дерёфъ; и раздáлси такой свистъ, що кôнь Ильи припалъ ны калѣни. «Кто эта свищитъ такъ», думытъ Илья. Гледитъ, а пряма протифъ евô сидитъ ны дубу мужикъ и свищитъ. Илья крицытъ ему: «стыдна старику свистать и этимъ варôнъ пужать, атъ этыва нада малыхъ ребятъ унимать». А тôтъ зысвисталъ ещё пущи. Тутъ Илья фзялъ лукъ и пустилъ въ невô стрелу, и угадила стрела ему фъ правай гласъ. И упалъ тутъ мужикъ з дуба, какъ съ адонья снôпъ. Привезалъ евô Илья къ сваму седлу и спрасилъ: «хто ты есть такой, що свистамъ сваимъ пыбиваишъ фсѣхъ». И атвѣцалъ ему тôтъ мужикъ: «я Сылавей разбôйникъ, сижу я на этамъ дубу тритцать лѣтъ; и ни прапущалъ я ни кôнныва, ни пѣшыва; са свисту мавô фсѣ пымирали; и я кармилъ ими сваихъ детей. А ты меня ни убивай пака, а дай мнѣ прастицыть съ сваимъ семействамъ, домъ мôй атцуда ни далёка». А самъ думалъ: «если онъ заѣдитъ ка мнѣ, то я мигну сваимъ, щобы свиснули, ды я пытсаблю, и онъ будя гатôфъ». Ѣдитъ Илья, а дѣти Сылавья бегутъ ему на стрѣцу и крицатъ: «тятькя ѣдитъ! му-

1) Отмѣчено, что г произносится близко къ х въ этомъ словѣ.

жика везётъ!» А старшэя доцъ гваритъ: «нѣтъ, эта мужикъ тятькю везётъ». И тутъ аны фсѣ зысвистали такъ, що у Ильи и то стали уши больна. Асерцалъ Илья и ударилъ Сылавья ладôнью по лбу, и Сылавей присмирѣлъ.

И пывернулъ Илья каня сваво̂ и паѣхалъ па бальшôй дарôги. Ѣдитъ Илья сваей дарôгаю. И вôтъ приѣхалъ онъ въ адно (sic) село̂ и видитъ: на рѣцки съ крутыми бирегами паринь паитъ лышедей, напаилъ адну, вывилъ на́ бирикъ, взялъ ны плецо другую и панёсъ внисъ къ рѣцки. Удивилси Илья. «Мыла́децъ», гваритъ онъ парню, «разя лошать сама не мôжа сайтить внисъ?» «Ды ана либа упадё и ногу сламая, батюшка будя ругать меня». «А хто твôй батюшка», гваритъ Илья. «Мôй батюшка пôпъ этыва села». «А какъ тебя звать?», гваритъ Илья. «Меня завутъ Алёша Папôвицъ». «А меня Илья Мурамицъ, а везу я Сылавья разбôйника и везу ево̂ я ф Кѣяфъ, къ князю Владимірю». Тутъ Алёша сталъ прасицыть у Ильи, щобы онъ ево̂ взялъ съ сабой (sic). «А пуститъ ли тебя атецъ твôй?», гваритъ Илья. «Какъ нибуть упрôсимъ». Атецъ Алёшу держать не сталъ, а дажи атслужилъ малебинъ, и далъ Алёши самыю харôшыю лошэть, и прывадилъ ихъ.

И вôтъ аны приѣхали фъ Кѣяфъ. Былъ празникъ. У князя Владиміря были гости, были фсѣ ви́тизи и быгатыри [1]). Приѣхали къ варôтамъ и наши мылатцы; самъ князь ихъ стрѣтилъ и павёлъ фъ гôрницу и пысадилъ ихъ за стôлъ и спрашивалъ: «аткуда и куда путь держити?» Илья и гваритъ: «ѣду я изъ горыда Мурыма и ѣхалъ я фъ Кѣяфъ дарôгаю прямаѣжжію, а завутъ меня Илья Мурамицъ, а таварища маво Алёша Папôвицъ, а приѣхали мы къ тебѣ службу пыслужить». «А не врёшъ ли ты, дôбрай моладицъ?», гваритъ Дабрыня Никитыцъ, «та дарôга прямаѣжжяя зыперта ушъ ровна 30 лѣтъ, а заперта ана Сылавьёмъ разбôйникамъ, а Сылавей тотъ свистамъ сваимъ пабиваитъ кôнныва и пѣшива». И гваритъ тутъ Илья Мурамицъ: «ни хвали́тцыть

1) Отмѣчено, что г произносится близко къ х въ этомъ словѣ.

я хатѣлъ, а хатѣлъ правду гыварить, а вы мнѣ фсѣ ни павѣрили, а Сылавья разбôйшика я съ сабôй привёсъ, выхадити на двôръ, я пакажу вамъ евô». Всѣ вышли. И гварить тутъ Илья Мурамицъ: «а ну ка, Сылавей, свисни, толькя фъ полсвиста». И Сылавей засвисталъ, що была моцы: у фсѣхъ витизяфъ изъ ушей крофь пытекла, а Владимірь княсь пряма обмиръ и када ацнулси, то сказалъ: «убери евô, Илья, куда хôцышъ». И ударилъ тутъ Илья Сылавья кулакомъ па главѣ и убилъ евô до смирти.

И фсѣ витизи Ильѣ кланились и назвали евô старшимъ братамъ. А Владимірь княсь сажалъ евô за стôлъ рядамъ съ сабôй. А съ Алёшай Илья были братьями — и адинъ бизъ другôва никуда ни хадилъ и не ѣздилъ.

—Это у насъ сказкой не считается, а считается былью. Но я думаю такъ: здѣсь сказано — у добрыхъ и благочестивыхъ родителей родился сынъ, ево окрестили и назвали Ильей, потомъ Илья 30 лѣтъ росъ, не ходилъ, потомъ Илья окрѣпъ и приѣхалъ въ Кіевъ. А какъ извѣстно, Владиміръ, принимая крещеніе, былъ уже не молодымъ, что показываетъ имѣніе имъ 12-ти сыновей. Эще я думаю: врятъ ли могъ существовать въ то время самый Муромъ, а тѣмъ болѣе проникнуть туда христіанству въ такое короткое время. Но такой, или какой другой, но необыкновенный Илья Муромецъ быть долженъ, потому что много об немъ говорятъ. У насъ даже говорятъ: что существуетъ въ настоящее время тотъ дубъ, на которомъ жилъ Соловей разбойникъ.

(Со словъ старухи).

Жилъ былъ купецъ, у невô не была детей, какъ ни прасилъ онъ Бога, но ихъ фсё не была, а ему ушъ была гадôфъ многа. Вôтъ адинъ расъ ѣхалъ онъ съ ярмынки. День былъ жаркай. Случылôсь ему ѣхать мима реки и здумалъ купецъ напить; пасуды у невô никакôй не была. Какъ тутъ быть? — «Да-ка я, — думытъ купецъ,—па карôвьи». Снялъ онъ шапку и припалъ къ вадѣ и пьётъ, вдрукъ цуствытъ купецъ, що кто-та евô за бораду дер-

житъ, и держитъ крѣпка. Марôсъ ево падралъ па кôжи. «Беда,— думытъ купецъ,—Бохъ наказалъ меня зы грехи: абмѣривалъ, абъвѣшивалъ»... Вдрукъ онъ слышитъ изъ вады голасъ: «будя, купецъ, грехи сцытать, ихъ ни сацтёшъ, грехôфъ многа, а ты луцыть (sic) давай гварить абъ дѣли, ты таргôвицъ и парятки знаишъ, що дарамъ не пьютъ и не едятъ и, знацытъ, за выду ты мнѣ долженъ зыплатить, пытаму ана здѣсь мая, денякъ мнѣ не нада, пытаму у меня сваихъ мнôга». «Цавô-жа тебѣ?», гваритъ купецъ. «Я с тебя мнôга не прôсю», гваритъ голасъ изъ вады, «аддай мнѣ то, цавô ты не знаишъ дома». «Що жъ», думытъ купецъ, «я фсё дома знаю, а если не знаю, то какія нибудь пустеки»,—дажи абрадывылси, що так дёшива атдѣлыцыть атъ выденова (sic). «Бери», гваритъ купецъ.

И вôтъ, цуствытъ купецъ, що у нево быpада растё такъ, що можна стала сѣсть на бирегу, и видитъ, лѣзитъ из вады бумага, и слышитъ онъ голасъ: «расписывайси». Купецъ рысписалси. И быpада, какая вырысла, атпала. «Ну,—думытъ купецъ,—слава Богу, атдѣлылси». Сѣлъ онъ на лошать и паѣхалъ дамôй. Приежжяитъ, фхôдитъ в ызбу и видитъ, висятъ 2 зыпки, и сразу обмиръ. Забылъ купецъ, када патписывалъ бумагу цорту, теперь-та онъ спôмнилъ, що у невô была жена брюхата. Када онъ ацнулси, то первымъ долгамъ спрасилъ жену, какъ звать детей. «Иванъ ды Марья». Пыкрестилси купецъ и заплакалъ. Дѣти стали рôсть ни па днямъ, а пы цасамъ. Купецъ, гледя на нихъ, цаста плакалъ. Зналъ купецъ, що скора ему придеццыть с ними растаццыть. Двенаццыть лѣтъ аны были ушъ балышими, а на тринатцытамъ имъ, па услôвью, нужна была атправляццть къ выденôму.

Сталъ купецъ ѣздить пы мыныстырямъ, да па знахырямъ, въ мынастыряфъ служилъ малебны, а знахыри ему давали разныя каренья и травы. Вôтъ въ адинъ прекрасный день захôдитъ къ нимъ странникъ и астался у нихъ ны нацлѣкъ. Видя ихъ нивёсилыми, онъ спрасилъ прицыну. Купецъ ушъ давнô ни скрывалъ сваё горя; панятна, и ему рысказалъ. «Да, горя тваё балышôя»,

гваритъ странникъ, — «но Бохъ миластиФъ». Странникъ у нихъ астался жить.

Но вôтъ въ адинъ день онъ гваритъ купцу: «зафтря имъ нужна атправляцыть; аны пайдутъ къ маму брату». На утра ихъ сабрали въ дарôгу: атецъ далъ Ивану денякъ, мать напекла лепёшакъ. Странникъ працыталъ какую та малитву и спрыснулъ ихъ какôй-та житкастью и далъ и имъ клубокъ и сказалъ: «када раздѣлытись съ лѣшимъ, то бросьте этотъ клубокъ, и онъ пакажитъ вамъ, куда итить». Сѣли аны Фъ телѣгу, и атецъ павёсъ ихъ на то мѣста, гдѣ евô цортъ держалъ за борыду. Ни даѣхали аны ища съ вёрсту, а цортъ вылисъ изъ вады и арётъ: «не нада! ни вази, а Фсётки тебѣ ихъ ни видать весь вѣкъ, и я вамъ атамщу... будити меня пôмнить, какъ абманывать цорта». Здѣсь купецъ рыспрастился з детями и паѣхалъ назатъ; а Иванъ бросилъ клубокъ и пашолъ за нимъ. Лѣшай Фсю дарôгу имъ дѣлалъ пакысти: то вдрукъ явицыть река, то загарицыть лѣсъ; но клубокъ Фсё адалевалъ: на рекаФъ евлялись масты, а па агню дѣлылась прахладная дарôшка. Долга ли аны шли, но вôтъ клубокъ привёлъ ихъ къ агрômнаму дварцу, у варôтъ катôрыва были привязыны львы. Увидя клубокъ, львы спрятались Фъ сваи кынуры, и Иванъ съ сестрôй вашли въ домъ. Домъ былъ багатай; Иванъ дажи испужалси, увидя такôя багатства. В аднôмъ зали ихъ стрѣтилъ седой старикъ; клубокъ прыгнулъ ему въ руки; па этому Иванъ узналъ, що аны пришли, куда слѣдывытъ. Иванъ пыкланилси ему и сказалъ: «Дѣдушка, насъ паслалъ къ тебѣ твôй братъ, пымаги». «Никакôва брата у меня нѣту, я тôтъ самый странникъ, катôрый жилъ у васъ. Узнафъ а вашамъ гори, я пришолъ къ вамъ. Теперь васъ, пака я жифъ, нехто не тронитъ, ды и ты мнѣ ища будишъ нужинъ, но пака нидѣлькю аддахни». И зажилъ Иванъ съ Машай у дôбрыва стырика.

Адинъ расъ старикъ гваритъ Ивану: «ну, Ваня, теперь я хацу тебя прасить саслужить мнѣ службу: у меня есть три сына, ни живыя и не мёртвыя; тебѣ придёцыть ихъ пыкранить; ани лежатъ ацуда ни далёка Фъ грабаФъ, день аны мёртвыя, а кыкъ

наступитъ двѣнаццытай цасъ ноцы, аны дѣлыцутъ живыми; но граба ихъ акованы толстыми желѣзными абруцами, фстать имъ нельзя: вôтъ это-та и принôситъ имъ балшую муку».

Дѣти старика были быгытыри [γ, не г]; аны были акалдованы аднымъ валшебникамъ: а пыкаранить ихъ можна была лишъ такъ: ва время прабуженья атрубить голаву, и тада тѣла будитъ придавацыть землѣ, но пака ни нахадилась ни аднавô целавѣка, катôрай бы взелсúя за эта дѣла.

«Ладна», гваритъ Иванъ. Фъ тôтъ жа вецаръ старикъ спрыснулъ Ивана какôй-та житкастью и гваритъ: «ну, какъ, Ваня, пуствышъ силу». «Дажи не знаю, куда дѣть сваю силу», гваритъ Иванъ. Старикъ надѣлъ на невô быгатырски даспѣхи и далъ ему мецъ клыденецъ и гваритъ: «спервa ты пайдёшъ къ маму старшыму сыну, а даведётъ тебя клубокъ; будутъ на дарôги какія страсти, ты не бôйси, вреда тебѣ не будитъ». Ныступила ноцъ. Иванъ прастилси съ сестрôй и стырикомъ и атправилси. Клубокъ ему асвещалъ дарôгу. Па дарôги имъ мнôга была разныхъ приключеньяфъ: то лѣсъ зыгарицыть, то тысицы змей и разныхъ зверей протягывали к нему сваи пасти, щобы укусить, но Иванъ шолъ и шолъ... Вôтъ видитъ онъ, стаитъ агрôмнай гропъ. Клубокъ астынавилси. Пришли аны немнôга рана, пришлôсь абаждать. Но вôтъ паслышалси стонъ изъ гроба и голасъ, катôрай гварилъ: «Иванъ, фъ галаваfъ гроба стаитъ пузырёкъ, в нёмъ мая сила, выпѣй евô, а то ты ни атрубишъ мнѣ голыву и ни падымишъ маё аружья». Иванъ вышилъ и пацуялъ фъ себѣ нипамѣрнаю силу. «Теперь бери мôй мецъ и руби обруцы». Иванъ такъ и здѣлалъ. Када онъ пиррубилъ обруцы и свалилъ крышку съ гроба, то изъ гроба фсталъ виликанъ ростамъ фъ двоя вышы Ивана и гваритъ: «ну, Ваня, спасиба тебѣ что ты меня придаёшъ землѣ, жить мнѣ нельзя, я наказанъ за крофь невинныхъ, теперь ни забуть и маихъ братьяфъ. В награду ты палуцышъ нашу силу. Фтарой мôй братъ аццуда ни далёка, онъ имѣитъ силу фъдвоя протифъ меня, а третяй фъдвоя протифъ фтарôва: знацытъ, ты будишъ самымъ главнымъ быгатырёмъ [γ не г] фъ свѣти. А теперь бери мôй

мецъ и руби мнѣ голыву». Иванъ зымахнулси мецомъ и атрубилъ ему голыву, палажилъ ѳъ гропъ, и гропъ сталъ апущацыть ѳъ землю. Иванъ працыталъ малитву и пашолъ дамôй. Старикъ евô стрѣтилъ на крыльцѣ, абня́лъ и долга плакалъ... Такъ жа онъ пыкранилъ и астальныхъ сынавей стырика.

Три года жилъ ещé старикъ и помиръ. Весь домъ атказалъ онъ Ивану. Зажилъ Иванъ с сестрôй въ дваёмъ. Но цортъ узналъ, що старикъ помиръ, и сталъ следить за Иваномъ: онъ пыдыскалъ праклятыва быгатыря [γ, не г], далъ ему силу агрômнаю и красату ниаписынныю. Адинъ расъ Иванъ атправилси на ахôту; а сестра евô вышла пыгулять. Ѳдрукъ видитъ къ ней идётъ красивай мыладецъ. Ана сперва испужалась и хатѣла бежать, и хатѣлась ей евô харашенькя пыгледѣть, и ана останавилась, какъ ѳкопыная. «Душицка, ты що бежишъ, я тебѣ вреда не здѣлаю. И если ты меня палюбишъ, то будишъ маей женôй: я сынъ Индѣйскыва кыраля». Ана астанавилась. Онъ пыдашолъ к ней и пыцылавалъ её; ана не прятивилась. Тутъ онъ ей сказалъ: «съ братамъ тваимъ я видицыть пака ни хацу, а ты меня гдѣ нибуть скырани».

Но дальши бôльши, онъ внушилъ ей, що братъ её за невô ни атдастъ, пытамуща далёка, а пытихонькю уѣхать нельзя: братъ дагонитъ. Тада аны решили евô убить. На утра сестра притварилась бальнôй. Када Иванъ ѳсталъ, видитъ, сестра ни выхôдитъ, зыбиспакôилси... Онъ паслалъ служанку узнать, — пыцему сестра долга ни ѳстаётъ. Но служанка ему сказала: «ана бальна и завѣтъ тебя къ себѣ». «Братицъ, я скора памру, но я видила сонъ: если бы мнѣ напить мылака львицы, я бы, мôжить, паправилась». Иванъ ѳзялъ ружьё и чашку для мылака и атправилси. Львицу онъ скора нашолъ и хатѣлъ её убить, но ана зыгаварила: «Иванъ, не бей меня, я знаю, цавô тебѣ нужна, иди и дôй меня, а кроми тавô я дамъ тебѣ въ услуженья мавô старшива сына». Аткуда ни вазмись, претсталъ предъ нимъ красивай, мыладой лефъ, виляя хвастомъ... Иванъ пыгладилъ евô па гриви и сказалъ: «ну теперь пайдёмъ са мнôй». Сестра и не думыла,

що онъ такъ скора вернётцыть, а Иванъ, пыдавая ей мылакô, сказалъ: «пей, сестрица, пыправляйси». Но ана евô и ни напробвала, а зыстанала еще пущи.

На утра ана запрасила медвѣжьива Медвѣдицу Иванъ нашолъ, ныдалъ мылака, и ана дала ему мидвежонка.

И такъ Иванъ приабрёлъ себѣ льва, медвѣдя, волка и лисицу. Тутъ дѣманъ увидалъ, що Иванъ ему сталъ апаснѣй— са сваей ахôтай, и рѣшили аны съ сестрôй Ивана ахôту евô куда нибуть зыпереть, а на невô напасть пряма...

Када Иванъ выратилси съ прагулки, сестра ему гваритъ: «Ваня, я видила ва снѣ дѣдушку и онъ мнѣ гыварилъ,—що я бы направилась, если бы съѣла лепёшку изъ муки закалдовынай.... мельницы, а стаитъ ана атсуда ни далёка». Иванъ ѳзялъ сваю ахоту и пашолъ. Прихôдитъ онъ къ мельницы и замѣтилъ, що крукъ её не была ни аднôй трафки. «Вѣрна»,—думытъ Иванъ,— здѣсь церти плесать сыбираицутъ». Но онъ былъ не трусъ: талкаитъ дверь нагôй и ѳхôдитъ въ мельницу, (за нимъ зашла и евô ахôта), набралъ онъ муки и вышалъ. Но лишь онъ вышалъ, какъ дверь за нимъ заперлась. Какъ онъ не билси, не муцылси атварить её, но ана ни пыддавалась. Заплакалъ Иванъ: жаль ему была сваей ахôты, да дѣлать нецыва, и пашолъ онъ дамôй. Лишъ тôлькя Иванъ зашолъ ѳъ домъ, какъ праклятай быгатырь набросилси на невô и разамъ атрубилъ ему голыву и пытащилъ евô ѳъ баню, щобы тамъ абмыть евô и съѣсть; тамъ онъ налилъ вады ѳъ катёлъ и зытапилъ пецъ, а самъ ушолъ ѳъ домъ.

Ахôта Ивана, увидя, що ана зыперта, звазилась и приуныла. Лисица гваритъ: «зря не бѣгайти, дверь намъ ни сламать, а давайти пыдрывать патъ стѣну». Сказына—здѣлына. Стѣну падрыли. Лисица взела с сабой муки и пабежали; крофь зверей привела къ бани. Завыли, зырыдали аны, увидя свавô хазяина мёртвымъ, жаль имъ была евô. Лисица гваритъ: «ни забôттись»; а сама стала пысыпать мукôй шею и голыву Ивана. Шея срасласъ и немнôга пыгадя Иванъ ѳсталъ. Вôтъ идётъ дѣманъ ѳъ

баню ѣсть Ивана. А медвѣть фсталъ фъ прибанники съ дубинкай. Лишъ дѣманъ пыказалъ голыву, какъ Мишка евô тяпнулъ дубиной, и тутъ аны бросились на невô и зыдушили, фтащили евô фъ баню, а баню зажгли.

Сестра видитъ, що долга нейдётъ её вазлюблинай, вышла пыгледѣть, но увидя Ивана живымъ и гарящую баню, хатѣла бежать, но звѣри её удержали; ана упала на калѣни и стала прасить у брата пращенья (а сама пытихонькю взела клыкъ сваво вазлюблинына и пылажила фъ карманъ). Иванъ убивать её не сталъ, а паставилъ катку фъ доми и велѣлъ ей надъ ней малицыть и сказалъ: «тада я тебя, сестра, пращу, када ты наплацышь слёсъ полнаю катку, а я атъ тебя ухажу, куда глаза гледятъ».

И фъ тôтъ жа день Иванъ аставилъ домъ стырика. Долга ѣхалъ Иванъ сы сваей ахôтай. И вôтъ пришолъ онъ въ адинъ горатъ; въ горади этамъ фсё была угрюма и мрацна, какъ на паминкафъ. Иванъ астынавился у аднôй старухи нацавать...

«Що у васъ баушка, какъ невесила фъ горыди-та?» «Ды какъ жа радимай виселицыть-та: зафтря царь будитъ атправлять сваю доцъ на съеденья трёхъглаваму змею; у насъ у фсѣхъ ушъ пиреѣлъ змé-ятъ, у каво сына, у каво доцъ, теперь оцырить дашла ды царя, а доцъ та у невô адна». «А рана, баушка, её пывезутъ-та». «Ды на расвѣти». «Тада, баушка, меня рызбуди, я пыглежу, а мôжа, ища пымагу».

На расвѣти Иванъ праснулся и слышитъ, играитъ музыка; онъ адѣлся и вышалъ и видитъ: фъ зылатôй карѣти сидитъ неаписанной крысаты дѣвушка, глаза у ней наплаканы. Ивану стала жаль её, и онъ решилъ её спасть.

Тутъ жа аседлалъ онъ каня и паѣхалъ къ морю. И видитъ онъ на бирегу моря бесѣтку, а в ней ушъ сидитъ царская доцъ, адна адинёшинькя. Иванъ падъѣхалъ къ ней, пыкланился и сказалъ: «здарôва, красавица, ужель у васъ ва фсёмъ царстви нѣтъ такова (sic) целавѣка, какой бы зыщитилъ тебя». Ана и гваритъ: «дôбрый витись, атецъ мôй пысылалъ вôйска протифъ этыва

змея, по ошъ евô фсё пажралъ, и я савѣтыву тебѣ атсуда пы дабру пы здарôву убиратцыть, а то фсё равнô онъ съѣстъ пасъ абѣихъ». И видютъ аны, моря звылпавалась, и изъ невô вышалъ трéхъглавай змей. «Вотъ (sic) тыкъ царь»! зааралъ онъ, — двухъ прислалъ». «Падависси», гваритъ Иванъ. «А ты щожа разя силёнъ и хоцышь са мной сразиццть», гварптъ змей, «давай пажалуй». А Иванъ, ни гваря ни слова, палетѣлъ на невô и срубилъ ему фсѣ три гылавы сразу. Атъ змея пашолъ страшнай смратъ. Но Иванъ на то ни взиралъ, а фзялъ евô голывы и пылажилъ пыдъ агрômнай каминь и тутъ жа заснулъ атъ угару.

Слуцылôсь фсё эта видить выдавôзу; онъ падъѣхалъ къ Ивану и думая, що онъ мéртвай, задумалъ харôшая для себя дѣла: онъ пыдашолъ къ царевьни и сказалъ: «витись умиръ, а ты гвари, що спасъ тебя я и въ этамъ мнѣ пыклепись, а если ты этыва не здѣлышъ, то я тебя убью», и зымахнулси на неё цырпакомъ. Ана испужалась и сагласилась.

Выдавôсъ пысадилъ её на боцку и павёсъ её ва дварецъ.

Жива весь горатъ аблетѣла малва — що выдавôсъ убилъ змея и спасъ царскую доцъ. Зызванили фъ кылкала, стали служить малебны, а выдавôзу дикана правазглашали мнôгая лѣта. Но не дôлга была радасть. Въ абѣтъ царю подали письмô съ шестью пецатями; фъ писмѣ была написына, щобы завтря, рана утрамъ, царь прислалъ къ морю доцъ сваю и тавô целавѣка, катôрай убилъ евô брата.

Выдавôсъ сильна испужалси и дажи хатѣлъ бежать, но адумалси. На другой день, рана утрамъ, царевна и выдавôсъ паѣхали къ морю. Лишъ толькя царевна сашла съ павôски, какъ онъ ударилъ па лошыди и ускакалъ въ лѣсъ, тамъ онъ влѣсъ на высôкаю берёзу и сталъ ждать, що будя. А Иванъ спалъ да вецыра посли бôю са змеямъ, а када онъ узналъ пра письмо (sic) змея, то решилъ итить апять на бôй, ды и царевна ему пылюбилась. За ужнамъ старуха евô спрасила: «гдѣ ты былъ, Ваня?» «Ды спалъ, баушка, у моря». «А тутъ выдавôсъ убилъ змея, и царь хатѣлъ аддать за невô доцъ, ты не знаишъ»? «Нѣтъ, баушка, я

не знаю». «А вить змея-тъ, знать, братъ, щоль, тавô-та, прислалъ писмô и велитъ ѣхать царевни и выдавозу (sic) заѳтря къ морю». Иванъ ей ницавô ни сказалъ и пашолъ спать, ей велѣлъ рызбудить евô параньши.

Када онъ приѣхалъ къ морю, царевна была ушъ тамъ; онъ пыкланилси ей и сказалъ: «гдѣ жа твôй спаситиль?» А ана сказала: «вонъ на берёзи», а сама упала къ нему на руки. Глять, моря скылыхалась, и изъ невô вышалъ шестиглавай змей. «Эта ты убилъ мавô брата!» зааралъ, такъ що лѣсъ зытрещалъ. Иванъ пыскакалъ на невô и с первыва удару срубилъ ему пять галôфъ; а змей евô сшипъ съ каня. Иванъ скора паправилси и атрубилъ ему паслѣднюю голыву. Голавы онъ сабралъ и пылажилъ ихъ патъ тôтъ жа каминь, а самъ апять заснулъ.

Выдавôсъ, увидя, що змей убитъ, выѣхалъ изъ лѣсу, падъѣхалъ къ царевни и гваритъ: «ты сматри, пôмни клятву и гвари, що спасъ я тебя». Ана сказала: «ладна». Въ этатъ день звону была еще бôльше, и ѳсѣ тôлькя и гварили а подвигафъ выдавôза. Но къ вецыру апять царю письмô, ушъ съ двенатцытью пецатями. Царь гваритъ выдавôзу: «ну, какъ, дырагой мôй, адалѣишъ или нѣтъ, змея-та». «Бохъ дастъ, мôжа, справимси», а самъ думытъ: «лѣшы меня свезали съ этимъ дѣламъ, що какъ этатъ быгатырь-та [γ, не г] помиръ, тада прапала мая гылава».

Но ѳсё таки утрамъ онъ паѣхалъ, какъ и вцэра, такъ жа привёсъ царевну ѳъ бесѣтку, а самъ уѣхалъ апять въ лѣсъ. Но вôтъ приѣжжяитъ Иванъ, а за нимъ бежитъ евô ахôта. Выхôдитъ змей а двенатцыти гылавахъ и пряма напалъ на Ивана, но Иванъ съ аднавô змаху срубилъ ему семь галôфъ и тутъ жа на невô напала ахôта, и скора аны умертвили змея. Паклалъ Иванъ голавы патъ каминь, а самъ заснулъ, заснула съ нимъ и евô ахôта. Здѣсь царевна надѣла ему на палицъ свой перьстинь.

Када онъ приѣхалъ дамôй, то старуха ему сказала: «выдавôсъ убилъ ещё змея, и заѳтря будитъ у нихъ съ царевнай свадьба, а севôдни вецырамъ у царя будя пиръ, на катôрай царевна завётъ ѳсѣхъ; небôсь и ты пайдёшъ, Ваня?»

Пришолъ ы нашъ Иванъ; царевна евô узнала и фсё время ни свадила съ невô гласъ и фсё абдумывала, какъ бы ей пра фсё сказать, не нарушыфъ клятвы. Патômъ ана гваритъ: «гыспада[1]), мôжа, каму ахôта пыгледѣть змеины голывы, то пайдёмти, мой (sic) женихъ вамъ ихъ пакажитъ». Всѣ фстали и пашли. Када аны пришли къ морю, царь спрасилъ выдавôза: «гдѣ аны?» «Я ихъ палажилъ падъ этатъ каминь», гваритъ выдавôсъ. Каминь былъ агрômнай, ево и тысица цэлавѣкъ ни пывартютъ. «Ну, атваливай», гваритъ царевна, «вить ты клалъ та». Какъ не бились онъ, каминь не тронулси ни на воласъ. Тада фсѣ поняли, що здѣсь дѣла неладна. Вдрукъ исъ талпы выхôдитъ архирѣй и гваритъ: «доцъ мая, я думаю, що спасалъ тебя не этатъ, и если ты ему пыклелась, то вѣрна пыдъ угрôзай, а я гварю: фсякая клятва, данная протифъ сваей вôли, у Бога правильнай не сцытаицыть — рызрешаю тваю клятву, гвари правду». И царевна стала искать Ивана. «Вôтъ хто меня спасалъ». Иванъ пыдашолъ къ камню, талкнулъ евô нагôй, и голывы стали на виду. Царь абнялъ евô, а архирѣй благаславилъ; а выдавôза вмѣсти съ гылавами бросили въ моря. Свадьбу пришлось атлажить, пытамуща Иванъ паслалъ зы сваей сестрôй. Скора сестра приѣхыла. И фъ тôтъ жа день назнацыли свадьбу. Сестра фъ церкву ни паѣхыла, а прыбралась фъ спальну и пылажила пытъ падушку Ивану клыкъ дѣмына. Долга вецыра гуляли гости...

Но вôтъ мыладыя легли спать: фъ самую полнацъ клыкъ дѣмына фпилсѝ фъ затылакъ Ивана, и Иванъ помиръ. Долга па нёмъ фсѣ плакали; но пришлô время кыранить, стали съ нимъ пращатцыть; нарôтъ прастилси, и пыдашла евô ахôта. Лисица велѣла медвѣдю пывернуть евô лицомъ внисъ; онъ такъ и здѣлалъ. «Лижи ему затылыкъ», гваритъ лисица. Лишъ тôлькя медвѣть лизнулъ два раза, какъ клыкъ вылитилъ и убилъ евô на павалъ, а Иванъ фсталъ. Медвѣдя пришлôсь атлизывать льву, а льва волку, а волка лисицы.

---

1) Отмѣчено, что г въ этомъ словѣ произносится близко къ х.

Пригарюнилась лисица, да не на дылга, ана и лизать не стала, а принесла сковрыду, нагрѣла её и приставила къ гылавѣ волка. Зупъ выльтилъ и фпилси́ фъ сковрыду. А волкъ фсталъ. Иванъ пыблагдарилъ[1]) лисицу...

А сестру онъ не прастилъ; её вмѣстѣ съ скыврадой (sic) пысадили въ мешокъ и бросили въ моря.

На пиру я былъ, пиво пилъ, по усамъ текло (sic), а въ ротъ ни папало.

Хороводы.

Въ нашей мѣстности пока еще самымъ любимымъ изъ увеселеній почитаются хороводы.

И я думаю, что это сохранится на долгіе годы. Почему? Потому, что въ хороводѣ можно взять за руку любимую дѣвушку, или по крайней мѣрѣ ту, которая нравится, и вывѣсти ее на средину круга, ходить съ ней, а по окончаніи пѣсни поцѣловать.

Изъ пѣсенъ, которыя у насъ употреблялись въ хороводахъ раньше, — да они употребляются и сейчасъ, новыхъ не сочинили, — я и собираюсь записать некоторыя. Названіе пѣсни у насъ бываетъ по началамъ. Пишу пѣсни на нашемъ нарѣчіи.

Травынькя.

Травынькя, муравынькя,
Зелёнинькяй лужокъ.
Мнѣ па этай травыньки
Не хаживати,
На сваю ли рызлюбезнаю
Не глядывати.
Знать мая ли рызлюбезная
Ва гбринки сидитъ,
Скрбсь акна ана хрустальныва
На молыцца гледитъ.

---

1) Отмѣчено, что г въ этомъ словѣ произносится близко къ х.

(Пытихонькю молыццу
Рѣцы гыварить)

Слѣдовало бы вмѣсто помѣщеннаго въ скобкахъ:

Но вôтъ мая любезная
Мнѣ рѣцы гаварить.

(Но такъ ужъ принято):

Душицка малôццыкъ,
Детинка, паринь мыладой,
Що жа ты не хôдишъ
На улицу са мнôй.
У меня ли мыладôй
Свёкарь батюшка благой,
Онъ благой, благой, неласкывай такой
Ни пущая мыладу
Гулять вецырамъ адну.
А я тôлькя мылада выравáтая была.
А я прялыцку взела,
Ва сидѣлацки пашла.
Патôмъ прялыцку пыдъ лавыцку,
Сама гулять пашла.
Гуляла мылада́ ды траихъ я питухôфъ.
Питухи адны прапѣяли,
Я не думыла дамôй.
Другія прыкрицали,
Я на разумъ ни взела.
А какъ третія запѣли,
Заря бѣла занелась,
И я млада сыбралась.
Пытъхажу я кы двару,
Дивирь хôдя по двыру.
«Дивирь, а ты дивирёкъ,
Дивирь, мужу маму братъ,
Сведи меня къ мужу спать.

Если бить онъ меня станитъ,
А ты меня атыми.
Цылавать онъ меня станитъ,
А ты прôцъ атайди.

Паринь вывидинную имъ въ кыравôтъ дѣвушку цылуитъ, и ана идётъ на сваё мѣста.— Еще пѣсня:

2. Туманъ фъ поли.

Туманъ фъ поли при далини,
Ширôкай листъ ны малини.
Листъ пашири ны дубоцки.
Тамъ варгуютъ гылубоцки.
Изъ ракитыва кустоцку
Манилъ мóладицъ дѣвбцку (sic),
Ни сваю манилъ, цужую.
—Пайдёмъ, радасть, пыцалую.
Сталъ малôццыкъ цылавать,
Стала дѣвица рыдать.
Её моладицъ уймая,
Платкомъ слёзы утирая.
«Не плацъ, дѣфка, не плацъ, красна,
Самъ я холастъ, ни женатай;
Када я буду жениццыть,
Прашу пакôрна на свадьбу.
На маей будя на свадьби
Многа пива ныварёна».
—Мнѣ не дива тваё пива,
Дивёшиньки тваи рѣцы.
Твая матушка зладѣйкя,
Сестра твая лихадѣйкя
Рызлуцаитъ насъ съ табôю,
Ровна рыбицу съ вадôю.
Щука рыба живё въ мори,

А я дѣвица на вôли.
Щука рыба акунаццы,
А я дѣфка цылаваццы».

И паринь дѣфку цалуитъ.

3. За нашай деревняй.

За нашай деревняй, за бальшôй весёлай,
Тамъ хôдя-гуляя удалой малôццыкъ.
Онъ хôдя-гуляя, ва скрыпку играя,
Ва скрыпку играя, дѣвакъ зыбавляя,
Адну красну дѣвицу къ себѣ вызывая.
«Выди, выди, дѣвица, ка мнѣ за варôты,
Ка мнѣ за варôты са мнôй пыбарôццы».
Дѣфка выхадила, рѣцы гыварила:
«Ни хвалися мóладицъ, а ты самъ сабôю,
А ты самъ сабôю, силаю сваей бальшôю».
Дѣфка низдарôва парня пыбарôла,
При цеснôмъ нарôди призвела въ бесцестья.
Пухôваю шляпушку ана далôй збила,
У казлôвыхъ сапôжакъ кылбуки атбила.
И пашолъ тутъ мóладицъ, зылился, заплакалъ:
«Матушка радима, на горя радúла».
Мать евô радная съ тéрема схадила,
Съ терема схадила, дѣвицу бранила:
«Дѣвица бестыдница, какъ тебѣ не стыдна,
Какъ тебѣ не стыдна, глазамъ ни пазôрна?
Такôва ты мóлыцца, парня пабарôла,
При фсёмъ кыравôди призвела въ безцестья».
Дѣфка выхадила, рѣцы гыварила:
«А я красна дѣвица фсё я магу здѣлать,
Пухôваю шляпушку спыдыму, надѣну,
Кылбуцкúкъ сапôшкамъ тожа я придѣлу».
За правыю руцку парня спыдымала,

И за фсѣ безцестья семь расъ цылавала.
«Полна тебѣ, мать да мати, дѣвицу ругати,
Пара тебѣ, мати, пара пымирати».

На этомъ пѣсня кончается, только въ этой пѣсни парень беретъ въ кругъ двухъ дѣвокъ, одна изъ нихъ должна изображать мать, которой достанется по жребію.

Мать, посли окончанія пѣсни, уходитъ обиженная, потому что сынъ за всѣ ея старанія о немъ посовѣтывалъ умереть. А та другая целуитъ его семь разъ.

4. Ни па садику.

Ни па садику па зелёнаму
Тута шли прашли двоя мо́лыцца,
Двоя мольщца оба холысты,
Оба холасты, не женатыя,
Ни женатыя, щиглеватыя.
Аны шли прашли, стынавилися...
Прымежду себя пыбранилися:
Изъ адно́й та души краснай дѣвицы,
Изъ варо́тъ та варо́тъ, варо́тъ но́ваихъ
Выхадила къ нимъ красна дѣвица,
Выхадила къ нимъ, гыварила имъ:
«Ужъ вы, мо́лаццы, оба холасты,
Оба холасты, ни женатыя,
Вы не ссо́рьтися, ни бранитися,
Вы па совисти рызайитися...
Нати мѣрацку, вы памѣртися,
Ды каму шъ изъ васъ я дастануся».

Дѣфка даётъ имъ платокъ, и они перебираютъ по немъ пальцами. Чей палецъ будетъ на верху, тотъ и остается съ ней, а проигравшій беретъ себѣ другую.

Дыставалася парню браваму,
Парню браваму, билаку́дряму.

Вôтъ брала тутъ дѣфка евô за руку,
Пывела евô вы зелёнай сатъ.
Фъ саду дѣвица вѣдры ставила,
Вѣдры ставила, съ милымъ баила:
«Що шъ ты, мóладицъ, ты не женисси?»
«Што шъ ты, дѣвица, ты зáмушъ нейдёшъ?»
«А мнѣ дѣвицы парня не была».
«А мнѣ молаццу дѣфки не была».
Тутъ аны фъ саду стынавилися,
А кыкъ вросьпашли, рыспрастилися.

5. Азарница жена.

Я манёшинякъ мальцышка
Маминькяй радился,
Я па глупысти сваей
Жениццыть спрасился.
Вôтъ-та взялъ-та я себѣ привёлъ
Жену мыладую, её рысхарôшу.
Рысхарôшая мая женёнка
Звала къ аццу ф гости,
А ка батюшки ф гости,
Къ матушки въ бесѣду.

(Здѣсь парень выводитъ въ кругъ дѣвушку).

Слуцылôся, а имъ давелôся
Ѣхать мима рôщи,
Мима рôщи, мима саду,
Край бѣлай берёзи.
Привезала жена мужа
Ка бѣлай берёзи.

Здѣсь дѣвушка обвязываетъ парню шею платкомъ.

Прикрутила ана, привезала,
Сама зыгуляла.

На девятай ана на денёцыкъ
Къ нему прихадила;
Ни дайдёмши ды свавô милốва,
Ана гыварила:
«Харашô-ли ты, мôй милай,
Ва лѣси пируишъ?»
«Рысхарốшая женёнка,
Атвяшъ ытъ берёзи;
Мнѣ въ лесоцки ни да пиру,
Цуть едва да жы́ву;
Мнѣ салốвушки галốвушку
Наскрось прабили».
«Атвежу тебя мой милай,
Тốлькя съ угавốрамъ:
Если будишъ ты, мой милай,
Пущщать къ ацпу фъ гости».
«Рысхарốшая мая женёнка,
Ступай хôть на вося».
«Да на вося, а мнѣ ни гадица,
Пришлốсь выратицца,
Мнѣ пришлốся, пришлось (sic) выратицца,
Съ милинькимъ прастицца».

6. Изу лѣсику.

Изу лѣсику, лѣсу тёмныва,
Из за садику, саду зелёныва
Есёнъ со́калъ, а онъ вылетая,
Лебёдушку себѣ вызывая.
«Лебёдушка, а ты выть за мнốю».
«Я бы вышла, у мня шубы нѣту,
Шубы нѣту шолкывай штовнай,
Душагрѣяцки нѣту парцовай,
Фъ касѣ лѣнтацки нѣту шалкốвай».

(Здѣсь парень выводитъ дѣвушку).

«Лебёдушка, а я тебя лю́блю,
Я те лю́блю тебѣ́ шубу ку́плю,
Шубу ку́плю шолкыву штовну,
Душагрѣяцку ку́плю парцову,
Фъ косу лѣнтацку ку́плю шалко́ву,
Шылкавую, семь расъ пыщалую.

7. Чымъ уго́дить жень.

Я паѣду ва Китай-горатъ гуляти,
Мыладо́й женѣ тавару зыкупати.
Я куплю ли, а я привезу женѣ пакупку,
Са́му са́му, а я придико́винаю шупку.
Я приѣду къ женѣ, пыкланюся:
«Ты здаро́ва ли, жена мыладая?
Принимай-кя, жена; маю пакупку:
Са́му са́му придико́винну шупку.
Принимай-кя жена, ни ламайси,
Душа серца маё, ни спесися».

(Парень старается взять въ кругъ намѣченную имъ дѣвушку, но она нейдетъ).

«Пыгледити, наро́тъ, до́брыя люди,
Какъ жена-та меня, мо́лыпца, не любя,
Душа серца маё нинавидя.
Ана къ людямъ идё лицкамъ,
Ка мнѣ плецкамъ.
Я паѣду ва Китай-горатъ гуляти,
Мыладо́й женѣ тавару зыкупати.
Я куплю ли, а я привезу женѣ пакупку,
Саму саму придико́виннай платоцыкъ,
Я приѣду къ женѣ, пыкланюся:
«Ты здаро́ва ли, жена мыладая,
Принимай-кя, жена, маю пакупку,
Самай самай придико́виннай платоцыкъ

Принимай-кя, жена, ни ламайси,
Душа серца маё, ни спесися».

(Парень опять подходитъ къ дѣвушкѣ, но опять отказъ, и онъ поётъ):

Пыгледити, нарôтъ, дôбрыя люди,
Какъ жена та меня молыцца не любя,
Душа серца маё нинавидя.
Ана къ людямъ идё лицкамъ,
Ка мнѣ плецкамъ».
Я паѣду ва Китай-горатъ гуляти,
Мыладôй женѣ тавару зыкупати,
Я куплю ли, а я привезу женѣ пакупку:
Сáму, сáму придикôвиннаю плётку.
Я приѣду къ женѣ, пыкланюся:
Ты здарôва-ль, жена мыладая,
Принимай-кя-ся ты маю пакупку,
Саму, саму придикôвиннаю плётку;
Принимай-кя-ся ты, ни ламайси,
Душа серца маё, ни спесися.
Пыгледите, нарôтъ, дôбрыя люди,
Какъ жена-та меня молыцца палюбя,
Душа серца маё, пыцалуя».

8. Зять гуляка.

Эй, гуляй, мыладецъ,
Тихай, лёфкай пиревôсъ.
Эй, пайду схажу, павыбиру,
Я выбиру себѣ тестюшку.

(Выбираетъ парня или мужчину)

Ты будь-жа мнѣ фсё тестюшка,

(Предъ выбраннымъ пляшетъ)

А я тебѣ фсё зять буду.
Эй-да, гуляй, мыладецъ,

Тихай, лёфкай пиревôсъ.
Эй, пайду схажу, павыбиру,
Я выбиру тёщу матушку.

(Выбираетъ по возможности женщину).

Ты буть жа мнѣ тёща матушка,

(Предъ ней пляшетъ):

А я тебѣ фсё зять буду.
Эй-да, гуляй, мыладецъ,
Тихай, лёфкай пиревôсъ.
Эй, пайду схажу, павыбиру,
Я выбиру шурёныцка.

(Выбираетъ мальчика лѣтъ 14):

Ты буть-жа мнѣ шурёнацыкъ,

(Пляшетъ)

А я тебѣ фсё зять буду.
Эй да, гуляй, мыладецъ,
Тихай, лёфкай пиревôсъ.
Эй, пайду схажу, павыбиру,
Я выбиру сваяцыню.

(Выбираетъ по лѣтамъ шурина):

Ты буть-жа мнѣ сваяцыня,
А я тебѣ всё зять буду.
Эй да, гуляй, мыладецъ,
Тихай, лёфкай пиревôсъ.
Эй пайду схажу, павыбиру,
Я выбиру невѣстушку.
«Ты буть-жа мнѣ невѣстушка,
А я тебѣ есёнъ сакôлъ».

(Обращаясь къ тестю):

Ты тестюшка, мôй батюшка,
Прасти меня въ маей винѣ,
Вецоръ пьянъ былъ, прамолулси,

Не я дурилъ, а хмель ва мнѣ,
А съ хмеля я съ ума сашолъ,
Съ ума сашолъ, гулять пашолъ.

(Кланяется и идетъ къ тёщи):

Ты тёщушка, мая матушка,
Прасти меня въ маей винѣ,
Вецоръ пьянъ былъ, прамолулси,
Не — я дурилъ, а хмель ва мнѣ,
А съ хмеля я съ ума сашолъ,
Съ ума сашолъ, гулять пашолъ.

(Шурину и свояченицы):

Шурёнацыкъ съ сваяцыняй,
Прастити меня въ маей винѣ,
Вецоръ пьянъ былъ, прамолулси,
Не я дурилъ, а хмель ва мнѣ,
А съ хмеля я съ ума сашолъ,
Съ ума сашолъ, гулять пашолъ).

(Къ невѣсти):

Невѣстушка, лебёдушка,
Прасти меня въ маей винѣ
Пыбуянилъ я вецоръ, пьяниньякяй,
Знать, съ ума сашолъ, гулять пашолъ.

(Кланяется)

Ты тестюшка, мой батюшка,
Пыцалуйти меня съ тещай матушкай.

(Всѣ трое, зять, тесть и теща цалуются).

Шурёнацыкъ малôдиньякяй,
Пыцалуйти меня вы съ сваяцыняй.

(Также целуются):

Невѣстушка, лебёдушка,
Пыцелуй меня, расхарôшая.

У насъ существуетъ преданіе, что будто въ нашей мѣстности, а именно тамъ, гдѣ вытекаетъ рѣка Пра изъ Свята Озера, была некогда переправа огромнаго войска. Одни говорятъ, — что здѣсь переправлялся Іоаннъ Грозный, когда шолъ на Казань, а другіе — что татары изъ Владиміра на Рязань. Еще говорятъ,— что здѣсь упущены въ рѣкѣ золотые вороты, одни говорятъ,— отъ Владиміра, а другіе—отъ Казани. Но та или другая, а одна все таки быть должна переправа. Это объяснить можно остатками множества плотовъ, которые сейчасъ уже покрыты торфомъ вершковъ на 10. Но гдѣ приходится копать землю, тамъ часто встрѣчаются дерева и дерева одной мѣры и съ обрубленными концами. Теперь на этомъ мѣстѣ косятъ сѣно. Но луга носятъ названіе плотовыхъ.

Вотъ что мнѣ разсказывалъ одинъ старикъ.

Я спросилъ его: «дѣдушка, что это край канавы изъ земли выглядываютъ брёвна и брёвна сосновыя, а вѣдь кругомъ ростетъ лѣсъ только берёзовый? Развѣ здѣсь когда былъ сосновый лѣсъ?» А онъ мнѣ отвѣтилъ: «вотъ мнѣ 80 лѣтъ, а мнѣ еще сказывалъ мой дѣдушка, что здѣсь никогда не было сосноваго лѣсу, а эти брёвна—остатки плотовъ, на которыхъ переправлялся съ войскомъ Иванъ Грозный, когда шолъ на Казань; здѣсь, говорятъ, ихъ было видимо не видимо, и гоняло ихъ по озеру туда и сюда, пока въ полую воду не выбросило на луга, и здѣсь они заросли травой».—«А почему ихъ дѣдушка не разобрали и не увезли крестьяне?» сказалъ я. А онъ и говоритъ: «да тогда лѣсу то и поближе было много. Здѣсь, говорятъ, былъ еще мостъ. А въ озерѣ, говорятъ, упустилъ во время бури Иванъ Грозный золотые вороты отъ города Казани».

Это всё говорилъ мнѣ старикъ, а ему тоже старикъ, и такъ навѣрное передавалось изъ рода въ родъ.

А когда я былъ еще маленькимъ, моя бабушка учила меня пѣсню, содержаніе которой я хорошо запомнилъ: правда, послѣ я не слышалъ, чтобы её кто пѣлъ, но я всё таки её помню. Вотъ она, отъ слова до слова:

Ни атъ вѣтру пыль на дарôги падымалася,
Ни атъ грома грохатъ слышилси,
А то ѣхали славны витизи,
Славны витизи Маскофскія.
Стынавились аны сиреди села,
Гыварили аны тыкавы слава:
«А вы братцы хрестьяны прываславныя!
Вы берити-ка тапôрики вôстрыя,
И идити-ка вы къ Святу Озиру,
Вы рубити леса тамъ дремуцыя,
Вы валити ихъ фъ Свята Озира,
Фъ Свята Озира, ва быстру реку,
И вежити ихъ вицью ивывай».
Взгыварилъ тутъ нашъ весь цэсной нарôтъ:
«Славны витизи вы Маскофскія,
А на щô вамъ эти плôтики,
Крамя плôтикафъ ещё мостики?»
И аны тутъ атвецали имъ:
«Намъ не нужна вашихъ плôтикафъ,
А нужны аны царю батюшки,
А на щô ему, пра то знаитъ онъ.
Иванъ Васильицъ царь нашъ батюшка,
Задумалъ онъ думу крѣпкаю,
Думу крѣпкаю, ниатмѣннаю:
Пыбедить, паланить землю татарскэю,
Фсё татарскэю, басурманскаю».

Говорила она мнѣ и еще одну, про набѣги Касимовскихъ татаръ. Насъ вѣть съ ними раздѣляла одна лишь рѣка Пра.

Мнôга бѣтъ-та мы натерпѣлися,
Мнôга горя мы навидалися:
Атъ Касимыскихъ злыхъ татаринафъ,
Злыхъ татаринафъ, басурманинафъ,
А слёсъ рѣцынки у насъ вытикли,

Горямъ серца-груть сафсѣмъ выпикли,
Ноцы тёмныя ни смыкали гласъ,
Дажидали смерть са цасу́ на цасъ.
А у озира кыраульнай былъ,
Щобъ гледѣлъ бы онъ, какъ татаринъ плылъ.
Лишъ увидитъ онъ иху лôдыцку,
Закрицытъ тутъ онъ ва фсю глотыцку.
«Вы хрестьяны прываславныя
Забирайти хто цавô мôжа взять,
Въ леса тёмныя нужна вамъ бежать».
Избы жгли аны и хлѣбъ на́ пэли;
Скôтъ вели къ себѣ, мы лишъ плакэли.
Цресь нидѣлю мы выраца́лися,
Залôй паля наши пакрывалися.

Я думаю, что это всё принадлежитъ нашей мѣстности, а не заносное.

И. Гришкинъ.

20 февраля 1913 года
Лѣка.

Этнографическіе матеріалы, собранные въ Задонскомъ уѣздѣ, Воронежской губ. по порученію Императорской Академіи Наукъ.

Записанныя нами старинныя пѣсни и духовные стихи были скопированы со словъ мѣстныхъ старожиловъ (крестьянъ и крестьянокъ). Не вдаваясь въ біографическія подробности по отношенію къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, представимъ вкратцѣ, такъ сказать, ихъ общую біографію. Сказчики и сказчицы пѣсенъ — это люди старозавѣтнаго типа, для которыхъ — совѣсть, обычай, религія — самое главное въ жизни. Занимаются они въ большинствѣ случаевъ земледѣліемъ, сельскимъ хозяйствомъ и отчасти — извозомъ въ сосѣдній городъ Задонскъ.

Домъ, хозяйство, земля — вотъ кругъ ихъ жизни, а территорія даннаго села, мѣстная среда и домашняя обстановка — вотъ сфера ихъ понятій и впечатлѣній.

Содержаніе пѣсенъ — большей частью пережитки дѣйствительныхъ событій далекой старины, какъ это особенно явствуетъ изъ пѣсенъ «Ванька-ключникъ», «Платовъ казакъ»; или же — въ нихъ отражаются разнообразныя стороны крестьянскаго быта, преимущественно семейнаго.

Старинныя народныя пѣсни, по общему признанію многихъ собирателей ихъ, исчезаютъ вмѣстѣ съ ихъ творцами и хранителями съ каждымъ годомъ, и натолкнуться гдѣ-либо на пѣніе старинной пѣсни — это, безъ преувеличенія, — рѣдкость и счастье для собирателя и любителя народной самобытной пѣсни.

Молодое поколѣніе или позабыло про эти, слышанныя имъ въ дѣтствѣ, пѣсни или же, увлекаясь своими излюбленными и модными частушками, пренебрежительно относится къ нимъ.

Поэтому, старинныя пѣсни можно слышать только изъ устъ пожилыхъ людей, способныхъ иногда въ минуты веселья подъ свѣтлымъ стихомъ повѣдать въ своихъ пѣсняхъ о пережитыхъ минувшихъ дняхъ.

Мотивъ старинныхъ пѣсенъ во всѣхъ случаяхъ протяжно-грустный, настраивающій душу на какой-то умилительный, умиротворяющій тонъ; и только иногда въ нихъ поперемѣнно чередуются «то разгулье удалое, то сердечная тоска»...

При транскрипціи пѣсенъ я старался частью примѣняться къ пріемамъ и особенностямъ общепринятаго здѣсь говора, частью — къ манерѣ и пріемамъ самихъ сказчиковъ и сказчицъ, стремясь при записи пѣсенъ передать съ возможной точностью всѣ оттѣнки и типическія черты мѣстнаго говора.

Старинныя пѣсни.

(Протяжно-грустныя).

№ 1.

Ои да при по́ли, при дали́нки
Стая́л ку́ст кали́нки.
Как на э́там ку́стику
Пта́шка ды сидѣ́ла.
Ой да гу́брькію я́гатку
Кали́нку ана клева́ла.
Эх да кали́нку клева́ла,
На заку́ску мали́нкай заку́сывала.
Ой да прилета́ли к салу́выюшки
Ды два́ со́кала,
Зва́ли — бра́ли ани́ салу́выюшку
У гбсти с сабу́ёй.

Пасади́ли салу́бвыюшку
Ва ну́баю кл'е́ть,
Заставля́ли салу́бвыюшку
Зво́нка п'е́сни п'е́ть
Ой ды васпу́бй, васпу́бй салу́бвыюшка
Ды васпу́бй маладо́й,
Как за р'е́чкей за бы́страй
Ды слабу́бтка ста́ить.
Ва э́тай ва слабу́бтки
Удубвушка живёть,
А у э́тай у удубвушки
До́чкя хараша́:
Лицо́м б'е́ла, чернобро́ва,
Ру́сая каса́...
За э́таю ды до́чкю
Ды сва́тался купе́ц.

(с. Мали́нки, Задонскаго у.).

№ 2.

Е́хали казаки́ са слу́жбы дамубй,
На плеча́хъ пагубны, хрясты́ на грудя́х.
Ади́н из каза́кав нае́зник лихо́й,
Кати́ть па дарубжки, ради́тель идёть
«Здарубва папа́ша»! — «Здарубва, сыно́к»!
«Раскажи́, сыно́чик пра службу сваю́»!
—«Слу́жба, сла́ва Бо́гу, атслужи́л царю́.
«Раскажи́, папа́ша, пра на́шу сямью́»!
—«Семья́, сла́ва Бо́гу, приба́вилася:
«Твая́ жана́ маладая́ сы́на радила́,
«Паражо́мши [1]) сы́на сама́ чуть жива́»...
Сы́н атцу́ ни сло́ва, сади́лси на каня́,
На каня́ гнядубва, е́хал да двора́.
Пад·яжжа́я к до́му — ста́ить ма́ть, жана́

1) Т. е. породивши.

Мать стаи́ть с усмїе́шкай, жана́ са слязьми́.
Ма́ть ту́т сы́на прўо́ся: прасти́ сын, жану́.
«Тебе́, мать, прашша́ю, а жану́, никада́»...
Закипїе́ла ево́ се́рца, — салда́цкая кро́вь,
Заблиста́ла ша́шка ва пра́вай рукїе́,
Сылетала́ галўо́вка с нявїе́рнай жапїе́.

(с. Карачу́нъ, Задонскаго у.).

№ 3.

(Старинная обрядово-величальная пѣсня, записан. въ *с. Кали́нино*).

(Проводы невѣсты къ вѣнцу).

Верея́ ты, мая вере́юшка,
Верея́ ты мая́ тачёная.
Вере́юшка абламилася,
Варўо́тушки раствари́лися.
Повтор. { Усїе́ бая́ря на двўо́р съїе́хались,
Усїе́ бая́ря на двўо́р съїе́хались.
А, старшіи́ на крыльцўо́ ўзашли́.
Аннушка испужа́лася,
Повтор. { Ива́новна старани́лася,
Ива́новна старани́лася,
За дїе́вушак схарани́лася,
Схарани́тя мене́, дїе́вушки,
Зберяги́тя мене́, кра́снаи.
Вўо́т прїїе́хал пабяди́тельнай,
Вўо́т прїїе́хал сакруши́тельнай.
Да не я-ж тебе пабяди́л,
Да не я-ж тебе́ сакруши́л.
Пабяди́л тебе́ ба́тюшка,
Сакруши́ла тебе́ ма́тушка.

№ 4.

Старинная, — величально-обрядовая.

(Проводы невѣсты къ женеху).

Как уда́рили два марўо́за на дварїе́

Припѣвъ: Ах лей, ляли́, ляли́, ляли́, ляли́.

(по другой варіаціи:
«Без маруо́зу, без лютуо́ва
Се́рца вы́знабило,
Без дружка́, без милуо́ва
Се́рца вы́балїе́ла и т. д.).

Два маруо́за, два люты́я, тре́тей сніе́г.

Прип.: Ах лей и т. д.

Четвёртая ды халуо́дная зи́мушка.

Прип.: Ах лей и т. д.

Зимуо́й сосёнушка была́ зелена́.

Прип.: Ах лей и т. д.

Как у пя́тницу свіе́т Аннушка была весела́,

Прип.: Ах лей и т. д.

У суббуо́ту галуо́вушку гла́дила,

Прип.: Ах лей и т. д.

У васкрёсе́нья к венча́ньицу пла́кала,

Прип.: Ах лей и т. д.

На сваёво́-ли ба́тюшку была жа́лабна.

Прип.: Ах лей и т. д.

Атпуска́ишь, муо́й батюшка, от себе.

Прип.: Ах лей и т. д.

Аставаи́тца зелён са́дик без мене́.

Прип.: Ах лей и т. д.

Как ва э́там ды ва са́дику три тветá,
Пе́рвай алай, лазуо́бривай, галубо́й.

Прип.: Ах лей и т. д.

Устăва́й, устăва́й, муо́й ба́тюшка, пара́ньша,
Паliва́й а́лы твяты́ пача́шша.

Прип.: Ах лей и т. д.

(*с. Калинино*).

№ 5.

Я пасіе́ю груо́сть — таскуо́
Па зелёнаму лужкуо́.

Ты расти́, мая́ кручи́на
Выраста́й го́ря — печа́ль!
Ты не со́хни, ты не блёкни,
Тветко́м а́лым растета́й.
Я ж бягу́-ли у тӗ́ весто́чки,
Игдӗ́ ласка́л мене́ мило́й.
Я тапчу́ травы́ — тветочки,
Спяшу́ ми́лава найти́ть.
Как к нещастью маяму́
Я панра́вилась ему́.
Я жела́ла быть бы пта́шкай,
Я б могла́ к няму́ слета́ть,
Я усю́о пра всю́о разузна́ла-б,
Как та́м стра́шна ваева́ть,
Как мӳ́й ду́шичкя страда́я,
Завсегда́ гари́т ӳ вагнӗ́.
Он хранцу́за не баялси,
Усегда́ ду́мал аба мнӗ́,
Аба мнӗ́-ли, аба мнӗ́-ли
Аб нещасна́й сиратӗ́.

(*с. Тростяно́е*).

№ 6.

Ва́нькя клю́шник, зло́й разлу́шник,
Разлу́чил кня́зя с жанӳ́й.
Такіи бы́ли разбӳ́йники
Хатӗ́ли Ва́нькю сё пайма́ть.
Паруча́лась [1]) ня́нькя с Ва́нькяй,
Ня́нькя кня́зю данесла́.
Кня́зь дазна́лси, заруга́лси,
Вялӗ́л Ва́нькю сё приве́сть
Вӳ́т вяду́ть, вяду́ть, Ваню́шу,
Вяду́ть к кня́зю на глаза́.

1) Т. е. сговорилась.—М. б., поругалась? *Ред.*

А у Ва́нюшки ат стра́ху
Падняли́ся валаса́.
Привяли́ к кня́зю Ванюшу.
Он стал спра́шивать ево́:
«Ты скажи́, скажи́, Ванюша,
«Кӱо́лькя лӗ́т с княги́ней жил?».
Атвеча́л Ванюша смӗе́ла,
Рӗе́ч таку́я он павёл:
«Тӱо́лькя зна́я, князь, паду́шка
«Ишшо́ мя́гкая пасте́ль».
Приказа́л князь тут Ванюшу
Атве́зть ӱ тёмнаю тюрьму́.
Маладая́ ево́ княги́ня
Жисть сканча́ла на нажу́ [1]).

(с. Тростяно́е).

№ 7.

Ве́чер, пӱо́зна...

Шел па у́лицы малӱо́динькей купе́ц.
Он девчёнки усӗе́ раска́зы расказа́л,
Учера́ маладе́ц девчо́нку абальсти́л,
С пра́вай ру́чинки кале́чкя палучи́л.
Палучёмши [2]) ста́л пад шшӱо́чки цалава́ть,
Па жала́нью хатӗе́л за́-муж ее узя́ть.
Пабешша́лси он да гро́бнасти [3]) любить.
Измяни́л сло́ва... Измӗе́нник-распадле́ц!
Эта дӗе́ла ско́ра вы́шла наконе́ц...
Паиду́ с го́ря на пара́тнаю крыльцӱо́,,
Аддам пе́рстень, палучу́ сваю́ кальцӱо́...
Закричу́ я усӗе́м лакӗе́ям кучера́м:
«Вы лакӗе́и, вы зладӗе́и — кучера́!

---

1) (т. е покончила жизнь самоубійствомъ).
2) Т. е. получивши.
3) Т. е. до гроба.

«Вы пада́йтя трўо́йкю вараны́х кане́й,
«А я ся́ду, я ву каля́ски пракачу́сь,
«Вазьму́ вёдры, сама́ пад валну́ скачусь»... [1]).

(с. И́вово, Задонскаго у.).

№ 8.

Ох, канарїе́йкя ты, мая душа,
Ох, пріюти́-ка ты с го́ря мене́.
Ох, забы́л, забы́л ми́лай пра мене́.
Ох, не во́вси я забы́л пра тебе́
Ся́дькя, ся́дькя, мил, на вїе́тачкю,
Растваря́й злату́я клїе́тачкю,
Выпушша́йтя сваёво́ канарькя́.

(с. Калинино).

№ 9. (Пѣснь рабочихъ деревенскихъ).

Ты хазя́юшка на́ша ма́тушка!
Паклани́сь сваму́ хазя́ину,
Угасти́ нас хлїе́бам-со́лію.
На́ши нўо́жки примари́лися,
Бїе́лы ру́чки примаха́лися
Чёрны о́чи примарга́лися...

(с. Калинино).

№ 10.

Мене ксти́ли [2]) ва тракти́ри, — кабакїе́,
Акупа́ли у винагра́днаму винїе́.
Ате́ц хрёстнай — цалава́льник маладо́й
Ма́мка хрёстна — винаку́рава жана́.
Сабрала́ся ўся́ нягўо́дная сямья́.

(с. Ивово).

№ 11.

Как адна́ была́ утїе́ха.
Ми́лай пла́кать не вялїе́л.

---

1) Т. е. брошусь подъ волны...
2) Т. е. крестили.

Гуля́ла я ў сад'о́чкю,
Гуля́ла я у зелянў'о́м.
Иска́ла тїе́ следо́чки,
Йгдїе́ ми́л гуля́л са мнў'о́й.
Следо́чкяв не наше́дши,
Сади́лась пад куст'о́к,
Сади́лась пад куст'о́чик
На мя́хкую траву́.
А там сидїе́ли двїе́ галу́пки
На вїе́тки зелянў'о́й.
Адна́ из них пархну́ла
Ка мнїе́ на бїе́лу гру́дь.
А я-млада́ ўздахну́ла
Па ми́лам па сваю́'ом.

(с. Тростяное).

№ 12.

(*Другая варіація*,—см. *Величальн. пѣсни*).

У ба́тюшки с ма́тушкай я адна́ до́чкя была́,
До́чкя нїе́жная, набало́ванная.
Я бяз ча́ю, без вина́ ни ади́н ча́сик не была́.
Я бяз ры́бицы не ся́ду, без кала́чика ня съе́м,
Без· милў'о́ва спать не ля́жу, без надёжи не усну́.
И́дя ми́линькей пазне́нька, и́дя, го́лас подаёть,
А я млада́ дагада́лась, сама́ у клїе́тачкю пашла́.

(с. Тростяное).

№ 13.

На гў'о́рки, на гарїе́, там стро́ились кабачёк.
Не пра дїе́вак, не пра ба́б,—пра уда́лых пра ребя́т.
Как ва тў'о́м кабачкїе́ удалы́и винў'о́ пью́ть,
Удалы́и винў'о́ пью́ть, бага́таи дивую́ть...
Не дивуйси, багачу́, усїе́ де́нежки заплачу́,
Разменя́ю граша́ два́, наменя́ю серебра́
Цалкў'о́виньких палтара́.

(с. Тростяное).

№ 14.

Пушшу́ пта́шку—канарʼе́йкю
Ва зеле́най са́д гуля́ть.
Ся́ть на я́бланку кудря́ву
И на вʼе́тку зеляну́,
Спу́ой ты пʼесинку ну́вую
Пра дере́вню — слабаду́.
Как ва на́шай ва дере́вни,—
Ва весёлай слабадʼе́
Лʼе́т семна́дцати мальчо́нка
Хади́л хо́ласт,— не жана́т.
Во́т заду́мал он жаши́тца,
Пазвале́нья ста́л праси́ть:
«Пазву́оль, ба́тюшка, жани́тца,
«Каво́ люблю́, таво́ у́зя́ть».
Ате́ц сы́ну не павʼе́рил,
Што на свʼе́ти есть любу́овь.
Атвярну́лси сы́нъ, запла́кал,
Сам паше́л ва зелёнай са́д.
У́зя́л он ша́шку—са́блю вуо́стру
И зарʼе́зал са́м себе́.
Его бу́йная галу́овка
Пакати́лась по травʼе́,
Его шше́чки румяны́я
Прати́в со́лнушка блестя́ть,
Его гла́зки галубы́я
На свʼе́т Бо́жій не гледя́ть.

(с. Калинино).

№ 15.

Што ж ты, Ва́ня, разуда́лая галава́,
Скуо́й дале́ча атъежжа́ишь ат меня́,
На каво́ ж ты, Ва́ня, спакида́ишь меня́?
С кʼе́м я бу́ду э́ту зи́му зимава́ть,

С кі́ем прика́жишь лі́ета тю́бплаю гуля́ть?
Гуляй, гуля́й, мая́ ду́шинькя адна́,
Я ж паі́е́ду с ину́о́й ва да́льней гарадо́к.

(*с. Ивово*).

№ 16. (Сказч.—Аксинья Васильевна Гаршина).

(Комическая, поется на веселыхъ пирушкахъ).

Из Пи́тера кума́
Из решета́ плыла́,
По До́ну плыла́,
Веретено́м гребла́,
А до́нцу, гре́бень[1]) везла́.
Чі́ем жа я куму́ сваю
Бу́ду пу́о́тчивать[2])?
Е́сть варабе́й у саду́,—
То́т без за́ду,
Да ишшо́ без пе́реду.
Сабрала́ павару́о́в
Со двена́дцати гараду́о́в,
Навари́ли из варабья́
На дв'на́дцать катлу́о́в,
И станави́ли варабья́
На двена́дцать блю́д.
Іе́шь, кума́, не заса́ливай уса́.

(*с. Старое Дубовое*).

№ 17. (Васильевна-Пожидаева).

(Старинная величальная пѣсня, теперь вышедшая изъ употребленія).

Ні́ет у нас бу́о́льша багача́,
Как Ива́на Микала́ича.
Он ты́щими на ты́щи наступа́л

---

1) Т. е. принадлежности пряхи.
2) Т. е. угощать.

Милiёны па го́раду рассыпа́л
Бума́шками сара́и накрыва́л,
А рублю́бовками вару́́ты запира́л.

(с. Хлыновое).

№ 18. (Наталья Тимофеевна). *Протяжная.*

Ше́л Ва́ня да дару́́жкай,
Дару́́жкаю сталбаву́́й,
А за ни́м следо́чкям я бежа́ла.
Бягу́́, бягу́́ я, дíе́вушка
И го́ласам кричу́́.
Го́лас му́́й ды ня слы́шна,
Плато́чкям я маха́ла.
Плато́чик,—му́́й а́линькей тверо́чик,
Зачíе́м так ра́на апа́л?
Ми́линькей дружо́чик,
Зачíе́м ты мене бро́сил?
Бро́сил ты мене́,
Люби́ть переста́л.
С э́тай ды любу́́вiю
У́ тямницу жи́ть папа́лъ.
У тямни́цы жи́ть ня ску́́шна
Разбу́́йничкю аднаму́́.
Две́ри заскрыпíе́ли,
Серде́чкя мая́ упа́ла.
Пала́ч гро́знай ка мнíе́ идёть.
Ни ате́ц, ни мать
Не пла́чьтя аба мнíе́.

(с. Старое Дубовое).

№ 19. (Васильевна). *Протяжная.*

Ску́́й дале́ка, му́́й ми́лай, атъежжа́ишь,
Куды́ атъежжа́ишь, на кого́ мене́
Беща́стнаю спакина́ишь?

Пайду́ я с го́ря ды ва чи́стая по́ля,
Вы́раю я та́м ку́стик кали́нки,
Пасажу́ я ту кали́нку ды ва ба́тюшкин са́дик.
Расти́, расти́, мая кали́нушка,
Расти́ и зелянїе́йси,
Живи́, живи́, мая́ суда́рушка,
Живи́ и не печа́льси.
Как заску́чисси без мене́,
Пайди и разгуля́йси.

(с. Старое Дубовое).

№ 20. (Васильевна).

Девчо́начкя лїе́сам шла́,
Усїе́ дарўо́жки испрашла́.
Сваёво́ дружка́ не нашла́,
Запла́кала ды и пашла́.
Прислу́халася дїе́вушка,—
У лясу́ ли́стики шумя́ть,
У лясу́ ли́стики шумя́ть,
Сё пра берёзу гаваря́ть.
Бїе́лая берёзушка
Наклани́лась к зямлїе́, стаи́ть.
На э́тай на берёзушки
Слятїе́лися пта́шечки,
Пта́шечки—салаве́й с куку́шкаю.
Куку́я куку́шичкя
У́трам ра́на на зарїе́,
Весяли́ть сваи́х дите́й.
Кали́нка с мали́нкай
Не в по́ру твела́.
Ради́мая ма́мушка
Мене́ радила́.
Не сабра́мшись с ра́зумам,
Мене́ за́ муж атдала́,
Атдала́ на чужу́я сто́рану.

На чужу́ю стару́онушки
Непрію́тная семья́:
Свёкар ды свекро́вьюшка
Ды распасты́лай му́ш-дура́к,
Н'юмі́я рабу́тать,
Че́рнай па́шиньки паха́ти.
А я са́м н'юспа́шу,
Батрачкя́ сабі́е́ найму́.

(с. Старое Дубовое).

№ 21. (Иванъ).

Ты Расі́я́, ты Расі́я́,
Ой да ты Расі́е́йская земля́.
Ой пра тебе́-ли Ма́ть ды Расі́я́
Бальша́я сла́ва пралегла́.
Бальша́я сла́ва пралегла́
Пра Плату́ова казака́.
У Плату́ова казака́
Ня стри́жиная галава́,
Ня стри́жиная галава́
И ня бри́тая барада́.
Плату́ов через заку́он ступи́л
Усы,—бо́раду абри́л,
Усы́,— бо́раду абри́л,
У хранцу́за у гастя́х бы́л.
Хранцу́з его не вазна́л,
За купца́ его́ приня́л,
За купца́ его́ приня́л,
За дубу́овай сту́ол сажа́л.
За дубу́овай сту́ол сажа́л,
Рю́мку ву́одки налива́л.
«Вы́пей рю́мку, вы́пей дві́е́,
«Скажи пра́вду усю́ мні́е́!
—«А на шту́о табі́е́ пра́вду каза́ть,

«Ее́ та́к мо́жна вазна́ть.
«Ты варў́о́на, ты варў́о́на [1]),
«Загуме́нная сава́,
«Не магла́ да ты варў́о́на
«У рука́х держа́ть я́сна сакала́,
«Пагляди́ ва сл'е́д Платў́о́ва казака́».

(с. Хльвное).

№ 22. (Екатерина Тарасьевна).

Рў́о́шша, мая рў́о́шша, рў́о́шша зеле́ная,
Атчего́ ты, зеле́ная рў́о́шша засо́хла?
Засыха́ла зеле́ная рў́о́шша ат бу'и́нава в'е́тру,
Ат жа́ркава со́нца, ат люты́х марў́о́зав.
Без пары́, без вре́мя ста́ли твяты́ со́хнуть,
Без прилу́ки [2]) у ину́ю улюби́лси,
У ину́ю улюби́лси, вў́о́ли свае́й лиши́лси.
Вў́о́ля, мая вў́о́ля, вў́о́ля дарага́я,
Вў́о́ля дарага́я,—девчо́начкя маладя́.
У саду́ с ни́м гуля́ла, красату́ теря́ла,
Красату́ теря́ла, у в астру́́о́г жи́ть папа́ла.
То́шна мн'е́, гру́сна у в астру́́о́гя сид'е́ть,
У в астру́́о́гя сид'е́ть, у в ако́шки глядье́ть,
Ми́ма ако́шка пралегла́ дарў́о́жка.
Па э́тай па дарў́о́жки мну́́о́га х'у́́о́дють—'е́здють,
Мну́́о́га праежжа́ють, а пра ми́лава сё ка́жуть.
Живе́ му́́о́й мило́й за рякў́о́й,
Гуля́я с ину́́о́ю са купе́цкай до́чкей;
Купе́цкая до́чкя—ана́ лу́ччи и живе́ пабли́жа.

(с. Старое Дубовое).

№ 23. (Екатерина Тарасьевна).

Загада́ю я зага́дку, загада́ю таб'е́ другу́я.
Извў́о́ль атгада́ть, му́́о́й ми́лай.

1) Сказчикъ добавляетъ, что Платовъ козакъ бросилъ тутъ же записку о своей личности, а самъ будто бы уѣхалъ на лошади, у которой были прибиты подковы «задомъ напередъ» для того, чтобы скрыть свои слѣды.

2) Т. е. безъ ласки.

Атчегó ку́дри вью́тца, атчегó сяку́тца?
Сы ра́дасти ку́дри вью́тца, с печа́ли сяку́тца.
Тва́ли, твяли́ а́лы твятъ́ы, ста́ли апада́ть.
Люби́л мене́ любе́знай дру́г, ста́л спакина́ть,
Ину́ю,—размилу́ю ста́л узлюба́ть.
Ина́я,—размила́я, чи́ем ана́ палу́ччи?
Живе́ть пабли́жа, переля́з пани́жа.
Перела́зушки ни́ски, соба́ки ня ли́хи.
Семе́йкя смирне́нькя, а я весели́нькя.
Ўвяздзе́ звон, звон ва все́ калаку́олы.
Пра нас, с табу́ой, суда́рушка, усе́ лю́ди гута́рють.
Пуска́й ба́ють и гута́рють, авўбсь переста́нуть,
А мы с табу́ой, суда́рушка, у любу́ови наживе́мси,
У любу́ови наживе́мси и уро́сь разайде́мси.
Ни ты́ ка мне́, ни я х табе́ ня бу́дим хади́ти,
Ни ты мене́, ни я тебе́ ня бу́дим люби́ти.

(с. Старое Дубовое).

№ 24. (Николай Петровъ Кочетовъ).

Ка́па́ю чере́мушку ва дрямучам лясу́.
Пасажу́ я чере́мушку ва зеле́нам саду́.
Нельзя́ черёмушку ды нязрзе́лаю рва́ти,
Нельзя́, нельзя́ кра́снаю дзе́вку не сва́тамши бра́ти.
Па тўо́м баку́ за рзе́чкею стаял нўо́вай до́м.
Ва тўо́м дварцзе́ стаить крыльцўо́ вазру́блиная.
С тава́ крыльца́ вядуть маладца́ с кра́снай дзе́вушкай.
Ади́н веде́ть за ру́ченькю, другой—за рука́в,
А тре́тей стаи́ть — гавари́ть:
Успаи́л, ускарми́л ду́шинькю, гада́л за себе́.
Ста́лась суда́рушка, сгрустни́ла мене́.

(с. Маланьино).

№ 25. (Наталья Тимофеевна) *Протяжная.*

Шел ми́лаи из нявўо́люшки,
И нихто́ маладца́ сустреча́ть нейде́:

Ни ате́ц, ни ма́ть, ни сестра́, ни бра́т.
Сустреча́ла маладца́ ма́ть-ма́чиха.
Ни́ска кла́нилася, сы́ну жа́лилася:
«Уж ты, сы́н мўо́й, ты сы́н, сын вазлю́блинай,
Как твая́, сыночик, жана́ у распу́т пашла́,
Усїе́ мяды́ папила́, усїе́ параску́барила
И дитю́о́ сваего́ изруби́ла».
Как узя́л маладе́ц ша́шку вўо́страю,
Сруби́л он жанїе́ бу́йну го́лаву.
Пакати́лась галава́ за нўо́ваи варата́.
А тепе́рь паше́л маладе́ц у висўо́к те́рям,
У висўо́кам те́реми калубїе́ль виси́ть и дитю́о́ кричи́ть.

(с. Старое Дубовое).

№ 26. (Васильевна). *Плясовая.*

Не хади́, ми́лай, ка мнїе́, не хади́ на у́лицу,
Ты ня стўо́й прати́в мене́, не гля́ди ты на мене́.
Я бы ра́д бы не глядїе́ть, маи́ гла́зки гледя́ть,
Маи́ гла́зки гледя́ть, гавари́ть с табўо́й хатя́ть.
Гавари́л мўо́й ми́лой, гавари́л мўо́й дараго́й,
Па́рень дїе́вушку угава́ривая, на сваю старўо́нушку перебаивая,
На маей старўо́нушки усїе́ заба́вушки тваи́,
Усїе́ заба́вы, усїе́ разсла́вы, усїе́ зелёнаи сады́.
Ва зелёнам ва саду́ твяту́ть а́лаи твяты́.
Мы паде́м ва зеле́най сад гуля́ть,
Завяжу́ э́ти тветóчки у гарниту́равай платóчик,
Палажу́ эти тветóчки у гўо́рницу в угалóк.
Три́ дни, два́ дни пагажу́, узалóчик развяжу́,
Не сóхня-ли, не вя́ня мўо́й лазўо́ривай тветóк,
Ня ту́жа-ли не гарю́я мўо́й ми́линькей дружóк?
Хўоть пату́жа пагарю́я на чужўо́й на старанїе́,
На чужўо́й на старанїе́ ды ня бли́зка ка мнїе́!

(с. Старое Дубовое).

№ 27. (Екатерина Тарасьевна). *Протяжная.*

Ва лясо́чку была́, грипки́—я́гатки рвала́,
Ахвицїе́ру прадала́, с ахвицїе́ра за ту цїе́ну рупь с палти́най узяла́.
Ру́пь с палти́най сы мали́най,
Мнїе́ мали́на насали́ла, пирўо́г се́рца заже́г.
Не пирўо́г се́рца заже́г, заже́г ми́лай дружо́к.
На крутўо́м бережо́чкю сабира́лася калпа́нья.
Дїе́вушки ду́мали,—гада́ли, каво вїе́рна палюби́ть:
Лебо́ Ти́шу, али Ми́шу, аль Алёшу шшо́галя,
У Алёши шшагаля́ есть ба́рыня хараша́.
Есть ба́рыня-суда́рыня, зову́ть ее О́люшка.
Уж ты, О́люшка душа́, сабўой о́чень хараша́.
(с. Старое Дубовое).

№ 28.

Свїе́тя мїе́сяц, свїе́тя я́снай,
Свїе́тя бїе́лая заря́.
Прасвяти́л усю̆о́ мїе́сяц я́снай
Спло́шь до Са́шина двара́.
И заше́л я к Са́ши у го́сти.
Мая Са́ша крїе́пка спи́ть.
Пастуча́л я аб ако́шка,
Са́ша со́нная бяжить.
(с. Старое Дубовое).

№ 29.

Как пайду́ я малўо́динькія ва зелёнаю рўо́шшу.
Срублю́ я маладе́нькя, тане́нькя, гладе́нькя клянўо́ваю дре́ва,
Издїе́лаю я маладе́нькя зво́нчатаи гу́сли.
Пазаба́вьтя, гу́сли-мы́сли, пазаба́вьтя го́стя,
Го́стя майво́ дарагўо́га,—ба́тюшку раднўо́ва.
Он не ча́сто у го́сти їе́здя, не до́лга гастю́я,
Адну́ но́чь начу́я,—тае́ пратаску́я.
Он лажи́тца спа́ть на ла́вки пад кра́сным ако́шкам,

Он ча́сто устава́я, усю́ю свіе́ту жела́я.
И што́ э́та свіе́ту ніе́ту, не ско́ра рассве́ня.

(с. Старое Дубовое).

№ 30. Протяжная.

Весе́лая бясіе́душка, игдіе́ ба́тюшка пьёть,
Он пье́ть, не пье́ть ради́май му́бй,
За мну́бй младо́й шлёть.
А я—ма́лада́—ма́ладёшунькя заме́шкалася
За у́тками, за гу́сями, за лебеда́ми
И за міе́лкай за пта́шкай за зо́рюшкай.
Зо́рюшка па беряжку́ паха́живала,
Кавы́лъ-тра́вку пашши́пывала,
Ключавбю вади́цаю захлёбывала.

(с. Маланьино).

№ 31. Воробей[1]).

(Яковъ Ѳедот. Бунинъ).

Запѣвъ: До́ма-ли, кума́, варабе́й? До́ма.
А што́ он діе́лаить, кума́? Бо́лян ляжи́ть.
А што́ ж у нево́ ды бали́ть? Галу́бовка.

Припѣвъ: Бали́ть, бали́ть галу́бовка.
Схади́, кума́ в агару́бд,
Сарви́ тра́вки—гару́бшку,
Припа́рь яму́ галу́бовку.
Па́рила, ку́мушка, па́рила галу́бушка.
Ево́ па́р да ни бире́ть,
Пу́шша к се́рцу пристаёть,
Лихама́нка[2]) берёть.

Запѣвъ: Дома-ли, кума, варабе́й? До́ма. и т. д.

. . . . . .

А што ж у нево́ бали́ть? Ше́ичкя.

Припѣвъ: Бали́ть, бали́ть ше́ичкя.
Схади́, кума́, в агару́бд, сарви́ тра́вки—шве́ички,
Припа́рь яму́ ше́ички и т. д.

---

1) Другая варіація.
2) Т. е. лихорадка.

Запѣвъ: Дóма-ли, кумá, варабéй? Дóма.

. . . . . .

А штó у невó балúть? Паперéкъ.

Припѣвъ: Балúть, балúть паперéк.
Схади́, кумá, в агарýóд, сарви́ трáвки-репеéкъ,
Припáрь ямý паперёкъ и т. д.

Запѣвъ: Дóма-ли, кумá, варабéй? Дóма.
А штó он дѣ́лаить, кумá? Бóлян ляжúть.
А што ж у него балить? Пупóчик.

Припѣвъ: Балúть, балúть пупóчик.
Схади́, кумá в агарýóд, сарви́ трáвки снапóчик,
Припáрь ямý пупóчик.
Пáрила, кýмушка, пáрила, галýбушка.
Евó пáр не берёть, пýшша к сéрцу пристаёть;
Лихамáнка берёть.

(с. Елецкая Лазовка).

№ 32. Утушка.

(Яковъ Ѳедот. Бунинъ).

Запѣвъ: Ýтка селезня́ любúла,
Картýз яму купúла,
И касáтава хвалúла
И камзýбл ямý сшúла.

Припѣвъ: Люлú, люлú, селезéнь,
Люлú, люлú, маладóй,
Чернабрóвай селезéнь
Чернагláзай селезéнь,
Ва камзýбли селезéнь
И у партках селезéнь.

Запѣвъ: Ýтка селезня́ любúла,
Кахтáн ямý купúла.

Припѣвъ: Люлú, люлú, селезéнь и т. д.

Запѣвъ: Ýтка селезня́ любúла,
Шаравáры яму купúла.

Припѣвъ: Люлú, люли, селезéнь и т. д.

Запѣвъ: У́тка селезня́ люби́ла,
Кушаче́к яму́ купи́ла.
Припѣвъ: Люли́, люли́, селезе́нь и т. д.
Запѣвъ: У́тка селезня́ люби́ла,
Перча́тачки яму́ купи́ла.
Припѣвъ: Люли́, люли́, селезе́нь,
Люли́, люли́, маладо́й,
Чернабро́вай селезе́нь,
Чернагла́зай селезе́нь...

(с. Елецкая Лазовка).

№ 33. *Заинка.*

(Яковъ Ѳедот. Бунинъ).

Запѣвъ: За́инка,—сїе́ринькей мўо́й дру́г!
Не люби́ли-ли тебе́, се́рце мўо́й,
Не вади́ли-ли тебе́?
Припѣвъ: Вўо́т вади́ли се́рце мўо́й:
Вўо́т Варю́ша за ру́ку,
А Катю́ша за другу́я,
А Дуняша удала́
Падхвати́ла,—павела́.
Запѣвъ: За́инка,—сїе́ринькей мўо́й дру́г!
Не сажа́ли-ли тебе́?
Припѣвъ: Пасади́ли, па́рень мўо́й,
Пасади́ли се́рце мўо́й,
Вўо́т Варю́ша на ла́вку,
А Катю́ша на скаме́йкю,
А Дўо́нюшка удала́
Мнїе́ сту́лица падала́.
Запѣвъ: За́инка,—сїе́ринькей мўо́й дру́г!
Не карми́ли-ли тебе́?
Припѣвъ: Вўо́т карми́ли, па́рень мўо́й,
Вўо́т карми́ли се́рце мўо́й:
Ка́к Варю́ша пираго́м,
А Катю́ша-та блино́м,

А как Дýбня удала́
Ка́шу с ма́слам падала́.

Запѣвъ: За́инка,— сїе́ринькей мýбй дрýг!
Не паи́ли-ли тебе́?

Припѣвъ: Вýбт паи́ли па́рень мýбй,
Вýбт паи́ли, се́рце мýбй:
Ка́к Варю́ша-та вино́м.
А Катю́ша—чихаро́м [1]),
А как Дýбня удала́
Стака́н ме́ду падала́.

Запѣвъ: За́инка,—сїе́ринькей мýбй друг!
Да не кла́ли-ли тебе́?

Припѣвъ: Кла́ли, кла́ли, па́рень мýбй,
Кла́ли, кла́ли, се́рце мýбй:
Ка́к Варю́ша на́ руку,
А Катю́ша на другýя,
А ка́к Дýбня удала́
Крїе́пко к се́рцу прижмала́.

Запѣвъ: За́инка,—сїе́ринькей мýбй дрýг!
Да ня би́ли-ли тебе́?

Припѣвъ: Би́ли, би́ли, па́рень мýбй,
Би́ли, би́ли, се́рце мýбй:
Как Варю́ша—рагаче́м [2]),
А Катю́ша—дергаче́м [3]),
А Дуня́ша удала́
Пад заты́лак паддала́.

Запѣвъ: За́инка,—сїе́ринькей мýбй дрýг!
Не дражни́ли-ли тебе́?

Припѣвъ: Вýот дражни́ли, па́рень мýбй,
Вýот дражни́ли, се́рце мýбй:

---

1) Т. е. *табакомъ*, «чиха́ръ» — отъ слова чихать. Отъ употребленія табаку чихаютъ.

2) Т е. ухватомъ.

3) Т. е. кочергой.

Как Катю́ша зайнкай,
А Варю́ша—сїе́риньким,
А Дуня́ша удала́
Касы́м че́ртам назвала́.

(с. Елецкая Лазовка).

№ 34. Здравица[1]):

(Яковъ Ѳедот Бунинъ)

Ой Илья́ Бо́жій свїе́т наделя́шшай,
А Мико́ла умаля́шшай!
Надяли́ть их хлїе́бам-со́лію,
И скота́ми—живота́ми,
Навараждёнными дитя́ми.
Мнў́гая, мнў́гая лїе́та!

(с. Елецкая Лазовка).

Духовные стихи.

Духовные стихи представляютъ для мѣстныхъ крестьянъ, особенно болѣе религіозно-настроенныхъ и любящихъ духовное пѣніе, особое развлеченіе или даже духовное наслажденіе. Вотъ почему нищіе-слѣпцы,—какъ любители и знатоки духовнаго пѣнія,—пользуются среди мѣстнаго населенія особымъ почетомъ и покровительствомъ. Во время храмовыхъ празднованій церковный хоръ охотно принимаетъ ихъ въ свою среду, а богатые крестьяне-хлѣбосолы предоставляютъ имъ на своихъ пирушкахъ самое почетное мѣсто «подъ святыми иконами».

Духовное пѣніе слѣпцовъ чаще всего можно слышать у храмовыхъ воротъ, на ярмаркахъ, въ домахъ духовной братіи,—мѣстныхъ богачей—хлѣбосоловъ и т. д.

Духовные стихи большей частью поются подъ акомпаниментъ старинной трехструнной бандуры, переходящей преемственно отъ

1) «Здра́вицы»— или особыя заздравные полусвѣтскіе стихи, которые, обыкновенно, распѣваетъ «нища братія» во время храмовыхъ празднествъ въ домахъ духовныхъ лицъ, купцовъ, богатыхъ крестьянъ, а также—на ярмаркахъ. За свое пѣніе эта «братія» получаетъ въ награду посильную лепту отъ своихъ почитателей и любителей пѣнія.

одного поколѣнія слѣпцовъ-нищихъ къ слѣдующему ихъ поколѣнію.

Въ заключеніе, слѣдуетъ отмѣтить, что «нища-братія» своимъ умилительно-стройнымъ и подчасъ неподдѣльно-воодушевленнымъ пѣніемъ сильно способствуетъ прочной религіозно-нравственной настроенности и вообще имѣетъ сильное вліяніе на духовно-нравственный складъ крестьянъ; въ этомъ смыслѣ, по признанію многихъ духовныхъ отцевъ, пѣвцы-нищіе являются ихъ ближайшими «помощниками» на духовно-просвѣтительной нивѣ среди мѣстнаго населенія.

№ 35. Плачъ Богородицы.

(Иванъ).

Ва и́же Христо́с Бо́г на́ш Іису́се.
Яди́най, лука́вай был Ю́да (вм. Іуда).
Запрада́л Христа́ Бо́га на распя́тія.
А распя́ли его́ на святу́о́м дре́вя купарі́еснам.
Распла́читца Ма́терь Бо́жія Маре́я:
«Прелюби́май сы́н му́бй, Бог Ца́рь нибе́снаи.
«Бязви́нную му́ку, Ча́до, принима́ишь,
«Ды за ми́р свяпу́я кро́вь праливаишь».
—«Не пла́чь, не рыда́й, ты Ма́ть-Маре́я.
«Эта мая́ му́ка—живу́о́т вїе́чнай».
Христу́о́с дару́я вїе́рным душа́м на спасе́ніе,
Бязвїе́рным, нявїе́рным—злу́ю, вїе́чнаю му́ку.
А сла́ва, Христе́ Бо́жи нашъ.

(с. Отскочное Задонск. у.).

№ 36. Плачъ Богородицы-вторая варіація.

(Иванъ).

Распла́читца ма́ть сыра́ земля,
Распла́читца Мать причисна́я Багару́о́дица.
Не магу́ ж малча́ть пред Го́спадам.
Сам Іису́с на не́ба вазну́о́ситца,
Ей рече́т: «патерпи́, причисна́я Багару́о́дица,
«Патярпи́, мать-сыра́ земля!

«Мўо́жуть,—грїе́шники спака́ютца,
«Не спака́ютца, не мину́ють суда́ стра́шнава,
«Суда́ стра́шнава, втару́ова прише́ствія,
«Ну за и́х сагрише́нія,
«Ну за и́х беззаку́о́нія
«На втару́о́м Христу́о́вам суду́».
Ва сла́ву Христе́ Бо́жи наш.

(с. Отскочное Задонск. у.).

№ 37. О смерти.

(Марія Васильсва).

Ко́ль люта́я сме́рть гнявли́ва
Дли на́с грїе́шных челавїе́к.
Ко́ль люта́я сме́рть гнявли́ва.
При канцу́ течёть на́ш вїе́к.
Де́нь и но́чь смерть хўо́дя,
Не гатўо́выми нас застаёть.
На калїе́ни припада́ю,
Я прашу́ у тебе, сме́рть.
Вдру́г нечаи́нна сме́рть заста́нить
Мене́ ва храмине худў́о́й.
На калїе́ни припада́ю,
Я прашу у тебе, смерть:
Обажди́ хўоть ма́ла вре́мя
На сїе́м свїе́тя мнїе́ пажи́ть
И маи́ гряхи́ няснў́о́сны
С пакаяніям слажи́ть.
Я и ви́жу ты не зря́ща
На прашеніе маё.
И усїе́ чле́ны расслабле́ны,
Зна́ть нам пў́о́зна памышля́ть.
Мў́о́жа, за́втря я зарю́о́ю
Я усну́ таки́м жа сно́м.

(с. Старое Дубовое).

№ 38. Вторая варіація о смерти.

(Марія Васильевна).

Памышля́йтя, христія́ня,
Ап сваи́х дялу́ов усіе́ дни́.
Далжну́о уся́каму челавіе́ку
Стра́шнава дня памышля́ть.
Усіе́ утіе́хи, усіе́ заба́вы—
Далжну́о пра ни́х забыва́ть,
Судяржи́тиля Тварца́ Бо́га
В по́мачь призыва́ть.
Ка́к на́м грі́е́шным беззакуо́нным
Ка спасе́нію иди́ть.
За спину́ою сме́рть с касу́ою
Ху́дя бо́дренна, ня спи́ть.
Ана́ ху́дя н'юзира́я,
Што́б у́зять го́лаву с каго́.
Ана бі́е́дных дажида́я
И бага́тых не щади́ть.
Так на шту́ож я суячу́ся,
Када́ у́часть мая такава́.
Суета́ суе́тствій прида мну́ою
Завсягда́, как ті́е́нь бяжи́ть.

(с. Новое Дубовое).

№ 39. О страшномъ судѣ.

(Марія Васильевна).

Прабуди́ся ты ат сна́, нявіе́ста,
Як грядет сы палу́начи Жани́х
Суди́ти живы́х с ме́ртвыми.
И блажен раб, его́ же обря́щет бдя́ща,
И наста́нуть для си́х дни златы́и.
Он введёть их ва свуо́й чертог.
Недастуо́йны па́ки бу́дуть суди́мы.
От у́сего́ ата сна́ прабу́дить
Стра́шная Его́ труба́,

Усїé ру́ци его и но́зи свя́жуть
И ввéргнуть в гїéнскій ро́д,
Ввéргнуть их, игдїé няснýóсны мýки,
Крúк и плáч, и скрéжет зубýóв.
Убегáй гряхýóв, убегáй, душá мая,
Штó бы ты не дашлá да áду
И штó б ты не лишúлась крáсна рáю,
Васпрáни Тварцý, душá мая́.
Игдїé вы, рабы́, ваздремáли,
И паштýó не был у вáс елей?
Не затїéм анú астáлись
У Гаспýóдних у дверéй.
Берягúсь, наскýóлькя можна,
Будь трезвá, душа мая!
Мýожа быть, сы сей палýначи
Пазавýть дýшу на сýд.

(с. Новое Дубовое).

№ 40. Предательство Іуды.

(Марія Егорова)

Царю́ Христé—Спáсе мїра!
И ты, А́гнец, не злóбен бы́л.
Тáйным вéчерам жиды́ савїéт сатвари́ли.
Стáли жиды́ гадáти, как им Христá паймати.
Он им закýóн приставля́я,
Царём себé величáя.
Не и́мам царя́, кроме кесаря еди́нава.
Ю́да к ним притéкше
И дáл им рїéчи:
Што мнїé дáсте,
Предáм Его за серéбреники.
А Ю́да разгарїéлси,
Сéрцам сваи́м распали́лси,
За серéбриник предáл им Христá.
Тагда он избїéх сваёвó цáрства,

Бы́вше учени́к Его.
Христо́с мо́лвил ко ученику́—
Ко Іоа́нну напе́рснику:
«Мали́теся и ня спи́тя
«Жди́тя маи́х страсте́й и дажида́йтя.
«Прихў́о́дя час мў́о́й умре́ти.
«Устава́йтя вїе́рніи,
«Да иду́ я ат ва́с».

(с. Воробьевка).

№ 41. О крестныхъ страданіяхъ Іисуса Христа.

(Марія Егорова)

Ро́д жидў́о́вскай научёный
И ат Христа́ атречёный.
Сабира́лись жиды́ би́ти,
Су́са Христа́ умяртви́ти.
Пила́т ру́ки умыва́я,
На крястїе́ Христа́ распина́я.
И Его Ма́ти жа́ласливая
Пред крести́м стаи́ть пла́читца,
На сваего Сына взира́я:
«Сын ты, мў́ой Сын, прилюбезнай,
«Се́рцу маяму́ бале́знай!
«Атчего́ ты ничего́ не прамо́лвиши
«И се́рце маё не утали́ши?»
— «Табїе́, Ма́терь, спавїе́даю,
«Не на вїе́ки я умира́ю»...
Васпла́чим мы са слеза́ми.
Принима́л Христо́с му́ки — ра́ны
За на́с грїе́шных христія́н,
Кро́вь часну́ю праliва́л,
Принима́л Христо́с му́ки, — стра́сти,
Да изба́вить на́с ат напа́сти.

(с. Воробьевка).

№ 42. Великомученицъ Варвара.

(Марія Егорова).

Хва́лим мы святу́я Варва́ру.
Хади́, весяли́ся Бо́жью да́ру.
Как ана́ млада́ прикра́сна
Спазна́лася Бо́гу.
Ту́т ей ате́ц сазда́л сто́лп вису́бкай,
Што́бы не пазна́ть ей тайнасти глубу́ки,
Што́бы весяли́лась, за́-муж вы́тить сагласи́лась,—
—Спазна́лась са вью́нашай прикра́сным.
Тут Варва́ра на не́бо узира́ла,
Ана́ умо́м сваи́м размышля́ла,
А вѣ́ря пра́вай и святу́ой.
Мы́сли ее благїи ня здѣ́шнива свѣ́ту.
Ате́ц не знал ее умышле́нія,
Са сталба́ сайти́ть он дал пазвале́нья,
Са́м уѣ́хал ва да́льни стра́ны.
А до́ма вялїе́л стро́бить ба́ню
Са двумя́ лишь акна́ми.
Палучи́ла ана́ слабу́ду,
Вазна́ла ана́ не ма́ла Христу́ова нару́ду.
Бо́га зна́ть у́сегда́ жала́ла,—
При себе́ имѣ́ть дяви́ц христіянских.
Тут ей тайны абъяви́лись,—аткры́лись,
И вѣ́ря святу́би ее научи́ли.
Тут Варва́ра акрясти́лась,
Усе́й душу́бой ана́ прасвяти́лась.
Он ей да́л па пра́ву
Ту́т ну́бваю ба́ню.
Ба́ню ана́ пасматрїе́ла,
Три акна́ сазда́ть ана́ вялїе́ла.
Бо́га — Тру́бицу пазна́ла,
Кре́ст на ка́миню начерта́ла,
Атца́ раздража́ла.

Он на до́чь сваю́ гнїе́вна распали́лси,
Нача́л му́чить ее немилосе́рдна,
Патѣша́ть ее му́ками сваю се́рца,
И тїе́м Тварца́ прагневля́ти.
Вы́рвалась ана́ из рук его тира́нских.
Ту́т пешше́ра ее скры́ла,
Ка́мень на́ двое раздяли́ла
Гаспу́бднія си́ла.
Бежа́л ате́ц за не́й у я́расти ужа́снай.
Не дагна́мши до́черь прикра́сну,
Пастухў́бов он вапраша́я:
«Не видали-ли вы бягу́щію дяви́цу?»
Ади́н пасту́х Тварца́ убая́лси:
«Хў́бть бы я и вида́л»... он у ту́бм запира́лси.
А другбй не сажалїе́мши,
Указа́л перстбм, насмія́вшись,
Игдїе́ укры́лась свята́я Варва́ра.
Зато́ он ста́л стбл непакалябима́й...
Наказа́л его Гаспу́бдь и справядли́ва.
И бвцы у сталбы́ абрати́лись.
И усїе́ лю́ди удиви́лися,
Зря сіе́ чу́да присла́вная.
Тут паима́л ате́ц Варва́ру святу́я,
Сня́л с ней аде́жду дарагу́я,
Нача́л му́чить ее немилосе́рдна,—
Тварца́ прагневля́ти.
Ту́т пад ме́чъ ана́ главу́ прикланя́ла,
Атца́ сваегб гнїе́вам Ббжьим пристыжа́ла.
«Пагиба́ишь ты, дїе́ман,
Пахи́тить тебе́ дїе́ман и ад преиспу́бдней».
При канчи́ни Варва́ра мали́лась,
Штбб напра́снай сме́рти ча́с не насти́г.

. . . . . .

. . . . . .

Пачита́ть ее хто бу́дить,
И хто́ страда́нія ее не забу́дить,
Тот суда́ Бо́жьево́ мину́ить.
Приди́ ка мнѣ́, Варва́ра,
Ў ча́с сме́рти мае́й!

(с. Воробьевка).

№ 43. О св. Макаріи.

(Марія Егорова).

Из пусты́ни, из вяртѣ́па идѣ́ть, грядѣ́ть младой вью́ноша,
А нустрѣ́ч ему́ Са́м Іису́с Христо́с.
Аб чу́о́м ты, вью́ноша, гу́брькя пла́чишь?
«О Го́споди,— Спаси́тель му́о́й!
«Как мнѣ́ не пла́кати, как не рыда́ти:
«Патеря́л я кни́гу Ева́нгелья, урани́л я у мо́ря залаты́и ключи́».
— «Не пла́ч, не рыда́й, младо́й вью́ноша!
«Кни́гу Ева́нгелья са́ми вы́пишим,
«Че́рнаго мо́ря са́ми вы́сушим,
«Даста́ним мы залаты́и ключи́,
«Атамкне́м мы, атапре́м залаты́и врата́».
— «Ох, Го́спади, Спаси́тель му́о́й!
«Асквярни́лась душа́ мая́
«Ат вся́ких бѣ́д нечасти́вых
«Гряху́о́в свои́х нестярпи́мых».

(с. Воробьевка).

№ 44. О св. Николаѣ-Чудотворцѣ.

(Марія Егорова).

Ой хто Микала́я лю́бя
И хто ему́ вѣ́рна слу́жа,
Таму́ свято́й Микала́й
На вся́кай час памага́я.
И хто к няму прибега́я

И на по́мачь его призыва́я,
То́т ат гряхў́в аслабани́тца
И пакў́ям наслади́тца.
Хто́ де́ржа его́ о́браз у до́ми,
Таму́ он памў́о́шник на зямлі́е́ и на мо́ри.
Ра́дуйся, Мико́лае, вяли́кай и присла́внай Чудатвў́о́рче!

(с. Воробьевка).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ заключеніе, для большей полноты этнографическаго матеріала, считаемъ не лишнимъ привести еще текстъ записанныхъ нами народныхъ мѣстныхъ молитвъ и заговоровъ.

№ 45. Заговоръ отъ жабы.

(Осипова).

У баля́шшага (имя) жа́ба, жа́ба.
Ты ступа́й, жа́ба, на канюо́вскаю ба́бу
И ступа́й на зеле́най лужо́к (ду́нуть-плю́нуть),
Іе́шь зеле́наю тра́ву, пей ключаву́ю во́ду.
Безъиме́нна напа́л, безъиме́нна прапа́л.

(с. Маланьино).

№ 46. Отъ сухого кашля.

(Аввакумовна).

Ат сі́ерава гла́за, ат че́рнава гла́за,
Вї́етрам наду́ло, вї́етрам сду́ло.
Дубагло́т, дубагло́т! вазьми́ мў́о́й гло́т (до трехъ разъ).

(с. Маланьино).

(Во время чтенія этого заговора надо потереться горломъ о лавочку опечика до трехъ разъ).

№ 47. Заговоръ отъ кровотеченія.

(Александръ).

На мо́ри — акія́ни, на бальшу́о́м курга́ни
Стаи́ть даска́, на даскі́е́ Бо́жья Ма́тушка.
Ко́сы заплета́я, кавры́ вышива́я,
Па́льцами перебира́я.
Па́льчик асмыгну́лси, кро́вью зали́лси.
. . . . . .
И ты, кро́вь заткни́ся, кро́вь-руда́ астанави́ся.
(дунуть—плюнуть).

(с. Карачунъ).

№ 48. Заговоръ отъ ячменя.

(Тимофеевна).

Ячме́нь, ячме́нь! на табі́е́ ку́куш,
Чего́ хў́о́чишь,—то ку́пишь.
Купи́ сабі́е́ тапаро́к,
И сруби́ себе́ папере́к.

(с. Старое Дубовое).

№ 49. Заговоръ отъ коликовъ.

(Абрамъ Рудаковъ).

Ва и́мя Отца́. Ами́н.
Аста́лси ади́н.
Тьфу! Ни 'днаго́ (т. е. ни одного «ко́лика»).

(с. Старое Дубовое).

№ 50. Заговоръ отъ кровотеченія (другая варіація).

(Тарасьевна).

На мбри-акія́ни, на о́страви буя́ни
Стаи́ть прястў́о́л, на прястў́о́ли сиди́ть дяви́ца,
Дяви́ца преде́ куде́лицу[1]).
И ни́тачкя абарви́ся, руда-кро́вь угамани́ся

1) Т. е. рогатка, принадлежность пряхи.

Лятѣ́л во́ран черяз мо́ря,
Во́ран кра́кня,— руда́ ка̀пня (до 3-хъ разъ).

(с. Старое Дубовое).

№ 51. Заговоръ отъ укушенія змѣи.

(Абрамъ Рудаковъ).

На мо́ри акіяни, — на о́страви буя́ни
Стаи́ть дуб пирками́д.
Пад тѣ́м ду́бам земля ляжи́ть.
Кричи́ть, савыва́я, сваи́х казюля́т падкрика́я
Ня ты-ли сблагава́ла, ня ты-ли сшельмава́ла?
Вынь сваю́ жа́ла из рук, из ну́бг, из жил, из па́жилак.

(с. Старое Дубовое).

№ 52. Мѣстная молитва передъ сномъ (вечерняя).

(Тарасьевна).

Хресто́м хряшшу́сь,
Хресто́м гаражу́сь.
Ма́тушка — Карми́лица!
Сахрани́ мене́ да по́лначи!
А́нгаль Гаспубдней да свѣ́ету,
А Гаспубдь да вѣ́ку.

(с. Старое Дубовое).

Записалъ **Владиміръ Тростянскій.**

